

Russian-Armenian University

*Printed by the decision of the
Academic Council of RAU*

V E S T N I K

**OF RUSSIAN-ARMENIAN UNIVERSITY
(SERIES: HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES)**

**(57)
RAU University Press
№ 2/2026**

Российско-Армянский университет

*Печатается по решению
Ученого совета РАУ*

В Е С Т Н И К

**РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ)**

**(57)
Издательство РАУ
№ 2/2026**

Главный редактор: д.эконом.н., профессор **Сандоян Э.М.**

Заместитель главного редактора: д.филол.н., проф., к.ф.-м.н. **Аветисян П.С.**

Ответственные секретари: к.филол.н., доц. **Саркисян О.Л.**, к.филол.н., доц. **Авакян М.Э.**

Редакционная коллегия

Юридические науки

Епифанова Т.В. – д.э.н., к.ю.н., проф. Кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (Россия).

Толстых В.Л. – д.ю.н., проф. Кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России (МГИМО МИД России), главный научный сотрудник Лаборатории международно-правовых исследований МГИМО (Россия).

Баранов В.М. – д.ю.н., проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, Президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» (Россия).

Ярков В.В. – д.ю.н., проф., заведующий Кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (Россия).

Аветисян С.С. – д.ю.н., проф., Заслуженный юрист РА, проф. Кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Российско-Армянского университета (РАУ), судья уголовной палаты Кассационного суда РА.

Политические науки

Лебедева М.М. – д.п.н., к.псих.н., проф., заведующая Кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений МИД России (МГИМО МИД России), Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы (Россия).

Маркедонов С.М. – к.и.н., доц. Кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений МИД России (МГИМО МИД России), ведущий научный сотрудник Центра Евро-Атлантической безопасности МГИМО, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, главный редактор журнала «Международная аналитика» (Россия).

Семененко И.С. – д.п.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН) (Россия).

Кузнецов И.И. – д.п.н., проф., проф. Кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ) (Россия).

Поцелуев С.П. – д.п.н., к.филол.н., проф. Кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (Россия).

Енгоян А.П. – д.п.н., проф., проф. Кафедры политологии Ереванского государственного университета (ЕГУ).

Экономические науки

Сандоян Э.М. – д.э.н., проф., ректор Российско-Армянского университета (РАУ).

Широв А.А. – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия).

Абрамова М.А. – д.э.н., проф., руководитель Департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета при Правительстве РФ (Россия).

Кувалин Д.Б. – заместитель Директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИПН РАН) (Россия).

Головнин М.Ю. – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., директор Института экономики РАН (Россия).

Родионов Д.Г. – д.э.н., проф., директор Высшей инженерно-экономической школы Института промышленного менеджмента, экономики и торговли (ИПМЭиТ СПбПУ) (Россия).

Кристинович С.А. – д.э.н., проф. Кафедры экономической теории Белорусского государственного экономического университета (БГЭУ) (Белоруссия).

Суварян А.М. – д.э.н., проф. Кафедры управления и бизнеса Российско-Армянского университета (РАУ).

Восканян М.А. – д.э.н., проф., заведующая Кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского университета (РАУ).

Петросян И.Б. – к.э.н., доц., заведующая Кафедрой экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского университета (РАУ).

Коджоян Р.А. – к.э.н., доц., заведующая Кафедрой управления и бизнеса Российско-Армянского университета (РАУ).

Филологические науки

Егизарян А.К. – д.филол.н., проф., проф. Кафедры армянского языка и литературы Российско-Армянского университета (РАУ).

Симонян А.А. – д.филол.н., проф., заведующая Кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского университета (РАУ).

Геворкян Г.Г. – д.филол.н., проф., заведующая Кафедрой армянского языка и литературы Российско-Армянского университета (РАУ).

Акопян К.С. – к.филол.н., доц., заведующий Кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета (РАУ).

Меликсетян Л.С. – к.филол.н., проф., заведующая Кафедрой русской и мировой литературы и культуры Российско-Армянского университета (РАУ).

Золян С.Т. – д.филол.н., проф.

Поплавская Н.В. – к.филол.н., доц. Кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН), заместитель декана филологического факультета по международной деятельности РУДН, руководитель образовательных программ “Multimedia journalism”, “Global and digital media” РУДН (Россия).

Леонов И.С. – д.филол.н., доц., заведующий Кафедрой мировой литературы Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

Исторические науки

Маргарян Е.Г. – д.и.н., проф., директор Института международных отношений и общественно-политических наук Российско-Армянского университета (РАУ).

Мелконян А.А. – д.и.н., проф., академик НАН РА, директор Института истории НАН РА.

Психологические науки

Берберян А.С. – д.псих.н., проф., заведующая Кафедрой психологии Российско-Армянского университета (РАУ).

Корнилова О.А. – д.псих.н., доц., первый заместитель директора, проф. Кафедры педагогической и прикладной психологии Самарского филиала ГГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Россия).

Философские науки

Галикян Г.Э. – к.филос.н., доц., заведующий Кафедрой философии Российско-Армянского университета (РАУ).

Ретюнских Л.Т. – д.филос.н., проф., проф. Кафедры философии естественных факультетов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ) (Россия).

Джиджян Р.З. – д.филос.н., проф., проф. Кафедры философии и логики Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна.

Востоковедение

Зеленев Е.И. – д.и.н., проф., директор Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург (Россия).

Асатрян Г.С. – д.филол.н., проф., директор Института востоковедения Российско-Армянского университета (РАУ).

Аракелова В.А. – к.и.н., проф. Института востоковедения Российско-Армянского университета (РАУ).

Журнал основан в 2003 году и входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА и РИНЦ

Российско-Армянский университет, 2026г.

ISSN 1829-0485

© Издательство РАУ, 2026

Editor-in-Chief: Doctor of Economics, Professor **Sandoyan E.M.**
Deputy Chief Editor: Doctor of Philosophy, Professor, Candidate of Physical and Mathematical

Sciences **Avetisyan P.S.**

Responsible Secretaries: Candidate of Philosophy, Associate Professor **Sarkisyan O.L.**,
Candidate of Philology, Associate Professor **Avakyan M.E.**

Editorial Team

Legal Sciences

Epifanova T.V. – Doctor of Economics, Candidate of Juridical Sciences, Professor, Department of Civil Law, Rostov State Economic University (RINH) (Russia).

Tolstykh V.L. – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Chief Researcher, Laboratory of International Legal Studies, MGIMO (Russia).

Baranov V.M. – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Chief of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Innovative Development of Scientific Activities, President of the Nizhny Novgorod Research and Applied Center "Legal Technology" (Russia).

Yarkov V.V. – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Procedure, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Russia).

Avetisyan S.S. – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Professor at the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Russian-Armenian University (RAU); Judge of the Criminal Chamber of the Court of Cassation of the Republic of Armenia.

Political Sciences

Lebedeva M.M. – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation (Russia).

Markedonov S.M. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO); Senior Researcher, Center for Euro-Atlantic Security, MGIMO; Senior Researcher, Institute of International Studies, MGIMO; Editor-in-Chief of the journal *International Analytics* (Russia).

Semenenko I.S. – Doctor of Political Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Research, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences (Russia).

Kuznetsov I.I. – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Potseluev S.P. – Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Theoretical and Applied Political Science, Institute of Philosophy and Social-Political Sciences, Southern Federal University (Russia).

Engoyan A.P. – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of Political Science, Yerevan State University.

Economic Sciences

Sandoyan E.M. – Doctor of Economics, Professor, Rector of the Russian-Armenian University (RAU).

Shirov A.A. – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Abramova M.A. – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Banking and Financial Markets, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia).

Kuvalin D.B. – Deputy Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Golovnin M.Yu. – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Rodionov L.G. – Doctor of Economics, Professor, Director of the Higher School of Engineering and Economics, Institute of Industrial Management, Economics and Trade, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU) (Russia).

Kristinevich S.A. – Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of Economic Theory, Belarusian State Economic University (BSEU) (Belarus).

Suvaryan A.M. – Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of Management and Business, Russian-Armenian University (RAU).

Voskanyan M.A. – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Finance, Russian-Armenian University (RAU).

Petrosyan I.B. – Candidate of Economic Sciences (Ph.D. in Economics), Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory and Problems of Transition Economy, Russian-Armenian University (RAU).

Kojoyan R.A. – Candidate of Economic Sciences (Ph.D. in Economics), Associate Professor, Head of the Department of Management and Business, Russian-Armenian University (RAU).

Philological Sciences

Eghiazaryan A.K. – Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor at the Department of Armenian Language and Literature, Russian-Armenian University (RAU).

Simonyan A.A. – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Language Theory and Intercultural Communication, Russian-Armenian University (RAU).

Akopyan K.S. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Professional Communication, Russian-Armenian University (RAU).

Meliksetyan L.S. – Candidate of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian and World Literature and Culture, Russian-Armenian University (RAU).

Gevorgyan G.G. – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Armenian Language and Literature, Russian-Armenian University (RAU).

Zolyan S.T. – Doctor of Philological Sciences, Professor.

Poplavskaya N.V. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Mass Communications, RUDN University; Deputy Dean of the Philological Faculty for International Activities, RUDN University; Head of the Educational Programs *Multimedia Journalism* and *Global and Digital Media* (Russia).

Leonov I.S. – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of World Literature, Pushkin State Russian Language Institute (Russia).

Historical Sciences

Margaryan E.G. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities, Russian-Armenian University (RAU).

Melkonyan A.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (NAS RA), Director of the Institute of History, NAS RA.

Psychological Sciences

Berberyan A.S. – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology, Russian-Armenian University (RAU).

Kornilova O.A. – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, First Deputy Director, Professor at the Department of Pedagogical and Applied Psychology, Samara Branch of Moscow City Pedagogical University (Russia).

Philosophical Sciences

Galikyan G.E. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Russian-Armenian University (RAU).

Retyunskikh L.T. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy for the Natural Science Faculties, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Djidjyan R.Z. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy and Logic, Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan.

Oriental Studies

Zelenev E.I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Studies and African Studies, National Research University Higher School of Economics (HSE University), St. Petersburg (Russia).

Asatryan G.S. – Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Studies, Russian-Armenian University (RAU).

Arakelova V.A. – Candidate of Historical Sciences, Professor, Institute of Oriental Studies, Russian-Armenian University (RAU).

The journal founded in 2003 is included in the list of periodicals registered by HAC RA and RSCI

Russian-Armenian University, 2026

ISSN 1829-0485

© RAU University Press, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Айрапетян В.Л., Хагагорян И.А. Импортозависимость экономики Армении	11
Галстян А.Г., Сантросян Э.Г. Взаимосвязь между поведенческими факторами и финансовой грамотностью: межстрановой анализ	27
Есаян А.В. Немонетарные факторы инфляции и источник волатильности инфляции в Армении	45

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Айрапетян А.К., Назаретян Р.В. Современные тенденции цифровизации налоговых правоотношений на европейском пространстве: рекомендации для ЕАЭС	63
Шахназарян О.С. Проблемы применения института исковой давности в контексте реализации закона Республики Армения «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение» и предлагаемые пути их решения	74

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Саркисян О.Л., Арутюнян М. Л., Хачатурян С.О. О роли социально-гуманитарных наук в процессе нациестроительства: на примере Республики Армения	94
Карапетян Р.К. Организация тюркских государств (ОТГ) – новый «Центр силы» на Большом Ближнем Востоке. Вызовы для Армении	122
Тер-Варданян А.А. Критика демократии в контексте политических предпочтений античных мыслителей	139

ПСИХОЛОГИЯ

Берберян А.С., Матвеева Н.В. Взаимосвязь между психологическим благополучием, личностной идентичностью и адаптивностью у мигрантов	174
Гегамян Э.К. Взаимосвязь креативности личности и мотивов на раннем этапе профессионального развития	197

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Симонян А.А. Философия М.М. Бахтина и ее применение к политическому дискурсу	227
Мкртчян М.Г., Мартirosян А.А. Стратегическая неопределенность в дипломатическом дискурсе: исследование Хартии Армения-США	239
Варданян М.А. Когнитивно-прагматический анализ лексических отклонений в академическом списке слов	260
Фарамазян М.С. Поэтическое наследие В. Терьяна в свете манифеста символизма В. Брюсова	281

ЖУРНАЛИСТИКА

Алесян М.В., Тяпин М.А. Пастырская медиариторика в цифровом пространстве (на материале Telegram-канала иерея Павла Островского).....	295
---	-----

CONTENT

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Hayrapetyan V., Khagagortyan I. Import dependence of the Armenian economy	11
Galstyan A., Santrosyan E. The relationship between behavioral factors and financial literacy: a cross-country analysis	27
Yesayan A. Non-monetary factors of inflation and sources of inflation volatility in Armenia	45

JURISPRUDENCE

Hayrapetyan A., Nazaretyan R. Modern trends in the digitalization of tax legal relationships in the european area: recommendations for the EAEU	63
Shahnazaryan H. Problems arising and proposed solutions regarding the application of the statute of limitations under the implementation of the RA law “On the confiscation of property of illegal origin”	74

POLITICAL SCIENCE AND INTERNATIONAL RELATIONS

Sargsyan H., Harutyunyan M., Khachaturyan S. On the role of humanities and social sciences in the nation-building process: the case of the Republic of Armenia	94
Karapetyan R. Organization of Turkic States (OTS) – a new “center of power” in the Greater Middle East. Challenges for Armenia	122
Ter-Vardanyan A. Criticism of democracy in the context of the political preferences of Ancient thinkers	139

PSYCHOLOGY

Berberyan A., Matveeva N. The relationship between psychological well-being, personal identity and adaptability in migrants	174
Geghamyan E.K. The relationship between personal creativity and motivation at the early stage of professional development	197

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

Simonyan A. Theoretical framework of Bakhtin’s philosophy and its application to political discourse	227
Mkrtchyan M., Martirosyan A. Strategic ambiguity in diplomatic discourse: the case of the Armenia-US Strategic Partnership Charter	239
Vardanyan M. Cognitive-pragmatic insights into lexical deviations in AWL... ..	260
Faramazyan M. V. Teryan's poetic heritage in the light of V. Bryusov's symbolism manifesto	281

JOURNALISM

Alekyan M., Tyapin M. Pastoral media rhetoric in the digital space: a case study of priest Pavel Ostrovsky’s Telegram publications	295
---	-----

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI 10.24412/1829-0485-2026-2-11-26
УДК 339.562

Поступила: 03.03.2026г.
Сдана на рецензию: 15.03.2026г.
Подписана к печати: 07.05.2026г.

ИМПОРТОЗАВИСИМОСТЬ ЭКОНОМИКИ АРМЕНИИ

В.Л. Айрапетян¹, И.А. Хагагорян²

*Российско-Армянский университет
viktoriya.hayrapetyan@rau.am, ingaingakh@gmail.com
ORCID¹: 0009-0001-7371-5643, ORCID²: 0009-0007-8170-4622*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрены вопросы импортозависимости экономики Республики Армения. В рамках анализа проведены расчеты с использованием Индекса проникновения импорта. Анализ охватывает все отрасли промышленности Республики Армения. Для этого данные внешней торговли, классифицированные по Гармонизированной системе (HS), переведены в Международную стандартную отраслевую классификацию (ISIC), что обеспечит сопоставимость по секторам и позволит провести оценку на уровне отдельных отраслей промышленности.

Результаты исследования свидетельствуют о высоком уровне импортозависимости экономики Республики Армения. Для малых экономик высокая импортозависимость не является негативным явлением, если она обусловлена участием в глобальных цепочках создания стоимости и использованием импорта как промежуточного ресурса. Однако отраслевой анализ Индекса проникновения импорта показывает, что в большинстве отраслей обрабатывающей промышленности

Армении значения показателя близки к единице или превышают ее, что указывает на структурную зависимость от импорта.

Исследование способствует более глубокому пониманию структурных особенностей армянской промышленности и степени ее интеграции в международные торговые потоки. Полученные результаты могут служить основой при формировании промышленной и внешнеэкономической политики Армении, направленной на снижение импортозависимости, стимулирование локализации производства и укрепление экономической безопасности страны.

Ключевые слова: импортозависимость, промышленное производство, Индекс проникновения импорта, внешняя торговля, импорт.

Введение

Актуальность исследования импортозависимости экономики Республики Армения обусловлена совокупностью структурных, макроэкономических и внешнеполитических факторов. Экономика Армении, являясь малой открытой экономикой с ограниченной производственной базой и без выхода к морю, традиционно характеризуется высокой долей импорта в обеспечении внутреннего производства и потребления. Для Армении актуальность темы усиливается также резкими структурными сдвигами во внешней торговле после 2022 года, связанными с ростом реэкспортных операций и изменением географической ориентации импортных потоков. Такие изменения затрудняют интерпретацию традиционных показателей и требуют более глубокого анализа импортозависимости.

Целью данного исследования является определение уровня зависимости экономики Армении от импорта и выявление отраслей, где эта зависимость наиболее выражена.

Основная часть

Импортозависимость экономики – это уровень зависимости внутреннего производства и потребления страны от импорта товаров и услуг [1].

Проблематика импортозависимости занимает важное место в современной экономической литературе, особенно применительно к малым открытым экономикам. Согласно Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), уровень зависимости страны от импорта определяется не только его объемом, но и тем, какие именно товары закупаются и насколько разнообразны источники поставок, что влияет на устойчивость экономики к внешним шокам.

На основе литературного обзора можно прийти к выводу, что для малых экономик высокая степень импортозависимости естественна и является следствием ограниченности внутреннего рынка, узкой производственной базы и необходимости участия в международном разделении труда [2], [3]. В литературе также подчеркивается, что импортозависимость не всегда является негативным явлением. В условиях глобальных цепочек создания стоимости импорт промежуточных товаров может показывать, что страна включена в международное разделение труда [4], [5]. Проблемой она становится, когда зависимость от импорта затрагивает критически важные отрасли или сопровождается слабыми производственными процессами страны (Табл. 1).

Таблица 1.

Импортозависимость – хорошо или плохо?

Источник	Ключевая мысль
<i>“Global value chain dependencies under the magnifying glass” [6]</i>	«Стремительная глобализация цепочек создания стоимости, определяемая в общих чертах как рост доли импортируемых товаров и услуг в объеме производства, привела к повышению производительности труда и активизации участия стран с низким уровнем дохода в международной торговле, но одновременно могут создаваться зависимость от небольшого числа ключевых игроков».

<i>“Risks and opportunities of reshaping global value chains” [7]</i>	«Зависимость определяется не только тем, сколько страна импортирует, но и от того, у кого закупаются товары и насколько они важны для разных отраслей экономики».
<i>“SMALL STATES – Overlapping Crises” [8]</i>	«Одной из общих черт малых экономик, которые делают их особенно уязвимыми к потрясениям, является зависимость от импорта товаров первой необходимости».
<i>“Global Value Chains” [9]</i>	«В контексте участия стран в глобальных цепочках создания стоимости импорт промежуточных товаров отражает включенность экономики в международное разделение труда, что способствует росту производительности и конкурентоспособности».

Методология оценки импортозависимости

Для оценки уровня импортозависимости экономики наиболее часто применяется Индекс проникновения импорта (*“Import Penetration Ratio”*) [10]. Показатель отражает долю внутреннего спроса, удовлетворяемую за счет импорта, и рассчитывается следующим образом:

$$\text{Индекс проникновения импорта} = \frac{\text{Импорт}}{\text{Производство} - \text{Экспорт} + \text{Импорт}} \quad (1)$$

Значение ИПИ варьируется от 0 до 1, где 1 означает полную зависимость внутреннего рынка от импортных поставок. Для малых открытых экономик показатель ИПИ часто бывает выше среднего. Это объясняется ограниченным размером внутреннего рынка, невозможностью охватить широкий спектр производств и более высокой степенью специализации, что делает импорт ключевым источником обеспечения спроса.

Чтобы проверить эту закономерность, был проведен сравнительный анализ стран с населением от 1 до 10 млн человек (Табл. 2). Полученные данные показывают, что высокая импортозависимость является характерной чертой малых экономик, однако ее уровень определяется моделью развития. Армения (ИПИ = 0.76) занимает срединное положение среди сопоставимых стран. Экономике с переходным типом развития и малые страны ЕС сопоставимо демонстрируют высокие значения ИПИ, что связано с ограниченностью внутреннего рынка и участием в ГЦСС. В то же время развитые малые экономики характеризуются более умеренной импортозависимостью, а реэкспортные экономики имеют экстремально высокие значения показателя, что ограничивает их сопоставимость с Арменией.

Таблица 2.

Импортозависимость малых экономик за 2024г.¹

Страна	Доля в мировом населении, 2024, %	Доля в мировом ВВП, 2024, %	Доля в мировом экспорте, 2024, %	Доля в мировом импорте, 2024, %	Доход на душу населения, 2024, USD	ИПИ
Армения	0.04	0.02	0.06	0.06	8500.61	0.76
Беларусь	0.11	0.07	0.15	0.16	8316.65	0.66
Литва	0.04	0.08	0.19	0.19	29386.29	0.73
Латвия	0.02	0.04	0.09	0.09	23367.60	0.66
Грузия	0.05	0.03	0.05	0.06	9193.66	0.52
Молдова	0.03	0.02	0.02	0.03	7617.52	0.45
Словакия	0.07	0.13	0.37	0.38	26147.90	0.85
Словения	0.03	0.07	0.18	0.17	34089.35	0.80
Венгрия	0.12	0.20	0.52	0.49	23310.75	0.73
Австрия	0.11	0.47	0.92	0.89	56833.20	0.55
Норвегия	0.07	0.43	0.71	0.52	86809.72	0.39
Швейцария	0.11	0.55	1.03	0.98	103669.87	0.53
Ирландия	0.07	0.52	2.64	1.94	107316.34	1.82
САР Гонконг, Китай	0.09	0.37	2.29	2.31	54107.03	1.85
Сингапур	0.07	0.49	3.03	2.51	90674.07	2.22

Источник: Рассчитано авторами на основе базы данных Всемирного Банка, <https://data.worldbank.org> [11].

¹ **Примечание.** В Табл. 2 представлены малые экономики, отобранные по принципу сопоставимости с экономикой РА по размеру населения и репрезентативности. В выборку включены страны с различными моделями импортозависимости: экономики с

Динамика и структура импортных потоков Армении

За последние два десятилетия внешнеторговая активность Армении заметно усилилась, однако динамика остается неоднородной. В 2000-е годы наблюдался постепенный рост импорта и экспорта, однако их соотношение указывает на сохраняющийся внешний дисбаланс. Мировой кризис 2009 года привел к сокращению обоих показателей. В последующие годы объемы вновь увеличивались, а доля импорта в ВВП колебалась в диапазоне 42–50%. С 2017–2019гг. внешняя торговля ускорилась, а импорт заметно опережал экспорт. Пандемия «COVID-19» в 2020 году вызвала временное снижение объемов, однако с 2021 года началось восстановление. Самый резкий рост пришелся на 2022–2024гг., когда и импорт, и экспорт увеличились почти кратно под влиянием геополитических факторов: санкций в отношении поставок товаров из/в РФ, проведением политики «параллельного импорта» в РФ; что привело к переориентации потоков и расширению реэкспортных операций. На этом фоне доля импорта в ВВП достигла исторически высокого уровня – более 75% в 2024 году, что подчеркивает усиление внешней зависимости и повышенные риски для макроэкономической устойчивости (Рис. 1).

Товарная структура импорта Армении в 2010–2021гг. оставалась относительно стабильной: лидирующие позиции занимали: минеральное топливо, машины и оборудование, электротехника. Однако, начиная с 2022г., произошел резкий сдвиг, в результате которого в 2024г. на первое место вышли «Драгоценные камни и металлы» с аномально высокой долей – почти 44%, что было несопоставимо с предыдущими годами. Такое изменение объясняется не ростом внутреннего спроса, а реэкспортными операциями, которые резко увеличили вес этой категории в общем импорте.

переходным типом развития, малые индустриально интегрированные страны ЕС, экономики с реэкспортной моделью торговли. Другие малые экономики (Албания, Намибия, Никарагуа, Косово, Парагвай, Уругвай и др.) были исключены из итоговой таблицы для повышения аналитической наглядности, поскольку либо характеризуются принципиально иной институциональной средой, либо не формируют самостоятельную модель импортозависимости, отличную от уже представленных групп.

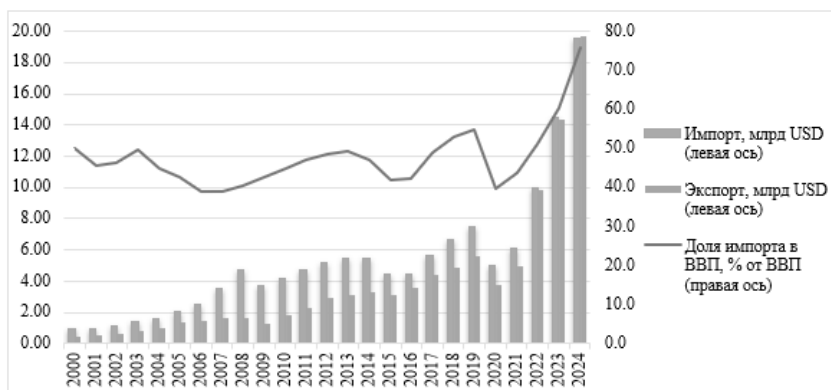
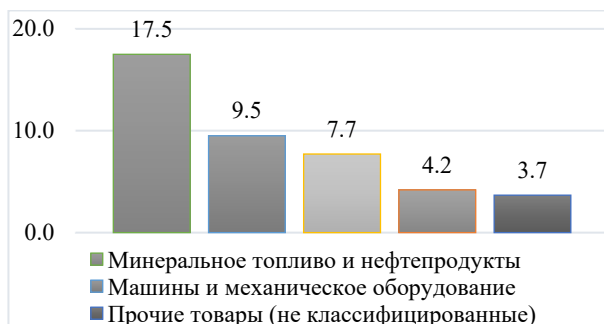

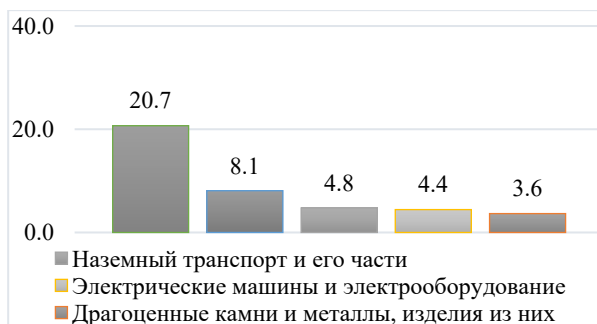
Рисунок 1. Динамика внешнеторговых показателей Армении.

Источник: Составлено авторами на основе базы данных Всемирного Банка:
<https://data.worldbank.org> [12].

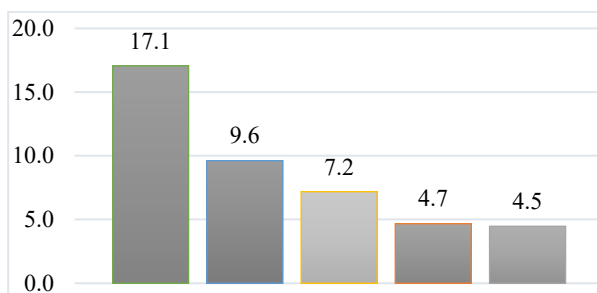
При этом относительные доли в структуре импорта таких категорий, как «Машины и механическое оборудование» и «Наземный транспорт и его части», между 2021 и 2024 гг. не увеличились. Однако в стоимостном выражении наблюдался значительный рост объемов импорта. Так, импорт машин и механического оборудования увеличился с 516.6 млн долл. в 2021 г. до 1054 млн долл. в 2024 г., а импорт наземного транспорта и его частей вырос с 237.7 млн до 621.3 млн долл., соответственно. Это свидетельствует о росте абсолютных объемов поставок при сохранении их сравнительной роли в структуре импорта (Рис. 2).

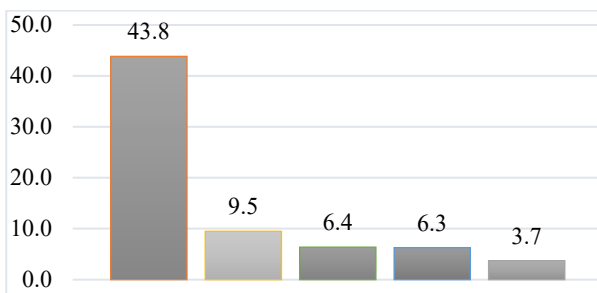
а. Топ-5 импортируемых товаров в 2010 г. (%).

б. Топ-5 импортируемых товаров в 2015г. (%).

в. Топ-5 импортируемых товаров в 2021г. (%).

г. Топ-5 импортируемых товаров в 2024г. (%).

Рисунок 2. Товарная структура импорта Армении.

Источник: Составлено авторами на основе базы данных Международного торгового центра: <https://www.trademap.org> [13].

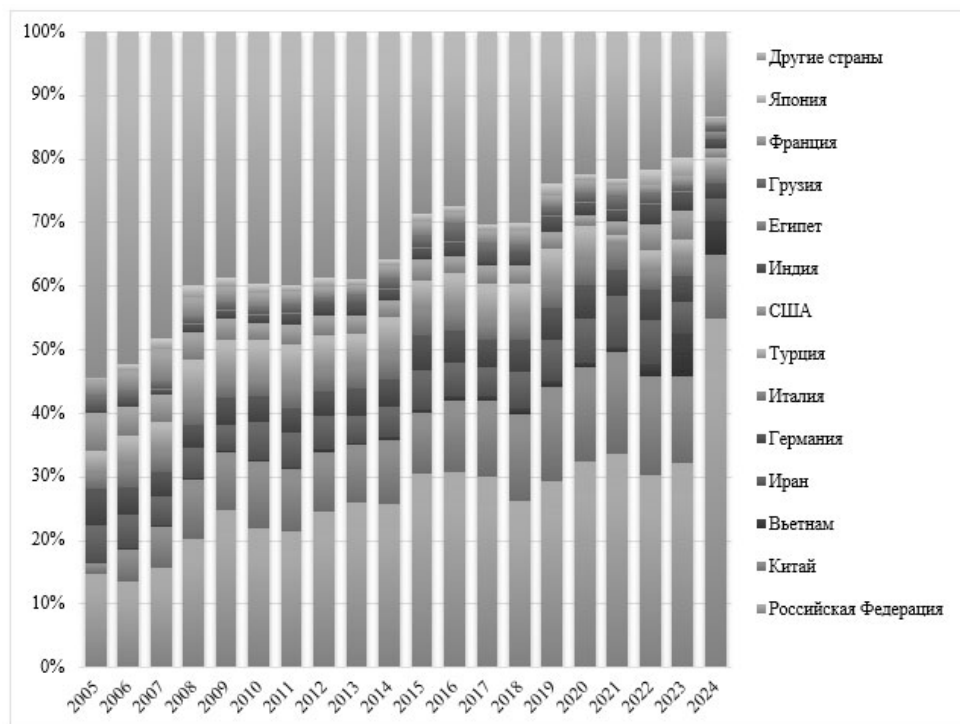

Рисунок 3. Географическая структура импорта Армении (%).

Источник: Составлено авторами на основе базы данных

Международного торгового центра: <https://www.trademap.org> [14].

В результате, в 2024 году структура импорта заметно отличалась от предыдущих лет: доля ЕАЭС, прежде всего, России, резко выросла, тогда как доля других стран сократилась преимущественно из-за изменения общей базы, а не падения их реальных поставок (Рис. 4). Такой сдвиг указывал на изменение направления торговых потоков под влиянием внешних условий, что полностью нарушило стабильность предыдущих лет.

Для оценки структурной импортозависимости экономики Армении был рассчитан индекс проникновения импорта по основным товарным группам обрабатывающей промышленности Армении за 2010–2024гг. (Табл. 3). С целью сопоставимости данных статистики

внешней торговли, классифицированной по Гармонизированной системе (HS), была агрегирована и переведена в Международную стандартную отраслевую классификацию (ISIC) [16].

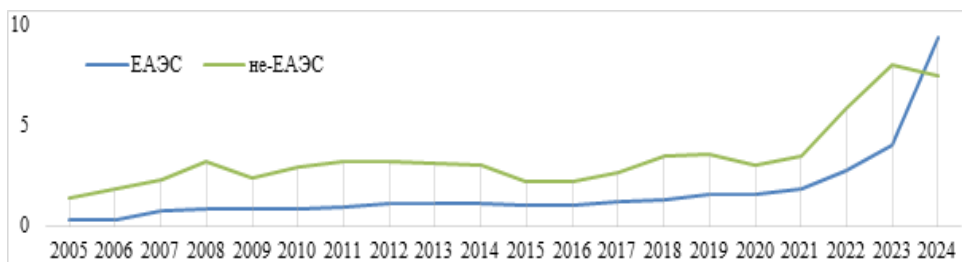

Рисунок 4. Динамика импорта из стран ЕАЭС и не-ЕАЭС (тыс. USD).

Источник: Составлено авторами на основе базы данных

Международного торгового центра: <https://www.trademap.org> [15].

Результаты расчетов показывают, что для большинства отраслей обрабатывающей промышленности Армении ИПИ демонстрирует высокие показатели, что указывает на устойчивую зависимость внутреннего рынка от внешних поставок. По ряду товарных групп показатель приближается к единице или превышает ее, прежде всего, по химической продукции, электрооборудовании и транспортным средствам, где национальная производственная база ограничена. Превышение индекса значения 1 объясняется не только высокой импортозависимостью, но и значительным объемом реэкспортных операций, что статистически завышает показатель. Отрицательные значения индекса в отдельных отраслях обусловлены либо статистическими расхождениями между источниками данных, либо превышением экспорта над текущим производством и импортом за счет ранее накопленных запасов. Одновременно, более низкие значения в ряде низкотехнологичных или традиционно производимых товаров указывают на наличие ограниченного потенциала внутреннего производства, который, однако, не приводит к существенному снижению общей импортозависимости.

Таблица 3.

Индекс проникновения импорта по товарным группам (Армения)²

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
10 Пищевые продукты	0.37	0.37	0.37	0.36	0.35	0.34	0.34	0.37	0.36	0.37	0.39	0.44	0.47	0.40	0.43
11 Напитки	0.40	0.37	0.45	0.37	0.33	0.31	0.52	0.47	0.32	0.37	0.25	0.32	0.32	0.31	0.37
12 Табачные изделия	0.64	0.73	0.78	0.81	0.70	0.58	0.57	0.45	0.56	0.56	0.68	0.79	1.15	0.62	0.67
13 Текстильные изделия	1.17	1.09	1.10	1.19	1.13	1.15	1.07	1.09	1.19	1.07	1.12	1.09	1.13	1.14	1.18
14 Одежда	0.93	0.90	1.08	1.46	1.72	2.72	2.92	3.02	10.59	3.16	1.99	2.71	1.88	2.50	2.41
15 Кожевенные изделия	1.00	1.00	1.02	1.04	1.01	1.10	1.14	1.13	1.19	1.07	1.04	1.01	1.10	1.41	1.53
16 Изделия из дерева; Изделия из соломы	0.95	0.95	0.96	0.97	0.96	0.96	0.94	0.99	0.97	0.94	0.97	0.97	0.97	1.01	0.94
17 Бумажная продукция	0.83	0.83	0.80	0.71	0.65	0.60	0.58	0.57	0.55	0.53	0.54	0.53	0.64	0.61	0.64
18 Печатная продукция и носители	0.22	0.23	0.21	0.14	0.17	0.21	0.16	0.16	0.27	0.11	0.13	0.10	0.07	0.09	0.07
19 Кокс и нефтепродукты													1.09	1.08	1.08
20 Химическая продукция	0.99	0.98	1.00	1.00	0.99	1.01	0.99	0.98	0.97	0.97	0.96	1.02	1.11	1.13	1.11
21 Фармацевтические продукты	0.96	0.97	0.97	0.96	0.96	0.96	0.98	1.01	1.01	1.01	0.96	0.97	1.02	1.02	1.00
22 Резиновые и пластмассовые изделия	0.85	0.81	0.80	0.82	0.78	0.76	0.73	0.75	0.77	0.76	0.77	0.76	0.87	0.84	0.84
23 Прочие неметаллические минеральные продукты	0.46	0.49	0.52	0.52	0.52	0.52	0.61	0.59	0.58	0.54	0.48	0.45	0.27	0.27	0.34
24 Основные металлы	5.40	16.22	-193.76	5.81	5.11	-1.36	-0.81	-1.01	-1.70	-1.09	-0.64	-0.68	-1.34	-2.93	-29.32
25 Металлические изделия	1.01	0.98	1.00	0.97	0.97	0.98	0.99	1.00	1.00	0.99	0.99	1.02	1.18	1.26	1.16

Источник: рассчитано авторами на основе базы данных

Международного торгового центра: <https://www.trademap.org> [17].

² **Примечание.** Названия товарных групп сокращены.

Заключение

В целом, полученные результаты подтверждают, что высокая импортозависимость промышленного сектора Армении носит структурный характер, отражая ограниченность внутреннего рынка и недостаточную глубину производственных цепочек, и подчеркивают необходимость развития отраслей с перспективой повышения добавленной стоимости.

Для малых открытых экономик высокая импортозависимость является нормальным явлением и часто отражает участие страны в ГЦСС. Однако применительно к Республике Армения проведенный анализ показывает, что высокая импортозависимость в значительной степени не связана с интеграцией в ГЦСС. Импорт преимущественно направлен на удовлетворение внутреннего потребления, а не используется как элемент производственных цепочек, что свидетельствует о слабости национальной производственной базы и высокой зависимости производства и потребления от внешних поставок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Voskanyan M., Hayrapetyan V.* Current trends in the development of light industry: the world, the EAEU, Armenia. Research Result // “Economic Research”. Vol. 11, No. 2, 2025. PP. 4–16. DOI: 10.18413/2409-1634-2025-11-2-0-1. URL: <https://reconomic.ru/media/economic/2025/2>
2. OECD. Global value chain dependencies under the magnifying glass. OECD Science, Technology and Industry Policy Papers, No. 142, 2023. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/03/global-value-chain-dependencies-under-the-magnifying-glass_380f3ecc/b2489065-en.pdf
3. *Crowe D., Rawdanowicz Ł.* Risks and opportunities of reshaping global value chains, OECD Economics Department Working Papers, No. 1762, 2023. URL: <https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/06/ris>

- ks-and-opportunities-of-reshaping-global-value-chains_01d5e227/f758afe8-en.pdf
4. World Bank SMALL STATES – Overlapping Crises, Multiple Challenges. Global Economic Prospects, (2023). URL:
<https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/87bde773-f43c-5929-a25e-77c5e4ba18c3/content>
 5. *Antràs P., Chor D.* Global Value Chains. NBER Working Paper, No. 28549, 2021. URL:
https://www.nber.org/system/files/working_papers/w28549/w28549.pdf
 6. OECD (2023). Global value chain dependencies under the magnifying glass. OECD Science, Technology and Industry Policy Papers, No. 142. URL:
https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/03/global-value-chain-dependencies-under-the-magnifying-glass_380f3ecc/b2489065-en.pdf
 7. *Crowe D., Rawdanowicz Ł.* Risks and opportunities of reshaping global value chains, OECD Economics Department Working Papers, No. 1762, 2023. URL:
https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/06/risks-and-opportunities-of-reshaping-global-value-chains_01d5e227/f758afe8-en.pdf
 8. World Bank. SMALL STATES – Overlapping Crises, Multiple Challenges. Global Economic Prospects, (2023). URL:
<https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/87bde773-f43c-5929-a25e-77c5e4ba18c3/content>
 9. *Antràs P., Chor D.* Global Value Chains. NBER Working Paper, No. 28549, 2021. URL:
https://www.nber.org/system/files/working_papers/w28549/w28549.pdf
 10. *Восканян М.А., Айрапетян В.Л., Галстян А.Г.* Исследование внешней торговли Армении в контексте современных тенденций. Т. II. Критические товары в импорте. Монография. Изд-во РАУ, 2025. URL:
https://www.elibrary.ru/download/elibrary_81406889_63882119.pdf
 11. База данных Всемирного Банка. URL: <https://data.worldbank.org>
 12. Там же.
 13. База данных Международного торгового центра. URL:
<https://www.trademap.org>
 14. Там же.

15. Там же.
16. HS – ISIC Correspondence Table. Jordan Industrial Observatory. URL: <https://observatory.huzaifazoom.org/blog/2022/04/18/hs-isic-correspondence-table/>
17. База данных Международного торгового центра. URL: <https://www.trademap.org>

REFERENCES

1. *Voskanyan M., Hayrapetyan V.* Current trends in the development of light industry: the world, the EAEU, Armenia. Research Result. “Economic Research”. Vol. 11, No. 2, 2025. PP. 4–16. DOI: 10.18413/2409-1634-2025-11-2-0-1. URL: <https://reconomic.ru/media/economic/2025/2>
2. OECD. Global value chain dependencies under the magnifying glass. OECD Science, Technology and Industry Policy Papers, No. 142, 2023. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/03/global-value-chain-dependencies-under-the-magnifying-glass_380f3ecc/b2489065-en.pdf
3. *Crowe D., Rawdanowicz Ł.* Risks and opportunities of reshaping global value chains, OECD Economics Department Working Papers, No. 1762, 2023. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/06/risks-and-opportunities-of-reshaping-global-value-chains_01d5e227/f758afe8-en.pdf
4. World Bank SMALL STATES – Overlapping Crises, Multiple Challenges. Global Economic Prospects, (2023). URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/87bde773-f43c-5929-a25e-77c5e4ba18c3/content>
5. *Antràs P., Chor D.* Global Value Chains. NBER Working Paper, No. 28549, 2021. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w28549/w28549.pdf
6. OECD (2023). Global value chain dependencies under the magnifying glass. OECD Science, Technology and Industry Policy Papers, No. 142. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/03/global-value-chain-dependencies-under-the-magnifying-glass_380f3ecc/b2489065-en.pdf

7. Crowe D., Rawdanowicz Ł. Risks and opportunities of reshaping global value chains, OECD Economics Department Working Papers, No. 1762, 2023. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/06/risks-and-opportunities-of-reshaping-global-value-chains_01d5e227/f758afe8-en.pdf
8. World Bank. SMALL STATES – Overlapping Crises, Multiple Challenges. Global Economic Prospects, (2023). URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/87bde773-f43c-5929-a25e-77c5e4ba18c3/content>
9. Antràs P., Chor D. Global Value Chains. NBER Working Paper, No. 28549, 2021. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w28549/w28549.pdf
10. Voskanyan M., Hayrapetyan V., Galstyan A. Study of Armenia's foreign trade in the context of modern trends. Vol. II. Critical goods in imports. Monograph. Publishing House of the Russian-Armenian University, 2025. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_81406889_63882119.pdf
11. World Bank Database. URL: <https://data.worldbank.org>
12. Ibid.
13. International Trade Centre Database. URL: <https://www.trademap.org>
14. Ibid.
15. Ibid.
16. HS – ISIC Correspondence Table. Jordan Industrial Observatory. URL: <https://observatory.huzaifazoom.org/blog/2022/04/18/hs-isic-correspondence-table/>
17. International Trade Centre Database. URL: <https://www.trademap.org>

IMPORT DEPENDENCE OF THE ARMENIAN ECONOMY

V. Hayrapetyan, I. Khagagortyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article examines the import dependence of the Armenian economy. Calculations were made using the Import Penetration Ratio. The analysis covers

all industrial sectors of the Republic of Armenia. To achieve this, foreign trade data classified according to the Harmonized System (HS) were converted to the International Standard Industrial Classification (ISIC), ensuring comparability across sectors and allowing for assessment at the industry level.

The results of the study indicate a high level of import dependence of the economy of the Republic of Armenia. For small economies, high import dependence is not a negative phenomenon if it is driven by participation in global value chains and the use of imports as an intermediate resource. However, a sectoral analysis of the Import Penetration Ratio shows that in most sectors of Armenia's manufacturing industry, the index values are close to or exceed one, indicating structural dependence on imports.

This article contributes to a deeper understanding of the structural characteristics of Armenian industry and the degree of its integration into international trade flows. The results obtained can serve as a basis for formulating Armenia's industrial and foreign economic policies aimed at reducing import dependence, stimulating localization of production, and strengthening the country's economic security.

Keywords: import dependence, industrial production, import penetration, foreign trade, imports.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ПОВЕДЕНЧЕСКИМИ ФАКТОРАМИ И ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТЬЮ: МЕЖСТРАНОВОЙ АНАЛИЗ*

А.Г. Галстян¹, Э.Г. Сантросян²

Российско-Армянский университет^{1,2}

ani.galstyan@rau.am, elensantrosian@gmail.com

ORCID¹: 0000-0002-7800-7232, ORCID²: 0009-0004-8129-2750

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что в современном мире, где темпы развития мировой экономики все больше и больше ускоряются, интеграционные процессы финансовых рынков усиливаются, финансовая грамотность выходит на первый план для обеспечения высокого уровня жизни населения. *Целью* данной статьи является анализ взаимосвязи между поведенческими факторами и уровнем финансовой грамотности в наблюдаемых странах. Результаты исследования показывают, что различия между уровнем финансовой грамотности в различных странах не ограничивается влиянием уровня доходов или экономическим развитием. Страны с высокой финансовой грамотностью проявляют более рациональное поведение: представители таких обществ имеют необходимые навыки для долгосрочного финансового планирования, самоконтроля, навыки управления рисками и высокий уровень социального доверия.

Ключевые слова: поведенческие факторы, когнитивные искажения, финансовая грамотность, доверие, бережливость.

* The research was supported by the Higher Education and Science Committee of MESCS RA (Research project № 25YR-5B020).

Введение

В современном мире, где темпы развития мировой экономики все больше и больше ускоряются, интеграционные процессы финансовых рынков усиливаются, финансовая грамотность выходит на первый план для обеспечения высокого уровня жизни населения. В данном контексте особую важность приобретают такие социальные факторы, как восприятие работы, успеха, ответственности, межличностное доверие и доверие к финансовым институтам, государству, компаниям [1], [2].

В академической литературе финансовая грамотность воспринимается как совокупность знаний и навыков, позволяющих человеку эффективно распоряжаться финансовыми ресурсами [3], [4], [5]. Некоторые исследования определяют данную концепцию как способность планировать бюджет, понимать основные финансовые инструменты, избегать избыточной задолженности, формировать сбережения и оценивать долгосрочные последствия выбора [6], [7]. Тем не менее, эмпирические результаты разных исследований показывают, что, имея схожие экономические условия в разных странах уровень финансовой грамотности сильно отличается друг от друга [8], [9]. Следовательно, различия в финансовых навыках и знаний людей в разных странах мира невозможно объяснить только традиционно экономическими детерминантами [10].

Несмотря на широкий спектр исследований, которые рассматривают традиционные социально-экономические факторы, способствующие улучшению финансовой грамотности населения в разных странах мира [11], [12], [13], современная академическая литература показывает, что немаловажную роль играют также психологические и культурные факторы, которые мы, в совокупности, называем «поведенческими факторами» [14], [15]. С другой стороны, с точки зрения поведенческой экономики некорректно рассматривать финансовое поведение людей в изоляции от социума. На каждое решение экономи-

ческого агента с ограниченным уровнем рациональности влияют множество когнитивных и эмоциональных искажений, в том числе социальные нормы, степень доверия к людям и к институтам, восприятие ответственности, восприятие риска, терпение, самоконтроль, восприятие справедливости и т.д. [16].

Среди работ, посвященных анализу поведенческих факторов принятия финансовых решений, отметим исследование Ершовы и др. [17], где авторы подчеркивают важность роли психологических, социальных и культурных факторов. Среди ключевых детерминантов в финансовых решениях экономических агентов они выделяют влияние эмоций, рекламы, эффекта формулировки, денежной иллюзии и ориентации на немедленную выгоду. Авторы отмечают, что эти факторы повышают склонность людей к импульсивным покупкам и нерациональному использованию кредитов. Таким образом, в работе они находят значимую связь между поведенческими факторами, финансовой грамотностью и уровнем задолженности домохозяйств.

Несмотря на наличие множества исследований, связывающих уровень финансовой грамотности с образовательными программами по ее повышению [18],[19], Талер и Санстейн показывают, что, хотя есть наличие надлежащего уровня финансовых знаний, люди все равно подвержены таким поведенческим искажениям, как эффект формулировки, эффект настоящего и неприятие потерь, а такие факторы стимулируют иррациональное потребление во вред финансовому планированию [20]. Данная идея далее подтвердилась в более современных исследованиях, которые нашли значимые корреляции между импульсивными покупками и когнитивными искажениями [21], [22].

В данном контексте стоит также подчеркнуть широкую применимость исследований, основанных на больших выборках стран и опросных данных [23], [24]. Однако, несмотря на широкое распространение идей поведенческой экономики в экономических исследованиях в академической литературе есть пробел по исследованиям, направленным на исследование связи с финансовой грамотностью с точки

зрения этической строгости, доверии к институтам, культуры тревожности и других социальных особенностей, определяющих реальное финансовое поведение людей. *Целью* данной статьи является анализ взаимосвязи между поведенческими факторами и уровнем финансовой грамотности в наблюдаемых странах. Выборка включает 20 стран из разных регионов мира с различным уровнем развития. *Гипотеза* данного исследования состоит в том, что страны с населением, которые менее подвержены эмоциональным и когнитивным искажениям демонстрируют более высокие уровни финансовой грамотности.

Результаты

Анализ поведенческих факторов в контексте финансовой грамотности строится на сравнении 20 стран с различающимися уровнями компетентности населения в области финансов. Выборка включает следующие страны: Иордания, Бразилия, Чили, Мексика, Перу, Гонконг, Индонезия, Малайзия, Таиланд, Эстония, Латвия, Румыния, Польша, Франция, Германия, Греция, Италия, Испания, Швеция, Нидерланды. Основой для исследования послужили базы данных OECD и “World Values Survey 7th wave”.

По показателю финансовой грамотности среди рассматриваемых стран лидером является Германия (76 баллов), значительно опережая другие европейские страны (Рис. 1). Большинство европейских стран – таких, как Франция, Польша, Испания и Нидерланды, находятся примерно в одном диапазоне – (62–66 баллов), то есть у них средний уровень финансовой грамотности. Высокие показатели имеют также Таиланд (71) и Гонконг (70), что говорит о сравнительно высоком уровне финансовой грамотности в Азии по сравнению с другими регионами. Худшие результаты демонстрируют страны Латинской Америки. Однако стоит обратить внимание, что регион не имеет сильного влияния. Например, Италия и Румыния, являясь европейскими странами, имеют показатели ниже стран Латинской Америки. Второе примечание – это то, что уровень развитости экономики или уровень жизни в стране не

играют ключевой роли в определении уровня финансовой грамотности в стране. Соответственно, на первый план выходят поведенческие факторы как возможные драйверы данного показателя. В рамках данного анализа были определены три группы показателей: межличностные отношения и ценности, финансовое поведение, условия окружающей среды. Далее анализ сделан по показателям по этим трем направлениям.

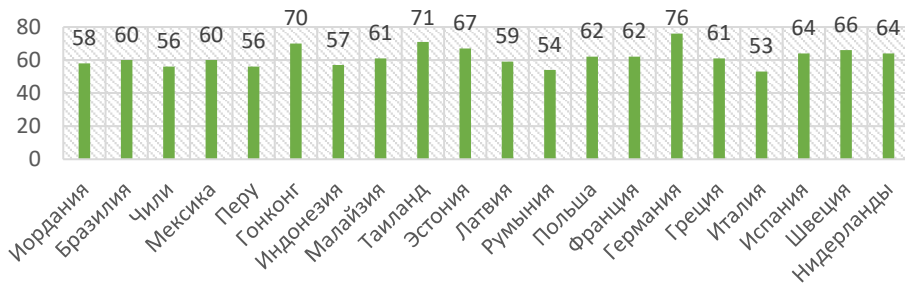

Рисунок 1. Финансовая грамотность по странам.

Источник: Overall Financial Literacy by Country Source: OECD (2023).

Первое направление – это ценности. В рамках данного направления мы рассмотрели такие показатели, как важность работы в жизни людей (Рис. 2) и важные качества в воспитании детей (Рис. 3). Данная группа показателей формирует почву трудовой дисциплины людей, среда, где формулируется их финансовое поведение.

Итак, одним из краеугольных камней в ценностной системе людей, который также определяет их стремление к благополучию, является важность работы в их жизни. Можно заметить очевидную отрицательную взаимосвязь (корреляция -0.58). Получается, что в большинстве стран с высокой финансовой грамотностью работа имеет важное, но не первостепенное место в жизни людей, например, в Германии, Франции, Швеции и Нидерландах. Заметим, что это – те страны, где, благодаря эффективным механизмам государственной поддержки у населения, есть буфер поддержки, соответственно, работа не

является их единственным механизмом для достижения благополучия. В таких индивидуалистических обществах работа является методом самореализации, благодаря чему люди имеют более высокий уровень уверенности в финансовом планировании и высокое восприятие риска.

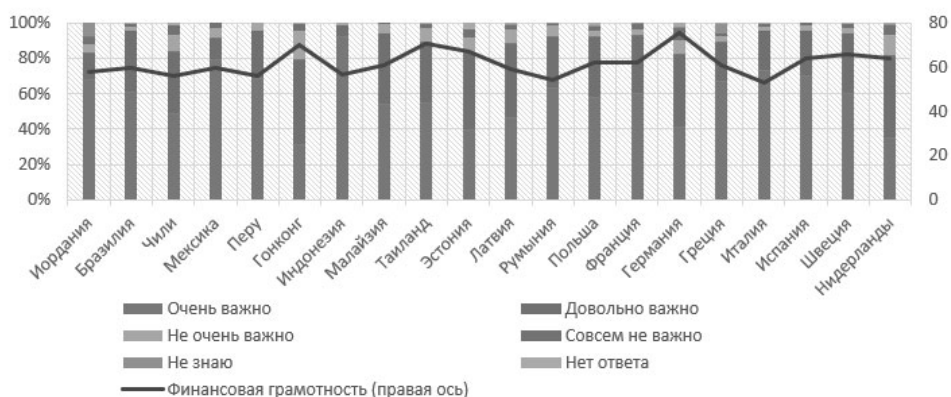

Рисунок 2. Важность работы в жизни.

Источник: World Values Survey Association.

С другой стороны, в странах с низким уровнем финансовой грамотности можно заметить противоположную картину, например, в Бразилии, Мексике, Перу, Индонезии. В таких странах государственная поддержка безработным практически отсутствует или имеет низкую эффективность, соответственно, работа для населения становится ключевым механизмом выживания и благополучия. Получается, что в ценностной системе людей работа тоже автоматически выдвигается в приоритеты жизни. Более того, такая модель поведения снижает порог восприятия финансовых рисков и замедляет накопление сбережений. В таких обществах формулируется логика краткосрочного выживания вместо развития навыков долгосрочного планирования.

Аналогичный паттерн можно заметить также в ценностной системе, которые родители пытаются воспитать в детях (Рис. 3). В данном случае мы рассмотрели четыре основных показателя: важность трудолюбия, бережливости, ответственности и решимости характера. Эти

качества являются фундаментом развития менталитета, направленного на долгосрочное планирование, а не краткосрочные выгоды.

Интересно, что важность трудолюбия само по себе не имеет никакого влияния на уровень финансовой грамотности, и можно также заметить довольно низкий уровень важности в странах с очень высоким уровнем финансовых навыков.

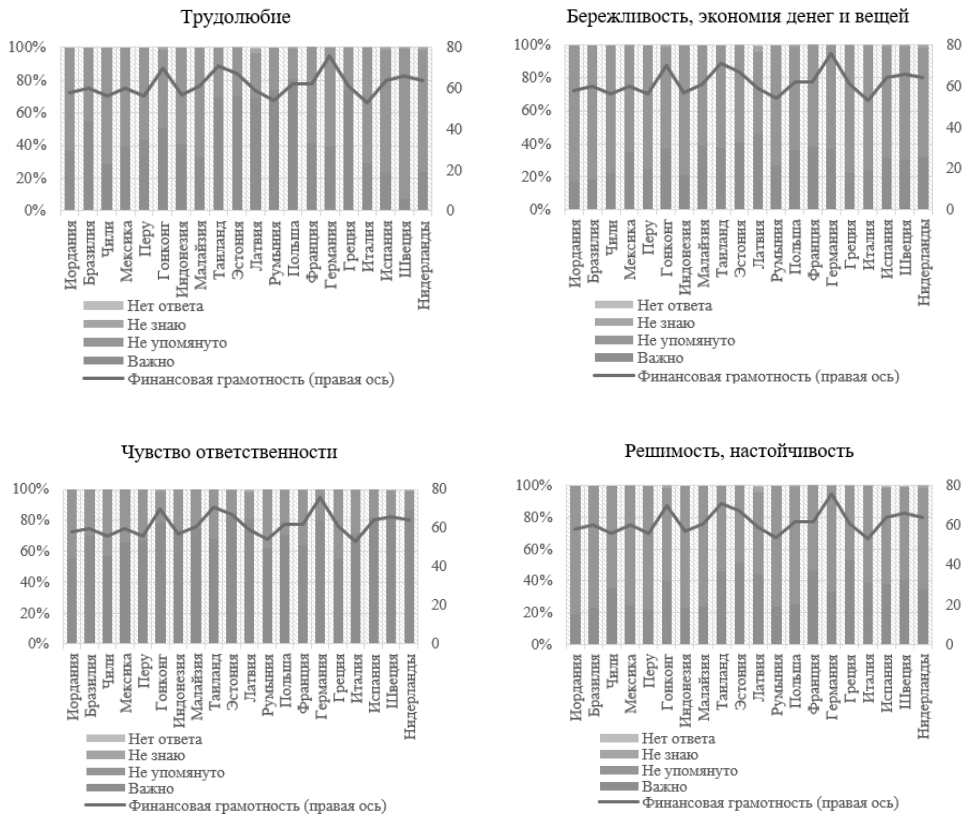

Рисунок 3. Важные качества ребенка.

Источник: World Values Survey Association.

Однако наблюдается значительная положительная корреляция финансовой грамотности с остальными тремя показателями (корреляция от 0.42 до 0.54). То есть получается, что среда воспитания детей, где придается большая важность бережливости, экономии денег, на-

личию чувства ответственности и настойчивому характеру, способствует развитию мышления, ориентированного на долгосрочное планирование и благосостояние. А в странах, где работа сама по себе является важным без важности бережливости, ответственности и решимости, воспитывается поколение с кратко-ориентированным мышлением. У такого поколения обычно бывает хорошая трудовая дисциплина, но плохое управление финансовыми ресурсами.

Следующее рассматриваемое нами направление – это формирование сбережений, которое является одним из наиболее прямых и объективных индикаторов финансовой грамотности (Рис. 4). То есть получается, что данный показатель демонстрирует результаты формулированного мышления в рамках первой группы показателей. То есть оно показывает, насколько данное общество готово тратить меньше, чем зарабатывает, ради отложенного удовольствия, что является хорошей демонстрацией навыков финансового планирования и уровня финансовой грамотности. Положительная корреляция очевидна (корреляция 0.4), что говорит о важности формирования навыка сбережений. Результаты данного показателя также сильно коррелируют с важностью качества бережливости в воспитании ребенка. Таким образом, европейские страны с высоким уровнем финансовой грамотности – Германия, Франция, Швеция и Нидерланды, демонстрируют также высокий уровень сбережений, особенно можно выделить показатель Германии, где 56% респондентов сэкономили деньги за последний год.

С другой стороны, в странах Латинской Америки всего лишь 10–20% респондентам удалось сэкономить деньги, остальные просто сводили концы с концами. Отметим, что возможно уровень жизни также играет некую роль в возможности сбережения денег, но, в данном случае, Греция, являясь страной высокого уровня доходов, показывает самый низкий результат – 4.5%. Таким образом, низкие показатели, прежде всего, связаны с отсутствием навыков распределения бюджета. Люди в таких обществах значительно чаще живут без *подушки безопасности*, реагируют на финансовые события импульсивно.

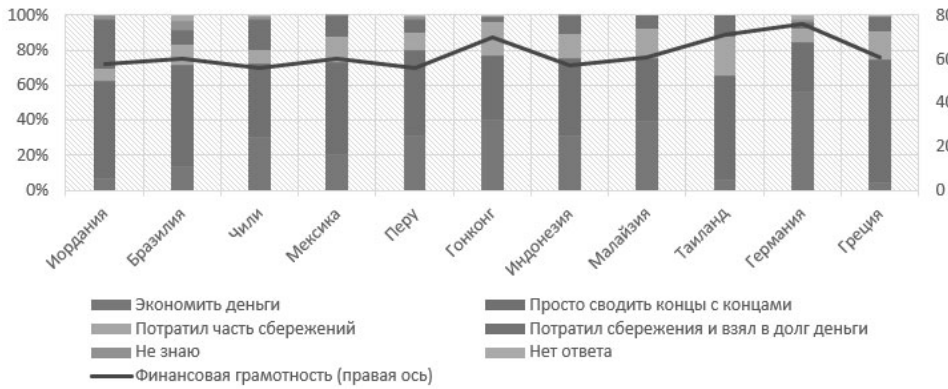

Рисунок 4. Семейные сбережения за последний год.

Источник: World Values Survey Association.

И последняя группа показателей – условия окружающей среды. В рамках этой группы мы рассмотрели уровень беспокойства и доверия населения, которые формулируют психологическую и институциональную среду, где люди принимают финансовые решения. Таким образом, сначала рассмотрим уровень беспокойства, насколько люди волнуются о будущем своих детей (Рис. 5). Получается, что мы снова наблюдаем отрицательную корреляцию (-0.51). То есть чем выше уровень беспокойства, тем ниже уровень финансовой грамотности. Но здесь важно отметить, что данные показатели имеют взаимное влияние, то есть, с другой стороны, получается, что, чем выше уровень финансовой грамотности, тем лучше люди могут делать долгосрочное финансовое планирование, тем самым снижая уровень беспокойства о будущем. В странах с низким уровнем финансовой грамотности наблюдается картина ровно наоборот. Но проблема в том, что сначала из-за низкого уровня финансовой грамотности представители таких обществ не могут создать *подушку безопасности*, что приводит к высокому уровню беспокойства за будущее, а это, в свою очередь, приводит к более импульсивному поведению, нежеланию поставить и достичь долгосрочных целей и восприятию финансовых решений – как источника стресса. В совокупности, все это приводит, в том числе, к дальнейшему снижению финансовой грамотности.

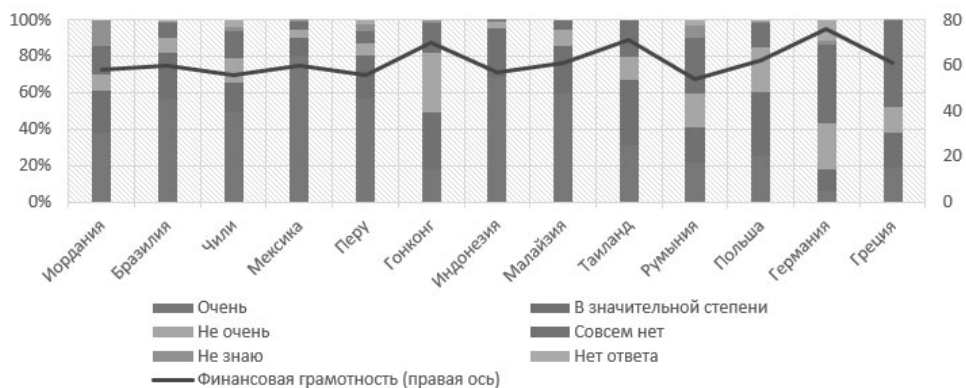

Рисунок 5. Беспокойства: Невозможность дать своим детям хорошее образование.

Источник: World Values Survey Association.

Социальное доверие – один из ключевых психологических факторов, влияющих на финансовое поведение (Рис. 6). Уровень доверия к другим людям, к финансовым институтам и государственным структурам формирует контекст, в котором принимаются экономические решения, и напрямую отражает степень рациональности и устойчивости общества. Высокий уровень доверия к большинству людей отражает уверенность членов общества в честном и предсказуемом поведении других людей. Высокое доверие делает поведение экономических агентов более предсказуемым, тем самым снижая транзакционные издержки и финансовые риски. Примерами таких стран являются, в первую очередь, Германия, Швеция, Нидерланды и Гонконг. Неудивительно, что данный показатель имеет сильную положительную корреляцию с уровнем финансовой грамотности в стране (0.63).

С другой стороны, Мексика, Перу, Бразилия, Малайзия и Индонезия демонстрируют крайне низкие уровни межличностного доверия – иногда менее 10 процентов. Недоверие делает экономическое поведение более реактивным, ситуативным и подверженным к влиянию эмоций. Люди чаще ожидают обмана, боятся попадать в сложные финансовые ситуации, избегают взаимодействий с институтами и склонны принимать решения под воздействием стресса.

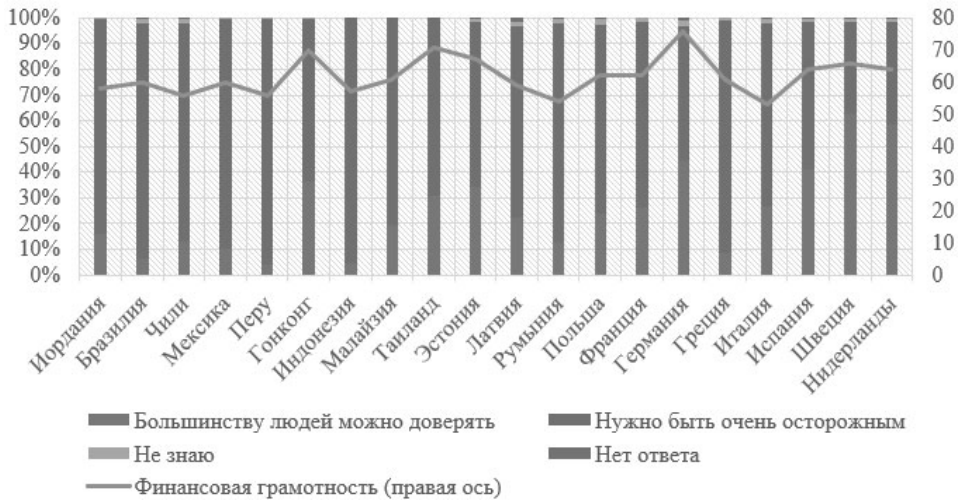

Рисунок 6. Межличностное доверие населения.

Источник: World Values Survey Association.

В контексте именно финансовой грамотности следующим ключевым индикатором является доверие к банкам (Рис. 7). Однако здесь наблюдается более хаотичная картина без четкой корреляции. В частности, в развитых странах с высоким уровнем финансовой грамотности, например, в Германии, наблюдается низкий уровень доверия к банкам. Но это больше показывает, что, имея финансовую зрелость, население не возлагает чрезмерно высокие надежды на банковскую систему и не идеализирует ее.

В случае доверия к государству уже снова наблюдается низкая, но положительная корреляция (0.38). Интересно, что страны с самым высоким уровнем финансовой грамотности демонстрируют средние показатели доверия к государству – 42–55% (Рис. 8). Это показывает, что граждане имеют уверенность в государстве, но не зависят от него. Что касается остальных стран, то тут, за исключением Индонезии, Малайзии и Таиланда, везде наблюдается низкая уверенность в государстве.

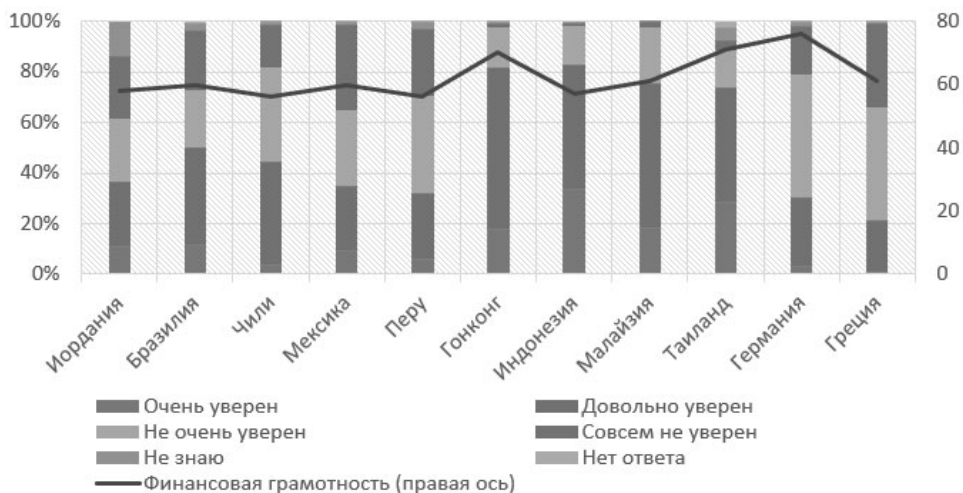

Рисунок 7. Доверие к банковской системе.

Источник: World Values Survey Association.

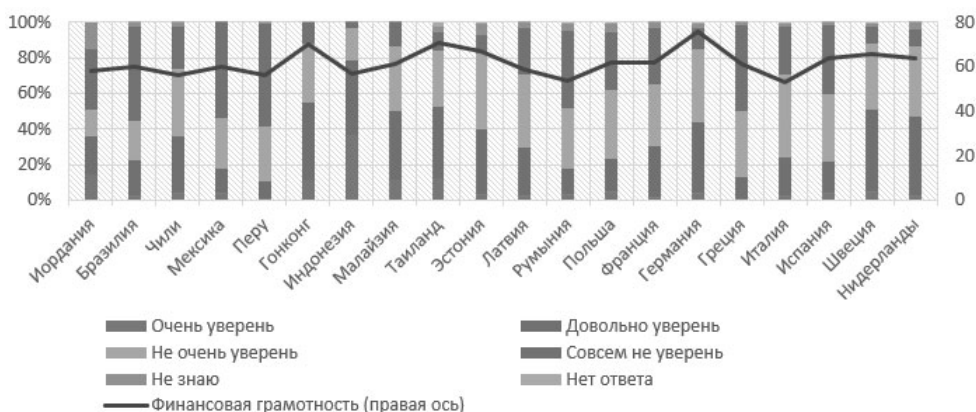

Рисунок 8. Доверие населения к государству.

Источник: World Values Survey Association.

Таким образом, обобщая, можно сказать, что гипотеза о влиянии выделенных трех групп поведенческих факторов на уровень финансовой грамотности в наблюдаемых странах подтверждается. Ценност-

ные основы являются фундаментом мышления и определяют важность труда, что ограничивает формирование навыков финансового планирования. С другой стороны, низкий уровень доверия во многих странах трансформируется в повышение финансовых рисков и снижение желания людей к долгосрочному финансовому планированию из-за восприятия финансовых решений в качестве источника стресса.

Заключение

Анализ взаимосвязи поведенческих факторов и финансовой грамотности показывает, что различия между странами нельзя свести к уровню доходов или экономическому развитию. Страны с высокой финансовой грамотностью проявляют более рациональное поведение: представители таких обществ имеют необходимые навыки для долгосрочного финансового планирования, самоконтроля, навыки управления рисками и высокий уровень социального доверия.

В странах с низкой финансовой грамотностью экономическая нестабильность усиливается поведенческими барьерами. Отсутствие навыков управления финансами ведет к высокой тревожности, недоверию к другим людям, неустойчивым эмоциональным фоном и краткосрочному мышлению с отсутствием навыков долгосрочного финансового планирования. Без изменения менталитета в таких обществах государственные реформы или образовательные политики по повышению уровня финансовой грамотности не будут иметь высокую эффективность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Guiso L., Sapienza P., Zingales L.* The role of social capital in financial development // "American Economic Review". Vol. 94, № 3, 2004. PP. 526–556.
2. *Inglehart R., Welzel C.* Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. New York: "Cambridge University Press". 2005, 333p.

3. *Lusardi A., Mitchell O.* The economic importance of financial literacy: Theory and evidence // "Journal of Economic Literature". Vol. 52, № 1, 2014. PP. 5–44.
4. *Remund D.* Financial literacy explicated: The case for a clearer definition in an increasingly complex economy // "Journal of Consumer Affairs". Vol. 44, № 2, 2010. PP. 276–295.
5. *Huston S.* Measuring financial literacy // "Journal of Consumer Affairs". Vol. 44, № 2, 2010. PP. 296–316.
6. *Atkinson A., Messy F.* Measuring Financial Literacy: Results of the OECD INFE Pilot Study. OECD Working Papers on Finance, Insurance and Private Pensions, № 15. Paris: OECD Publishing, 2012.
7. *Hung A., Parker A., Yoong J.* Defining and measuring financial literacy. RAND Working Paper Series WR-708. Santa Monica: "RAND Corporation", 2009.
8. *Lusardi A., Klapper L.* Financial literacy around the world: Insights from the S&P Global FinLit Survey. New York: "Standard and Poor's Rating Services McGraw Hill Financial", 2015.
9. *Xu L., Zia B.* Financial literacy around the world: An overview of the evidence with practical suggestions for the way forward // "World Bank Policy Research Working Paper". № 6107, 2012.
10. *Nicolini G., Cude B., Chatterjee S.* Financial literacy: A comparative study across four countries // "International Journal of Consumer Studies". Vol. 37, № 6, 2013. PP. 689–705.
11. *Lusardi A., Mitchell O.* The economic importance of financial literacy: Theory and evidence // "Journal of Economic Literature". Vol. 52, № 1, 2014. PP. 5–44.
12. *Hung A., Parker A., Yoong J.* Defining and measuring financial literacy. RAND Working Paper Series WR-708. Santa Monica: "RAND Corporation", 2009.
13. *Hastings J., Madrian B., Skimmyhorn W.* Financial literacy, financial education, and economic outcomes // "Annual Review of Economics". Vol. 5, № 1, 2013. PP. 347–373.
14. *Shefrin H.* Beyond Greed and Fear: Understanding Behavioral Finance and the Psychology of Investing. Oxford: "Oxford University Press", 2002, 368p.
15. *Fernandes D., Lynch J., Netemeyer R.* Financial literacy, financial education, and downstream financial behaviors // "Management Science". Vol. 60, № 8, 2014. PP. 1861–1883.

16. *Kahneman D.* Thinking, Fast and Slow. New York: “Allen Lane and Penguin Books”, 2011, 499p.
17. *Ершова Е.В., Разумовский Д.Ю., Разумовская Е.А.* Анализ факторов, влияющих на принятие решений финансового характера // «Журнал прикладных исследований». № 2 (2), 2021. СС. 26–32. DOI: 10.47576/2712-7516_2021_2_2_26.
18. *Зорилэ М.М.* Характеристики программ повышения финансовой грамотности населения // «Вестник науки». № 6 (15). Т. 4, 2019. СС. 250–254.
19. *Алифанова Е.Н., Евлахова Ю.С.* Влияние финансовой грамотности населения на развитие финансовых институтов и ключевых сегментов финансового рынка // “Terra Economicus”. Т. 10, № 3, 2012. СС. 115–120.
20. *Thaler R., Sunstein C.* Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. New Haven: “Yale University Press”. 2008, 293p.
21. *Gathergood J.* Self-control, financial literacy and consumer over-indebtedness // “Journal of Economic Psychology”. Vol. 33, № 3, 2012. PP. 590–602.
22. *Suharto I., Elliyana E.* Self-control, financial literacy and consumer over-indebtedness // “World Journal of Multidisciplinary Studies”. Vol. 2, № 1, 2025. PP. 1–7.
23. *Baumeister R.* Yielding to temptation: Self-control failure, impulsive purchasing, and consumer behavior // “Journal of Consumer Research”. Vol. 28, № 4, 2002. PP. 670–676.
24. *Moayery M., Cantín L., Martíns J.* How does self-control operate? A focus on impulse buying // “Papeles del Psicólogo”. Vol. 40, № 2, 2019. PP. 149–156.

REFERENCES

1. *Guiso L., Sapienza P., Zingales L.* The role of social capital in financial development // “American Economic Review”. Vol. 94, № 3, 2004. PP. 526–556.
2. *Inglehart R., Welzel C.* Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. New York: “Cambridge University Press”. 2005, 333p.
3. *Lusardi A., Mitchell O.* The economic importance of financial literacy: Theory and evidence // “Journal of Economic Literature”. Vol. 52, № 1, 2014. PP. 5–44.

4. *Remund D.* Financial literacy explicated: The case for a clearer definition in an increasingly complex economy // “Journal of Consumer Affairs”. Vol. 44, № 2, 2010. PP. 276–295.
5. *Huston S.* Measuring financial literacy // “Journal of Consumer Affairs”. Vol. 44, № 2, 2010. PP. 296–316.
6. *Atkinson A., Messy F.* Measuring Financial Literacy: Results of the OECD INFE Pilot Study. OECD Working Papers on Finance, Insurance and Private Pensions, № 15. Paris: OECD Publishing, 2012.
7. *Hung A., Parker A., Yoong J.* Defining and measuring financial literacy. RAND Working Paper Series WR-708. Santa Monica: “RAND Corporation”, 2009.
8. *Lusardi A., Klapper L.* Financial literacy around the world: Insights from the S&P Global FinLit Survey. New York: “Standard and Poor's Rating Services McGraw Hill Financial”, 2015.
9. *Xu L., Zia B.* Financial literacy around the world: An overview of the evidence with practical suggestions for the way forward // “World Bank Policy Research Working Paper”. № 6107. 2012.
10. *Nicolini G., Cude B., Chatterjee S.* Financial literacy: A comparative study across four countries // “International Journal of Consumer Studies”. Vol. 37, № 6, 2013. PP. 689–705.
11. *Lusardi A., Mitchell O.* The economic importance of financial literacy: Theory and evidence // “Journal of Economic Literature”. Vol. 52, № 1, 2014. PP. 5–44.
12. *Hung A., Parker A., Yoong J.* Defining and measuring financial literacy. RAND Working Paper Series WR-708. Santa Monica: “RAND Corporation”, 2009.
13. *Hastings J., Madrian B., Skimmyhorn W.* Financial literacy, financial education, and economic outcomes // “Annual Review of Economics”. Vol. 5, № 1, 2013. PP. 347–373.
14. *Shefrin H.* Beyond Greed and Fear: Understanding Behavioral Finance and the Psychology of Investing. Oxford: “Oxford University Press”, 2002, 368p.
15. *Fernandes D., Lynch J., Netemeyer R.* Financial literacy, financial education, and downstream financial behaviors // “Management Science”. Vol. 60, № 8, 2014. PP. 1861–1883.
16. *Kahneman D.* Thinking, Fast and Slow. New York: “Allen Lane and Penguin Books”, 2011, 499p.

17. *Ershova E.V., Razumovskiy D. Yu., Razumovskaya E.A.* Analysis of factors influencing financial decision-making // “Journal of Applied Research”. № 2 (2), 2021. PP. 26–32. DOI: 10.47576/2712-7516_2021_2_2_26.
18. *Zorile M.M.* Characteristics of programs for improving financial literacy of the population // “Vestnik Nauki”. Vol. 4. № 6 (15), 2019. PP. 250–254.
19. *Alifanova E.N., Evlakhova Yu.S.* The impact of financial literacy of the population on the development of financial institutions and key segments of the financial market // “Terra Economicus”. Vol. 10, № 3, 2012. PP. 115–120.
20. *Thaler R., Sunstein C.* Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. New Haven: “Yale University Press”, 2008, 293p.
21. *Gathergood J.* Self-control, financial literacy and consumer over-indebtedness // “Journal of Economic Psychology”. Vol. 33, № 3, 2012. PP. 590–602.
22. *Suharto I., Eliyana E.* Self-control, financial literacy and consumer over-indebtedness // “World Journal of Multidisciplinary Studies”. Vol. 2, № 1, 2025. PP. 1–7.
23. *Baumeister R.* Yielding to temptation: Self-control failure, impulsive purchasing, and consumer behavior // “Journal of Consumer Research”. Vol. 28, № 4, 2002. PP. 670–676.
24. *Moayery M., Cantin L.N., Martins J.* How does self-control operate? A focus on impulse buying // “Papeles del Psicólogo”. Vol. 40, № 2, 2019. PP. 149–156.

THE RELATIONSHIP BETWEEN BEHAVIORAL FACTORS AND FINANCIAL LITERACY: A CROSS-COUNTRY ANALYSIS

A. Galstyan, E. Santrosyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

In contemporary world, where the pace of global economic development is accelerating and financial market integration processes are intensifying, financial literacy is becoming increasingly important for ensuring a high standard of living. The current article aims to analyze the relationship between behavioral factors and

the level of financial literacy in the countries studied. The results of the study demonstrate that differences in financial literacy levels across countries are not limited to income levels or economic development. Countries with high levels of financial literacy exhibit more rational behavior: members of such societies have the necessary skills for long-term financial planning, self-control, risk management, and a high level of social trust.

Keywords: behavioral factors, cognitive biases, financial literacy, trust, thrift.

НЕМОНЕТАРНЫЕ ФАКТОРЫ ИНФЛЯЦИИ И ИСТОЧНИК ВОЛАТИЛЬНОСТИ ИНФЛЯЦИИ В АРМЕНИИ

А.В. Есаян

*Российско-Армянский университет
anna.esayan@gmail.com
ORCID:0000-0002-4243-5390*

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется вопрос природы инфляционных процессов в малой открытой экономике на примере Армении. Высокая интеграция национальных рынков в мировую экономическую систему ограничивает политику регулирующих органов. Кроме того, множество акторов и сочетание их взаимодействия провоцируют достаточно участвовавшие шоки. В краткосрочном периоде адаптация к таким шокам усложняет задачу.

Цель работы – выявить степень влияния монетарных и немонетарных факторов на краткосрочную волатильность инфляции. Для этого мы проведем классификацию факторов – с учетом их подконтрольности влиянию центрального банка. Далее, мы используем методологию, включающую декомпозицию вклада компонентов товарных групп в дисперсию ИПЦ. Результаты дисперсионного анализа в трех комбинациях показали, что основным источником волатильности является группа «продовольственные товары» – выше 60% с 2007 по 2024гг., и группа «продукты питания» – выше 34% с 2020 по 2024гг.

Ключевые слова: инфляция, немонетарные факторы инфляции, классификация факторов инфляции, малая открытая экономика, структура инфляции в Армении.

Введение

Множество акторов и сочетание их взаимодействия формируют практически стихийную рыночную систему, с каждым новым зафиксированным правилом и закономерностью выявляется ряд исключений, эволюции и адаптации всего целого и частных. Тем не менее, регулирующие органы адаптируют свою политику для удержания финансовой системы в стабильности и прогнозируемости.

Исходя из классической теории, инфляция всегда обусловлена несоответствием объема денежной массы и реального спроса, необходимого для обеспечения реального выпуска. Однако в краткосрочной перспективе адаптировать денежное предложение к быстроменяющемуся множеству факторов становится сложной задачей. Демаркация монетарных и немонетарных факторов инфляции позволяет определить вклад в формирование инфляции каждой группы, чтобы обеспечить лучшее прогнозирование и регулирование.

Кроме того, важной задачей является определение основного источника инфляции, решение которой позволит сосредоточиться на факторах инфляции конкретной, наиболее значимой группе товаров.

Для решения поставленных задач мы рассмотрим существующие подходы к демаркации факторов инфляции по монетарному признаку, сформулируем признаки и выстроим по ним классификацию. Далее проведем анализ волатильности по трем наборам данных.

Теоретический подход к демаркации факторов инфляции

Существуют противоречия к подходу в демаркации монетарных и немонетарных факторов инфляции. С одной стороны, в долгосрочной перспективе все причины, способствующие инфляции, являются монетарными, т.к. возникают из-за разрыва фактического номинального обеспечения реального сектора деньгами и необходимого в данный момент рынку. С другой стороны, даже такой, казалось бы, чисто монетарный фактор, как реализация Центральным банком денежно-

кредитной политики, может иметь немонетарные мотивы, например, стимулирование экономического роста, финансирование бюджетного дефицита, обеспечение устойчивого платежного баланса. Кроме того, существуют объективно поведенческие и рыночные факторы, к таким неденежным факторам относятся: скорость обращения денег, склонность к сбережениям, инвестированию, кредитованию, а также ожидания относительно будущей инфляции.

Некоторые исследователи склоняются к тому, что монетарный фактор заключается исключительно в росте количества денег в экономике, все прочие факторы – немонетарные [1],[2] другие, что к немонетарным факторам относятся: дефицит бюджета, изменения относительных цен и характеристики либерализации цен (в переходный период в постсоветских странах), режим курсовой политики, степень независимости Центрального банка [3], также отмечают, что характер политики ЦБ включает в себя немонетарные мотивы: баланс между целями по инфляции и экономическим ростом, финансирование бюджетного дефицита, обеспечение финансовой стабильности и устойчивости платежного баланса [4]. Некоторые исследования показывают, что между уровнем и волатильностью инфляции также существует связь [5].

Демаркация факторов достаточно спорная. Согласно количественной теории денег, если бюджетное финансирование долговых обязательств не приводит к соответствующему росту выпуска, то при данной в краткосрочном периоде скорости обращения денег, возникнет инфляция, что характеризует дефицит бюджета как монетарный фактор. В то же время, инфляцию может вызвать валютные интервенции центрального банка, проводимые с целью коррекции курса национальной валюты для поддержания платежного баланса, в этом случае фактор инфляции имеет монетарную природу [6]. Кроме того, инфляционный импульс также подвержен влиянию со стороны внешних шоков, и структурные особенности внутренней системы могут как усиливать его, так и ослаблять [7].

Построим классификацию факторов по признаку удаленности от влияния ЦБ. Вместе с тем, будем исходить из того факта, что на внутренний рынок развивается под влиянием сочетания политики государства и внешних условий. Обратимся к схеме, представленной на Рис. 1. В группе «Политика государства» обозначена область возможностей воздействия со стороны государства, а именно: монетарная политика, фискальная, изменение и обеспечение функционирования нормативно-правовой базы, а также внешняя политика, подразумевающая некоторую корректировку воздействия мировой системы через межправительственные договоренности и условия для внешних экономических агентов. Здесь важно отметить, что мы исходим из того, что локальная, малая экономика не может произвести на мировую сколько-нибудь существенного эффекта.

Рисунок 1. Схема классификации факторов инфляции.

Источник: составлено автором.

К группе «Рыночные, смешанные факторы» мы отнесли:

➤ *Факторы спроса:*

Со стороны потребителей, ключевыми факторами являются доход, предпочтения и ожидания населения.

➤ *Факторы предложения:*

Со стороны производителей уровень цен формируется исходя из себестоимости, налогов, а также адаптивности предложения и производительности.

➤ *Структурные факторы:*

Отражают сформировавшиеся исторически особенности локальной экономической системы, такие как основные фонды, уровень занятости, количество и квалификация рабочей силы, технологии, инфраструктура, концентрация рынков, склонность населения к сбережениям и инвестициям, скорость обращения денег, волатильность цен и валютный курс.

Рыночные факторы, помимо инерционных, исторических предпосылок, динамично развиваются под воздействием иницилируемых со стороны государства условий и внешними, либо неизменными в краткосрочном периоде факторами (например, население). Относительно включения валютного курса в группу рыночных факторов, следует сказать следующее, мы исходим из того, что некоторый коридор диктуется общим рынком, а внутри этого коридора подвержен влиянию политики ЦБ.

В группе «Внешние факторы» представлены те условия, которые нам даны и в которых мы можем функционировать как открытая экономическая система. В эту группу мы включили конъюнктуру мировых товарных рынков, объем трансфертов, получаемых населением из-за границы, геополитические условия, внешние транспортные пути, миграция и, как неизменный в краткосрочном периоде фактор, численность населения. Необходимо учитывать, что внешнеэкономическая политика государства может с одной стороны, обеспечить относительно конкурентные условия для привлечения иностранного капитала, с другой стороны политика протекционизма может «вырастить» достаточно независимый в некоторых отраслях внутренний рынок, однако мы исходим из того, что, в целом, одна конкретная малая открытая экономика не может влиять на мировую конъюнктуру рынка.

Вместе с тем все указанные группы подвержены форс-мажорным обстоятельствам, которые могут возникнуть, как и в рамках локальной системы, так и мировой.

Мы предполагаем, что именно немонетарные факторы оказывают значительный вклад в формирование инфляции в Армении. Внутренние цены на таких ключевых рынках, как зерно и топливо, имеют высокую зависимость от внешних цен из-за низкой самообеспеченности. Явная синхронизация тенденций во время мирового финансового кризиса в 2008 году, пандемии в 2019 году, а также импульс экономической активности в 2022 году, вызванный геополитическими событиями, отражает высокое влияние экзогенных факторов на экономику страны. Далее перейдем к выявлению наиболее провоцирующей инфляцию в Армении группы товаров.

Анализ источников волатильности инфляции в Армении

Декомпозиция волатильности ИПЦ позволяет идентифицировать ключевые дестабилизирующие группы товаров. Понимание причин и концентрация усилий на сглаживании наиболее волатильного фактора, позволит достичь большей макроэкономической устойчивости в целом. Высокий уровень волатильности сам по себе несет инфляционные риски так как субъектам сложнее адаптироваться в быстроменяющихся условиях.

Повышенная неопределенность ценовой динамики, связанная с широким размахом ценовых колебаний, негативно влияет на настроения агентов и затрудняет привязку их инфляционных ожиданий к цели. Волатильность инфляции в целом, задается волатильностью цен на небольшое число товаров и услуг. В этом контексте особое значение имеет анализ структуры волатильности инфляции. В целом, ИПЦ в Армении имеет достаточно высокий разброс, за один год показатель может меняться до 6 пунктов и не попадает в целевые показатели ЦБ, что продемонстрировано на Рис. 2. Анализ дисперсии и стандартного

отклонения в данном случае указывает на низкую предсказуемость ценовой динамики в рассматриваемом периоде.

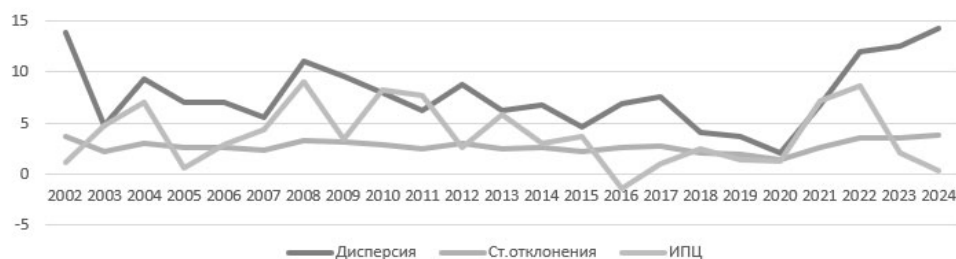

Рисунок 2. Волатильность ИПЦ в Армении.

Источник: составлено автором на основе данных Армстата.

На Рис. 3 мы представлена траектория общего индекса цен и его компонентов, рассчитанных нарастающим итогом к соответствующему периоду предыдущего года. В постпандемийный период, 2021 году мы наблюдаем значительный рост цен в группе продовольственные товары – 11%, в группе непродовольственные товары – 8,7%. В 2022 году инфляционное давление усилилось за счет сектора услуг, где прирост цен составил 5,2%.

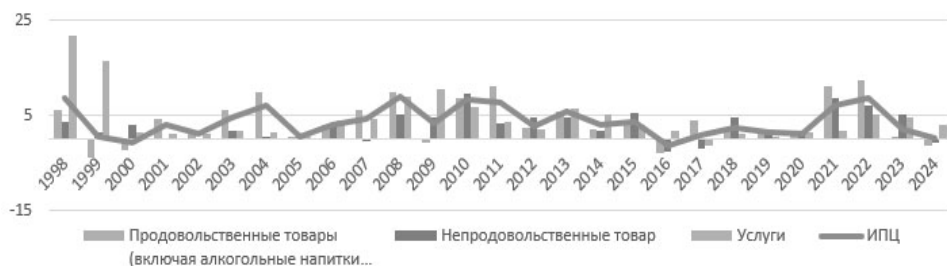

Рисунок 3. Индекс цен общий и по группам товаров в Армении.

Источник: составлено автором на основе данных Армстата.

Для дальнейших расчетов сформирован массив данных, включающий динамику инфляции по товарным группам и структуру весов индекса потребительских цен. Часть данных по весовой структуре до

2020г. реконструировалась автором на косвенных расчетах и сторонних источниках, ввиду отсутствия в официальных публикациях Статистического комитета РА полных данных. Эмпирический анализ проводится на основе трех временных интервалов с разной шкалой периодичности и агрегированности. На основании вышеизложенного, выделим 3 подхода к анализу, в зависимости от компонентной структуры, периодичности и длины временного интервала:

1. Три компонента, ежегодные данные, 1998–2024гг.
2. Двенадцать компонентов, ежегодные данные, 2018–2024гг.
3. Двенадцать компонентов, ежемесячные данные, 2017–2024гг.

Подход 1. В рамках первого подхода, проанализируем ежегодные данные с 1998 по 2023гг. по трехкомпонентной структуре. Взвешенный индекс, визуализированный на Рис. 4, позволяет идентифицировать ключевые драйверы роста общего уровня цен. Наибольший вклад вносит группа продовольственных товаров, при этом, в некоторые периоды 2006–2015гг. и в постпандемийный период в 2021г. возрастает вклад услуг, вместе с тем, рост влияния группы непродовольственных товаров пришелся на 2021–2022гг.

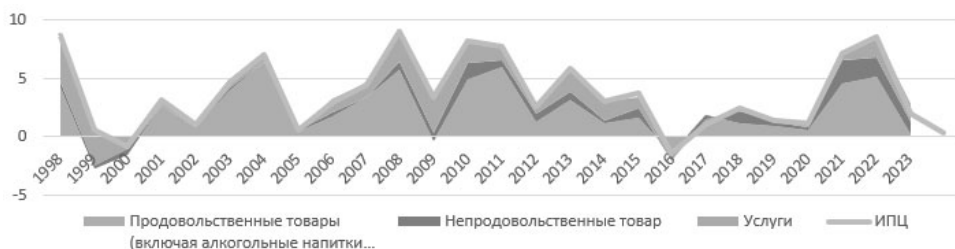

Рисунок 4. Вклад компонентов ИПЦ в Армении по трем группам товаров, ежегодные данные, %.

Источник: составлено автором на основе данных Армстата.

Для оценки вклада отдельных компонентов в общую дисперсию ИПЦ был применен метод скользящего окна с горизонтом в 10 лет. Результаты расчетов, представлены на Рис. 5.

Рисунок 5. Вклад компонентов в дисперсию ИПЦ в Армении по трем группам товаров, ежегодные данные.

Источник: составлено автором на основе данных «Армстата».

На графике выше явно видно, что в общей нестабильности цен доминирующую роль играет группа «Продовольственные товары (включая алкогольные напитки и табак)». Чем больше площадь соответствующей области на графике, тем выше вклад группы в волатильность инфляции. На Рис. 6 представлен абсолютный вклад компонентов в структуру дисперсии.

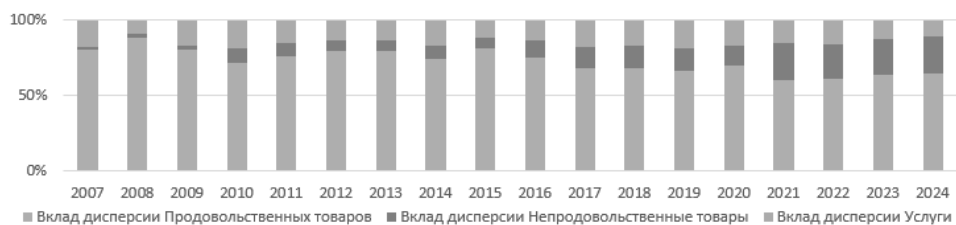

Рисунок 6. Структура дисперсии ИПЦ в Армении по трем группам товаров, ежегодные данные, %.

Источник: составлено автором на основе данных Армстата.

Доля продовольственных товаров в общей дисперсии инфляции варьируется в диапазоне от 60% до 88% на протяжении всего рассматриваемого периода.

Подход 2. Во втором подходе исследуем ИПЦ в двенадцатикомпонентной структуре с ежегодными данными в период с 2016 по

2024гг. 12 групп товаров по двузначному коду классификатора COICOP представлены в Табл. 1. Дезагрегация составных групп позволяет увидеть более детальную структуру, однако ввиду ограниченных данных, окно скользящей дисперсии в данном анализе составляет 3 года.

Таблица 1.

Классификация COICOP (12 групп)

00	ИПЦ, общий
01	Продукты питания и безалкогольные напитки
02	Алкобольные напитки, табак (ND)
03	Одежда и обувь (SD)
04	Жилье, вода, электричество, газ и другие виды топлива
05	Мебель, бытовая техника и текущее обслуживание дома
06	Здравоохранение
07	Транспорт
08	Связь
09	Отдых и культура
10	Образование
11	Рестораны и гостиницы
12	Разные товары и услуги

Источник: составлено автором на основе данных Армстата.

Динамика вклада компонентов, представленная на Рис. 7. Фиксируется всплеск волатильности в категории «Продукты питания и безалкогольные напитки» в период 2021–2022гг.

На Рис. 8 мы видим вклад компонентов в дисперсию ИПЦ. Несмотря на то, что вес группы «Продукты питания и безалкогольные напитки» в потребительской корзине 2024г. составляет около 40%, ее вклад в общую дисперсию ИПЦ достигает 71%.

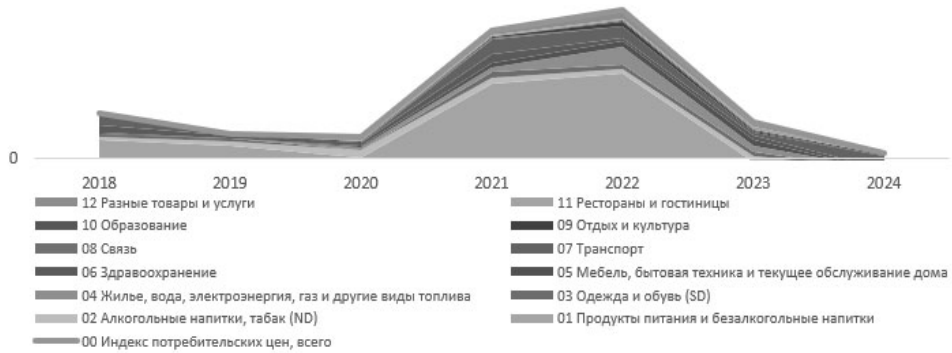

Рисунок 7. Вклад компонентов ИПЦ в Армении по двузначному коду, ежегодные данные, %.

Источник: составлено автором на основе данных Армстата.

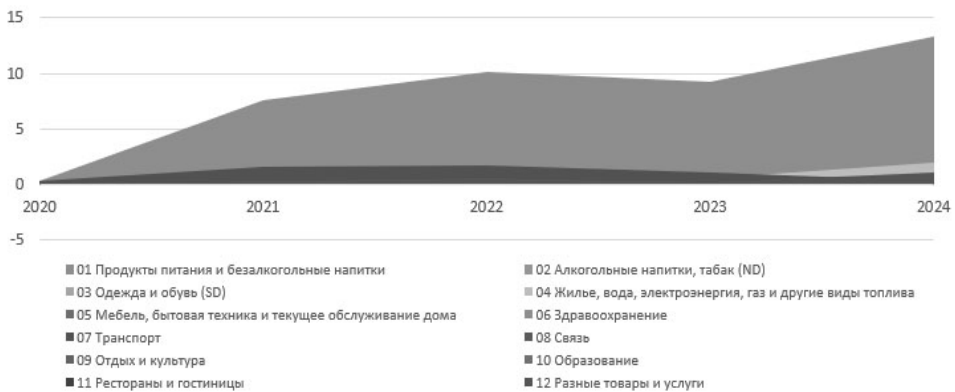

Рисунок 8. Вклад компонентов в дисперсию ИПЦ в Армении по двузначному коду, ежегодные данные.

Источник: составлено автором на основе данных Армстата.

Такое положение отражает высокую диспропорцию и доминирование одной группы товаров. Структура представлена на Рис. 9.

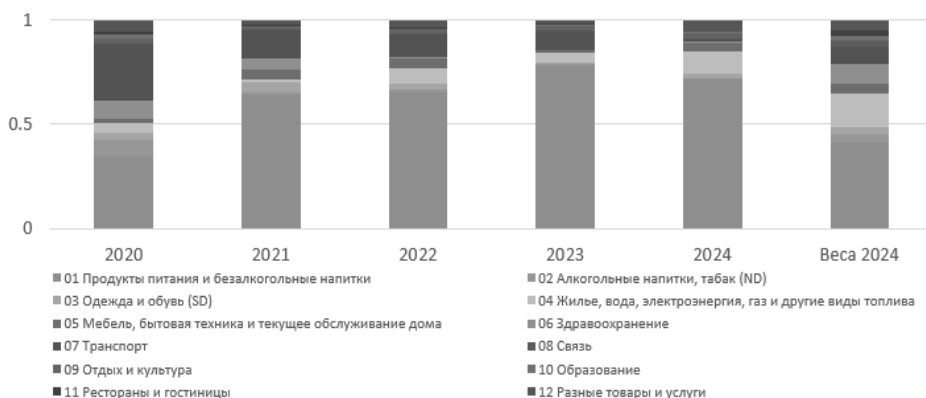

Рисунок 9. Структура дисперсии ИПЦ в Армении по двузначному коду, ежегодные данные и веса (2024г.).

Источник: составлено автором на основе данных Армстата.

Следующей по значимости является группа «Жилье и коммунальные услуги», вклад в дисперсию в 2022–2024гг. варьировался в диапазоне 7–10%. Далее по значимости располагается группа «Транспорт».

Ввиду высокой значимости группы «Продукты питания и безалкогольные напитки», мы провели декомпозицию ее структуры по четырехзначному коду. Результаты представлены на Рис. 10.

В период 2020–2021гг. основным источником нестабильности выступала группа «Хлеб и крупы». Такая динамика коррелирует с глобальными сбоями в логистике в период пандемии и ростом мировых цен на пшеницу, а также может быть связана с потерей пшеничного ресурса Арцаха в результате войны в 2020 году. С 2021 г. возросла доля группы товаров «Мясо», достигнув пика в 2023г. – 52% и в 2024г. – 58%. Такой уровень может быть также связан с адаптацией рынка к регуляторным изменениям, в частности ужесточение требований к убою. Также мы ожидаем некоторого проинфляционного давления в группе продовольственных товаров в виду ввода обязательной маркировки ряда товаров в рамках ЕАЭС, в том числе продовольственных.

В группе 04 «Жилье и коммунальные услуги» основным драйвером волатильности выступает «Газоснабжение», тогда как сдерживающим факторам выступала группа «Электроэнергия».

В группе 07 «Транспорт» источником ценовых колебаний традиционно является компонент «Горюче-смазочные материалы».

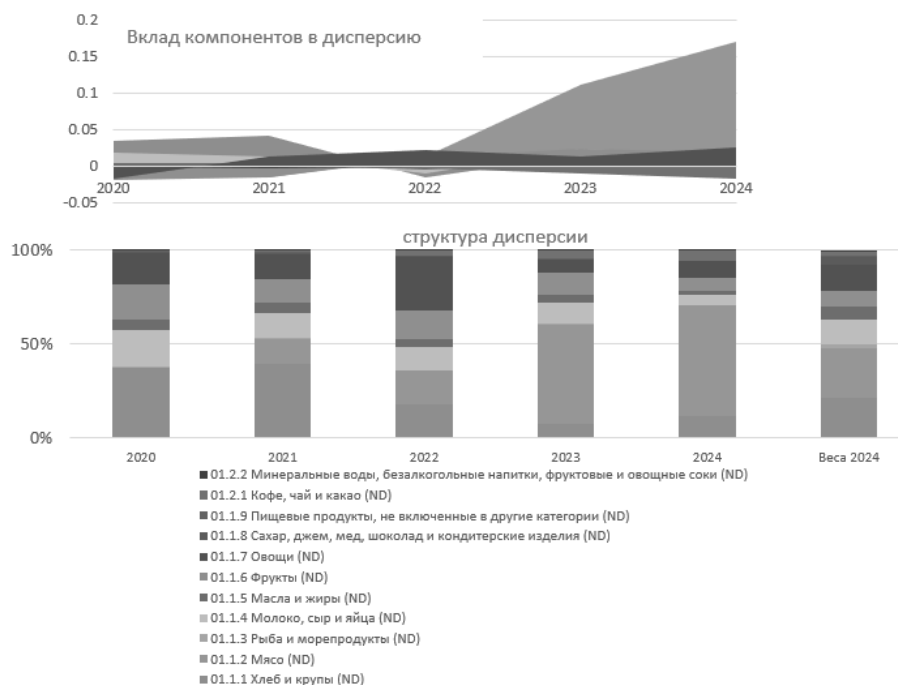

Рисунок 10. Вклад компонентов в дисперсию группы 01, структура дисперсии, ежегодные данные и веса компонентов (2024г.).

Источник: составлено автором на основе данных Армстата.

Подход 3. В третьем подходе анализ проводится на основе ежемесячных данных с 2018 по 2024гг. по двенадцатикомпонентной структуре. Более высокочастотные данные позволяют также увидеть сезонную динамику ИПЦ за год. Скользящее окно дисперсии составляет 12 месяцев.

На Рисунке 11 мы также наблюдаем высокий вклад в структуре инфляции группы 01. Первый пик в постпандемийный период, когда

оживлялись мировые рынки и реализовывался отложенный спрос, замороженный в период локдауна, взвешенный индекс цен в группе 01 составил 6% в ноябре 2021г. Второй пик спровоцирован геополитическим кризисом, взвешенный индекс в июне 2022г. составил 6,5%. Стоит отметить, в этот же период, с апреля 2022г. начинается устойчивая тенденция укрепления армянского драма. При этом, наибольшая дефляция этой группы приходится на июнь 2023г. – 2,27%. Группа 04 следующая по значимости с со взвешенным показателем 1,3% в декабре 2022г.

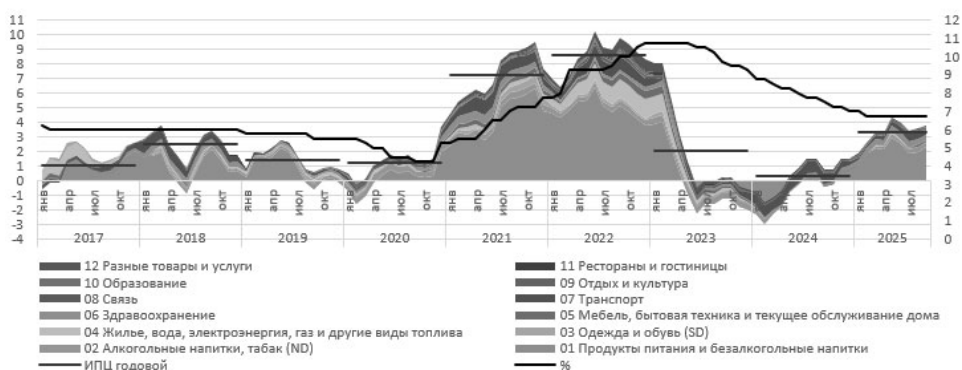

Рисунок 11. Вклад компонентов ИПЦ в Армении по двузначному коду (помесичные данные), годовой ИПЦ (левая ось) и ставка рефинансирования (правая ось), %.

Источник: составлено автором на основе данных Армстата и ЦБ РА.

Вместе с тем, мы видим, как центральный банк корректирует ставку рефинансирования в данных условиях. Проявляется некоторое смягчение до ноября 2020г., когда ставка составила 4,25%. В целом, политика центрального банка в пандемийный и после периоды соответствует общемировой тенденции. Затем следует ужесточение, набирающее обороты до мая 2023г. со ставкой 10,75%. На момент спада цен в июне 2023 г. ставка продолжает оставаться на пике, и только в ответ на поведение рынка, начинается снижение вплоть до 2025г.

Декомпозиция структуры, отображенная на Рис. 12 показала, что группа 01 остается доминирующим фактором волатильности ППЦ на

протяжении всего рассматриваемого периода. Максимальные пики дисперсии в сентябре 2021г. и в августе 2023г.

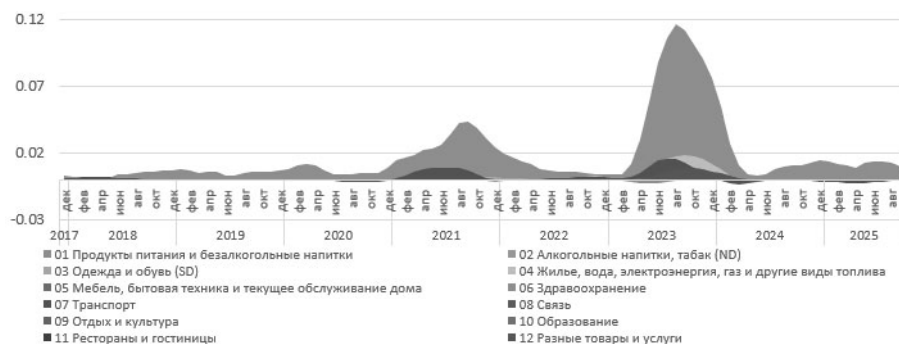

Рисунок 12. Вклад компонентов в дисперсию ИПЦ в Армении по двузначному коду, ежемесячные данные.

Источник: составлено автором на основе данных Армстата.

Структурный анализ на Рис. 13 выявляет в том числе значимую роль группы 07, доля которой в отдельные периоды достигает 20% от общей дисперсии, и группы 04, демонстрирующую высокий вклад в период с середины 2022 по начало 2024г. что совпадает с колебаниями цен на топливо и шоками на рынке жилья.

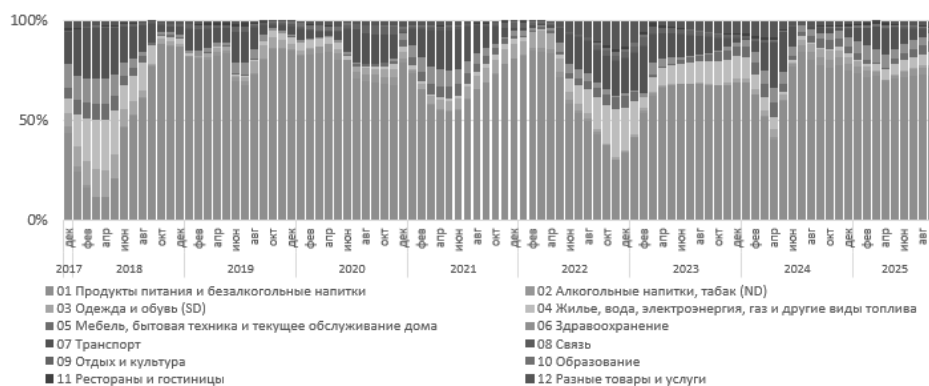

Рисунок 13. Структура дисперсии ИПЦ в Армении по двузначному коду, ежемесячные данные, %.

Источник: составлено автором на основе данных Армстата.

Заключение

Таким образом, мы провели обзор некоторых существующих подходов к демаркации факторов инфляции. Далее мы вывели классификацию факторов с учетом природы их возникновения. Проанализировали структуру инфляции в трех комбинациях, исходя из имеющихся в распоряжении данных. По всем трем подходам установлено, что наибольший вклад в дестабилизацию индекса потребительских цен вносит группа продовольственных товаров. В рамках второго подхода также была рассмотрена структура группы продовольственных товаров, где волатильность исходила из подгрупп «Мясо», «Овощи», «Хлеб и крупы» и «Фрукты».

ЛИТЕРАТУРА

1. *De Grauwe P.* (ed.). *The Political Economy of Monetary Union*. Edward Elgar Publishing, № 2131, 2021.
2. *Пумелин А.* О немонетарных факторах инфляции // «Экономика и математические методы», 2015, 51 (1). СС. 45–67.
3. *Cottarelli C., Griffiths M., Moghadam R.* The Nonmonetary Determinants of Inflation: A Panel Data Stud, IMF Working Paper. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/wp9823.pdf>
4. *Hammermann F., Flanagan M.* What Explains Persistent Inflation Differentials Across Transition Economies? // “Kiel Working Papers”, 1373, Kiel Institute for the World Economy (IfW Kiel), 2007.
5. *Ball L.* Why Does High Inflation Raise Inflation Uncertainty? // “International Finance”. 2012. Vol. 15, Issue 3. PP. 327–345.
6. ЦБ РФ. О немонетарных факторах инфляции и мерах по снижению ее волатильности, URL: <https://www.cbr.ru/content/document/file/25502/nfi.pdf>
7. Brookings Institution. A Taxonomy of Supply Shocks and Their Effects on Inflation, 2025. URL: https://www.brookings.edu/wpcontent/uploads/2025/11/20251118_ES_Edelberg_SupplyShocksInflationFinal_FINAL.pdf

REFERENCES

1. *De Grauwe P.* (ed.). The Political Economy of Monetary Union // “Edward Elgar Publishing”, № 2131, 2021.
2. *Pitelin A.* On non-monetary factors of inflation // “Economics and Mathematical Methods”, 2015, 51 (1). PP. 45–67 (in Russian).
3. *Cottarelli C., Griffiths M., Moghadam R.* The Nonmonetary Determinants of Inflation: A Panel Data Stud, IMF Working Paper. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/wp9823.pdf>
4. *Hammermann F., Flanagan M.* What Explains Persistent Inflation Differentials Across Transition Economies? // “Kiel Working Papers”, 1373, Kiel Institute for the World Economy (IfW Kiel), 2007.
5. *Ball L.* Why Does High Inflation Raise Inflation Uncertainty? // “International Finance”, 2012. Vol. 15, Issue 3. PP. 327–345.
6. Central Bank of the Russian Federation. On non-monetary factors of inflation and measures to reduce its volatility. URL: <https://www.cbr.ru/content/document/file/25502/nfi.pdf>
7. Brookings Institution. A Taxonomy of Supply Shocks and Their Effects on Inflation, 2025. URL: https://www.brookings.edu/wpcontent/uploads/2025/11/20251118_ES_Edelberg_SupplyShocksInflationFinal_FINAL.pdf

**NON-MONETARY FACTORS OF INFLATION AND SOURCES
OF INFLATION VOLATILITY IN ARMENIA**

A. Yesayan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

This paper investigates the nature of inflationary processes within the context of a small open economy, using Armenia as a case study. The high integration of domestic markets into the global economic system constrains the effectiveness of regulatory policies. Furthermore, complex interactions among

numerous economic agents provoke increasingly frequent shocks, making short-term adaptation to such fluctuations a significant challenge.

The aim of this study is to assess the impact of monetary and non-monetary factors on short-term inflation volatility. To this end, the study classifies inflation drivers based on the Central Bank's ability to control them. The methodology employed includes variance decomposition of CPI components by product groups.

Keywords: Inflation, non-monetary inflation factors, classification of inflation factors, small open economy, structure of inflation in Armenia.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

DOI 10.24412/1829-0485-2026-2-63-73
УДК 34

Поступила: 03.03.2026г.
Сдана на рецензию: 15.03.2026г.
Подписана к печати: 15.05.2026г.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ НА ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ЕАЭС

А.К. Айрапетян¹, Р.В. Назаретян²

*Российско-Армянский университет
hayrapetyanarshak@gmail.com, nazaretyanruben16@gmail.com
ORCID ¹: 0009-0004-1530-5541, ORCID ²: 0009-0004-1655-8153*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются современные тенденции цифровизации налоговых правоотношений на европейском пространстве и выдвигаются определенные рекомендации для Евразийского экономического союза. Исследуется понятие «цифровизация налоговых правоотношений», раскрывается природа и содержание ряда правовых регулирований относительно цифровизации налоговых правоотношений в Европейском союзе, сосредотачивая внимание на определенные механизмы.

Ключевые слова: цифровизация, налоговое право, налоговые правоотношения, Европейский Союз (ЕС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Введение

Цифровизация в современном мире происходит с высокой активностью, что влияет на трансформацию мировой экономики в целом. Результаты данного процесса приводят к возникновению новых видов правоотношений и к формированию новых сфер налогообложения, и, как следствие, вызывают необходимость изменений в области государственного управления. В современных реалиях цифровая трансформация становится ключевым элементом реформирования государственных институтов и механизмов управления экономикой. Налоговые правоотношения не остаются в стороне от глобальных цифровых процессов и неизбежно приводят к цифровизации государственного управления и к созданию современных механизмов налогового администрирования, новых моделей взаимодействия с налогоплательщиками и инструментов, направленных на обеспечение фискальной прозрачности. Итак, современные тенденции цифровизации налоговых правоотношений, с одной стороны, являются вызовом, а с другой стороны, становятся стратегическим инструментом для повышения эффективности государственного управления в данной сфере.

Основное содержание

На сегодняшний день цифровизацию в налоговой сфере можно рассматривать в двух направлениях: первое ориентировано на повышение прозрачности налогообложения, создание инфраструктуры, целью которой является обеспечение открытости, обмен данными и предотвращение налоговых правонарушений, а также эффективное регулирование вопросов относительно двойного налогообложения, второе – это автоматизация налогового администрирования, которая направлена на упрощение процедур, оптимизацию административного ресурса и его эффективного управления, включая минимализацию затрат и повышение точности расчетов. Оба эти направления взаимо-

связаны, так как направлены на решение схожих задач и, в перспективе, преследуют одни и те же цели.

Сегодня основным новатором по цифровизации налоговых правоотношений является европейское пространство – как по регулированию на национальном, так и на уровне экономических интеграционных объединений. Европейский союз (далее – ЕС) в данном контексте выступает отличным примером в плане гармонизации национальных законодательств своих государств-членов в налоговой сфере. Исходя из этого, целью данной статьи является изучение существующих эффективных механизмов цифровизации налоговых правоотношений на европейском пространстве и выявление ключевых и практических рекомендаций для Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Надо отметить, что общепринятого определения понятия «цифровизация налоговых правоотношений» как такового не существует, но существующие определения имеют общие характеристики. Таким образом, цифровизация налоговых правоотношений выражается в процессе разработки и внедрения цифровых технологий, систем и сервисов в деятельность уполномоченных налоговых органов и процедуры реализации прав и обязанностей иных субъектов налоговых правоотношений, что влечет за собой трансформацию содержания этих правоотношений в условиях новой цифровой реальности [1]. Встречаются и более консервативные точки зрения, что налоговые правоотношения, вытекающие из налогового контроля, при совершенствовании внутриорганизационных аналитических подходов налоговых органов не претерпевают существенных изменений ввиду сохранения классических форм контроля. Цифровизация в данном случае предполагает совершенствование налогового администрирования, а также повышение эффективности правоприменительной деятельности налоговых органов [2]. В данном контексте также отмечается, что цифровизация налоговых правоотношений представляет собой процесс создания, внедрения, применения и совершенствования цифровых технологий и информационных систем, влияющих на трансформацию состава и содержания налоговых правоотношений, а также на совершенствование

и автоматизацию реализации субъективных прав и юридических обязанностей участников соответствующих правоотношений [3]. В продолжение рассмотрения данного вопроса, актуален и следующий вывод, что цифровая трансформация налоговой обязанности, являющейся основной обязанностью налогоплательщика, также проходит в своем развитии ряд стадий, что позволяет говорить о наступлении цифровой эпохи развития содержания налоговых обязанностей. Это выражается в развитии правового регулирования различных элементов налоговых обязанностей, а также в изменении их содержания [4]. Итак, мы имеем дело со своеобразным правовым процессом, который подошел к этапу активного внедрения и детального законодательного закрепления, и, несомненно, будет интенсивно развиваться как на национальном, так и на уровне экономических интеграционных объединений. Важно отметить, что, вместе с положительными сторонами внедрения и использования цифровых технологий в данной сфере, параллельно возникает перечень серьезных вызовов как юридического, так и технического характера.

Однозначно, что цифровая трансформация налогово-правовых норм об уплате налогов, а также развитие практики их применения представляют собой масштабный процесс, включающий в себя ряд этапов, что, в свою очередь, обуславливает актуальность исследования основных проблем и перспектив правового регулирования обязанности по уплате налога применительно к отдельным периодам цифрового развития государства и общества [5]. Данное утверждение также уместно в случае регулирования налоговых правоотношений на уровне экономических интеграционных объединений. Итак, ключевые направления цифровизации налоговых правоотношений в ЕС охватывает широкий спектр интеграционного взаимодействия государств-членов, который пока что не выступает как единый комплексный подход.

Первым, следует упомянуть пакет законов, который называется «НДС в цифровую эпоху» (“VAT in the Digital Age” (ViDA)), принятый 11 марта 2025 года. Данный пакет предусматривает обеспечение соответствия правил ЕС в области налога на добавленную стоимость

(далее – НДС) требованиям цифровой эпохи. Правила ЕС в области НДС направлены на повышение конкурентоспособности ЕС, борьбу с мошенничеством в данной сфере и снижение административного контроля, учитывая цифровую трансформацию экономик государств-членов. Однако необходимо отметить, что данные правила, хотя и являются самой масштабной реформой системы НДС в ЕС за последнее десятилетие, пока только юридически закреплены и должны быть внедрены поэтапно до января 2035 года. Этот процесс включает в себя внедрение норм в национальное законодательство государств-членов ЕС и техническую подготовку в несколько этапов: введение обязательного обмена электронными счетами в реальном времени через централизованную систему, предусмотрение обязательств для онлайн-платформ по краткосрочной аренде жилья и услуг пассажирского транспорта, уплаты НДС в случае, когда отдельные поставщики услуг не взимают НДС, установление единой регистрации НДС через уже существующую систему единого окна (“One-Stop Shop” (OSS)), что позволит выполнять обязательства по НДС только в одном государстве-члене ЕС, а в дальнейшем предусматривается введение единого окна (“Import One Stop Shop” (IOSS)) для определенных платформ, которые зарегистрированы за пределами ЕС, но предоставляют услуги потребителям в ЕС [6],[7],[8].

Нужно отметить также восьмую поправку к директиве «Об административном сотрудничестве в области прямых налогов» (DAC-8, вступившую в силу 1 января 2026г.). Данная поправка предусматривает автоматический обмен информацией о криптоактивах между государствами-членами ЕС и преследует цель обеспечить налоговую прозрачность на транзакции с криптоактивами. На практике, это подразумевает единую регистрацию в государстве-члене ЕС, если поставщик услуг в сфере криптоактивов или финансовый институт, работающий с электронными деньгами и цифровыми валютами Центральных банков, ведет деятельность на территории ЕС, но не имеет разрешения в соответствии с регламентом о рынках криптоактивов (OJ L 150, 9.6.2023 (MiCA)); последний должен собирать данные и представить

отчет, соблюдая национальные требования по срокам и формату. Налоговые органы государств-членов ЕС будут обмениваться полученными данными, обеспечивая синхронизацию с международным стандартом автоматического обмена налоговой информацией о криптоактивах (“Crypto-Asset Reporting Framework” (CARF)), который был разработан Организацией экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР). Отчетности подлежат такие типы активов, как криптовалюты, стейблкоины, определенные виды невзаимозаменяемых токенов (NFT), токенизированные активы, электронные деньги и цифровые валюты Центральных банков. Необходимо отметить, что за непредоставление отчетности или нарушение установленных процедур предусмотрены штрафы, размер которых устанавливается на национальном уровне [9].

Немаловажной директивой в данной сфере является и директива «О более быстром и безопасном возврате избыточного налога у источника» (“Faster and Safer Relief of Excess Withholding Taxes FASTER”)), которая должна быть интегрирована в национальное право к 1 января 2030 года. С помощью этого регулирования упрощается процедура возврата избыточного налога у источника путем устранения бюрократических барьеров, которые делают возврат налогов затяжным и дорогим процессом. Директива предусматривает два механизма, которые могут внедрить государства-члены ЕС для достижения результата. Первое – это удержание налога сразу по сниженной ставке в момент выплаты дивидендов или процентов (“Relief at source”), второй – система быстрого возврата избыточного налога, что должно быть осуществлено в течение месяца (не больше) (“Quick refund”) [10]. Путем этих механизмов будет обеспечена ликвидность средств, оптимизация затрат и прозрачность процедуры возврата избыточного налога у источника.

В данном контексте, несомненно, к месту утверждение, что, учитывая специфику бизнеса цифровых компаний, настал момент кардинального изменения подхода к их налогообложению. Все мировое экономическое сообщество включено в решение данного вопроса,

поскольку в цифровом пространстве должны действовать совершенно отличные от традиционных правил определения налогооблагаемой базы и налогооблагаемого объекта. В цифровом пространстве исчезли привычные границы осуществления коммерческой деятельности, появились новые объекты налогообложения, изменилась взаимосвязь между местом ведения деятельности, возникновения дохода, добавленной стоимости и налоговых обязательств [11]. В этом плане ЕС намерен идти к введению общеевропейского налога на цифровые услуги (“Digital Services Tax” (DST)), который сейчас находится в статусе ожидания, что связано как с международными переговорами в рамках ОЭСР, так и с политическими вопросами. На нынешний день существует лишь проект директивы о введении налога на цифровые услуги, который предусматривает в качестве объектов налогообложения размещение онлайн-рекламы, цифровое посредничество и передача пользовательских данных, устанавливая налоговую ставку в 3% от валовой выручки, полученной от оказания перечисленных услуг. Важным аспектом является то, что налог должен быть уплачен в том государстве-члене ЕС, где находится пользователь цифровой услуги в момент потребления, а не по месту регистрации компании, которая предоставляет услуги [12]. Однако нужно отметить, что государства-члены ЕС применяют национальные налоги на цифровые услуги, что приводит к фрагментации единого рынка ЕС. Данный проект директивы, хотя и остается в качестве запасного плана для ЕС, предусматривает именно замену фрагментных национальных налогов единым механизмом, который должен обеспечить баланс правил между европейскими компаниями и компаниями из третьих государств, попадающих под критерии регулирования.

Важно отметить, что, несмотря на усилия данных регулирований, направленных на создание динамической экосистемы в сфере цифровизации налоговых правоотношений в ЕС, все равно на практике они сталкиваются с рядом юридических и технических проблем, в числе которых основное место занимает фрагментация, что в основном проявляется отсутствием единых механизмов на уровне ЕС и

неравномерной готовностью государств-членов ЕС для создания соответствующих технических систем. С другой стороны, государства-члены ЕС в большинстве случаев задерживают внедрение норм в национальное законодательство, что не обеспечивает должную прозрачность и приводит к нездоровой конкуренции между государствами. К этому и можно добавить проблемы с защитой данных и конфиденциальностью, которая, как тень, преследует все реформы цифровой среды в ЕС.

Прежде чем сделать соответствующие рекомендации для цифровизации налоговых правоотношений в ЕАЭС, нужно отметить, что процесс находится на стадии интеграции в национальное законодательство, где основной акцент поставлен на механизме прослеживаемости товаров, что подразумевает контроль пути товара от границы до конечного потребителя, существенно быстрый обмен данными об уплаченных косвенных налогах и реализацию информационных ресурсов для синхронизации работ налоговых органов и дистанционного налогового администрирования. В рамках данного обсуждения к месту будет утверждение, что еще недавно налоговые нормы государств-членов ЕАЭС не содержали и намека на цифровизацию налогового регулирования, а теперь же налоговые кодексы государств-членов формируют «окрашенный в цифру» понятийный аппарат, включая в систему законодательства новые цифровые налогово-правовые институты [13].

Прежде всего, уместно подчеркнуть, что существующее правовое регулирование в ЕС нецелесообразно попросту дублировать для ЕАЭС, а необходимо основываться на конвергенции системы. Итак, рекомендуется внедрить в ЕАЭС обязательный обмен электронными счетами в реальном времени через централизованную систему, что позволит устранить разнообразные схемы мошенничества с НДС при трансграничной торговле – вместе с созданием единого реестра сертификатов налогового резидентства, что, в свою очередь даст возможность на реализацию системы единого окна – на примере ЕС. Все это, в свою очередь, должно сократить бумажную бюрократию, превращая

налоговое администрирование в максимально прозрачный цифровой процесс. Помимо этого, необходимо закрепить на наднациональном уровне четкие определения для видов цифровых активов, место потребления, условного поставщика, электронной торговой площадки и ряда других, а также предусмотреть классификацию для цифровых продуктов. Такая унификация поспособствует устранению существующих налоговых обходных путей и исключению двойного налогообложения в ЕАЭС. Аналогично с поправкой к директиве ЕС «Об административном сотрудничестве в области прямых налогов» (DAC8), следует предусмотреть автоматический обмен информацией о криптоактивах и электронных деньгах между государствами-членами ЕАЭС. Ключевым аспектом здесь должно являться то, что государства-члены ЕАЭС должны иметь доступ к информации о транзакциях криптоактивов своего резидента без специального запроса в другое государство союза. Также рекомендуется вместо разрозненных национальных подходов ввести наднациональный налог на цифровые услуги и концепцию виртуального постоянного представительства, что позволит облагать налогом прибыль компаний там, где находится получатель услуг, даже в случае отсутствия физического присутствия и избежать искажения конкуренции внутри ЕАЭС. Обобщая, можно сказать, что данные рекомендации должны основываться на переходе от фрагментарных регулирований к гармонизации наднациональных законодательств и внедрению автоматизированных систем контроля.

В современном мире от налогоплательщиков и иных субъектов налоговых правоотношений требуется ряд условий: психологическая готовность к предоставлению информации и восприятию новых цифровых реалий, цифровая грамотность (владение компьютером, умение пользоваться информационными ресурсами, специальными программами и др.), стремление к постоянному совершенствованию и познанию цифровых новшеств [14]. В заключение, обращая внимание на данное утверждение, важно подчеркнуть, что при осуществлении вышеуказанных рекомендаций для ЕАЭС необходимо учитывать отличие менталитета и ряда других особенностей, а также культурных норм, существующих на евразийском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гнеушева Т.Б. Налоговые правоотношения в условиях цифровой трансформации общества // «Современная научная мысль», № 4, 2025. СС. 191–195: <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2025-4-191-195>
2. Цинделиани И.А., Гусева Т.А., & Изотов А.В. Совершенствование налогового контроля в условиях цифровизации // «Правоприменение», № 6 (1), 2022. СС. 77–87.
3. Изотов А.В. Налоговые правоотношения в условиях цифровизации: современное состояние и перспективы развития: монография. М.: «Юстицинформ», 2022, 264с.
4. Лютова О.И. Налоговые обязанности в цифровую эпоху: периодизация правового регулирования // «Антиномии», № 24 (1), 2024. СС. 73–88.
5. Лютова О.И. Цифровая трансформация обязанности по уплате налога: этапы развития правового регулирования // «Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», № 7, 2024. СС. 155–162: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.119.7.155-162>
6. Council Directive (EU) 2025/516 of 11 March 2025 amending Directive 2006/112/EC as regards VAT rules for the digital age, OJ L, 2025/516, 25.3.2025, URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2025/516/oj>
7. Council Regulation (EU) 2025/517 of 11 March 2025 amending Regulation (EU) No 904/2010 as regards the VAT administrative cooperation arrangements needed for the digital age, OJ L, 2025/517, 25.3.2025, URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2025/517/oj>
8. Council Implementing Regulation (EU) 2025/518 of 11 March 2025 amending Implementing Regulation (EU) No 282/2011 as regards information requirements for certain VAT schemes, OJ L, 2025/518, 25.3.2025, URL: http://data.europa.eu/eli/reg_impl/2025/518/oj
9. Council Directive (EU) 2023/2226 of 17 October 2023 amending Directive 2011/16/EU on administrative cooperation in the field of taxation, OJ L, 2023/2226, 24.10.2023, URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2023/2226/oj>
10. Council Directive (EU) 2025/50 of 10 December 2024 on faster and safer relief of excess withholding taxes, OJ L, 2025/50, 10.1.2025, <http://data.europa.eu/eli/dir/2025/50/oj>
11. Лысунец М.В. Перспективы налогообложения цифровых компаний в странах Европейского союза: проблемы и противоречия // «Мир новой

- экономики», № 14 (2), 2020. СС. 25–31: <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-25-31>
12. Proposal for a COUNCIL DIRECTIVE on the common system of a digital services tax on revenues resulting from the provision of certain digital services, COM (2018) 148 final, 21.3.2018, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52018PC0148>
13. Козырин А.Н., Ялбулганов А.А. Налоговое законодательство государств ЕАЭС и цифровизация налогового администрирования // «Закон», № 4, 2021. СС. 60–66. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2021-16-4-60-66>
14. Замотаева О. Н. Цифровизация в структуре современных налоговых правоотношений // «Вестник Академии права и управления», № 3 (84), 2025. СС. 37–41.

MODERN TRENDS IN THE DIGITALIZATION OF TAX LEGAL RELATIONSHIPS IN THE EUROPEAN AREA: RECOMMENDATIONS FOR THE EAEU

A. Hayrapetyan, R. Nazaretyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines modern trends in the digitization of tax legal relationships in European area and puts forward certain recommendations for the Eurasian Economic Union. It examines the definition of digitalization of tax legal relationships and reveals the nature and content of a number of legal regulations concerning the digitalization of tax legal relationships in the European Union, focusing on certain mechanisms.

Keywords: digitalization, tax law, tax legal relationship, European Union (EU), Eurasian Economic Union (EAEU).

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ «О КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА, ИМЕЮЩЕГО НЕЗАКОННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ» И ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

О.С. Шахназарян

*Российско-Армянский университет
Апелляционный антикоррупционный суд РА
Комиссия по вопросам этики и дисциплины Общего собрания судей Армении
hovikshahnazaryan@gmail.com
ORCID: 0009-0009-5682-9962*

АННОТАЦИЯ

В рамках настоящего исследования проанализирована проблема, связанная с применением института исковой давности в контексте статьи 8 Закона Республики Армения «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение» (далее – Закон). *Актуальность* исследования обусловлена тем, что применимость данного института получила в Законе специальное нормативное закрепление, что, в свою очередь, породило неоднозначность в правоприменительной практике.

Анализ судебных актов свидетельствует о формировании принципиально различных, а порой и взаимоисключающих правовых позиций относительно содержания и пределов применения указанной нормы. В сложившихся условиях возникает объективная необходимость в комплексном научно-правовом осмыслении данной проблемы и выработке обоснованных подходов к ее разрешению, основан-

ных на сущности института исковой давности, целях и задачах Закона, а также на корректном толковании предусмотренной Законом специальной модели его реализации.

Ключевые слова: Закон Республики Армения «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение», *in rem*, *in personam* (категории исков), исковая давность, изменения предмета иска путем предъявления нового требования в отношении нового имущества, Апелляционный суд и др.

Введение

Из анализа судебной практики и толкований статьи 8 Закона становится очевидным, что одной лишь формулировки данной статьи недостаточно для четкого регулирования вопроса о применимости исковой давности. Остается неясным, какое значение Закон придает сроку проведения изучения оснований возбуждения иска, каким образом этот срок соотносится с началом изучения или с самим процессом исследования, что следует считать моментом его окончания, а также насколько установленное Законом регулирование согласуется с положениями Гражданского кодекса об исковой давности. Актуальность проблемы усиливается тем, что буквальное толкование Закона может привести к выводу о неприменимости исковой давности во всех случаях предъявления новых материально-правовых требований в рамках рассматриваемого дела. Подобный подход способен нарушить право на справедливое судебное разбирательство и принцип правовой определенности, подорвать стабильность гражданского оборота. В частности, остается непонятным, для чего предусмотрена досудебная стадия изучения оснований возбуждения иска и установлены сроки ее проведения, а также в каких временных пределах в ходе рассмотрения дела может быть предъявлено новое требование о конфискации имущества, предположительно имеющего незаконное происхождение. Ответы на эти вопросы мы постарались, по возможности, кратко изложить в статье, стремясь предложить правоприменителям и иным

заинтересованным лицам еще один юридически обоснованный подход, позволяющий обеспечить объективное, полное и справедливое разрешение вопроса о применимости исковой давности, установленной Законом.

Методы исследования

Работа выполнена на основе анализа нормативных положений Закона и Гражданского кодекса, системного толкования правовых норм, обобщения судебной практики и изучения соответствующих решений Кассационного и Конституционного судов. Учитывая новизну Закона, отсутствие обширной научной литературы по теме и то обстоятельство, что аналогичное регулирование закреплено исключительно в нем, а также отсутствие на данный момент позиции Кассационного суда по рассматриваемому вопросу, для его корректного толкования были использованы также сравнительный и критический методы анализа судебных актов. Это позволило выявить наиболее обоснованные и приемлемые подходы к интерпретации Закона, принимая во внимание и ограниченный объем настоящей статьи.

Основная часть

Из положений статьи 2 Закона следует, что, если Гражданский кодекс и Гражданско-процессуальный кодекс устанавливают материально-правовые или процессуальные нормы, регулирующие соответствующие отношения, однако Закон предусматривает иное регулирование, – применяются правила, установленные Законом.

Следовательно, прежде чем обращаться к проблеме исковой давности по делам о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, необходимо понять и проанализировать требования к исковой давности, вытекающие из Гражданского кодекса РА, а также определить, какая международная и внутренняя судебная практика существует в настоящее время в рамках регулирования этих отношений.

До того, как обратиться к специальному регулированию Закона, необходимо раскрыть предмет, цели и сущность института исковой давности, затем – соответствующую судебную практику. Лишь после этого можно определить, существует ли в рассматриваемых отношениях специальное регулирование, предусмотренное Законом, и каким образом в таком случае подлежат применению общие гражданско-правовые правила исковой давности – либо они вовсе исключаются.

Так, Европейский суд сформулировал следующую правовую позицию: «Суд напоминает, что пункт 1 ст. 6 Конвенции включает в себя «право на судебное разбирательство», однако это право не является абсолютным и может быть подвергнуто ограничениям, поскольку сроки давности являются общей чертой национальных правовых систем государств-участников и имеют особое значение для стабильности гражданского оборота. Они служат нескольким важным целям, в частности обеспечивают правовую определенность и окончательность, защищают потенциальную сторону защиты от устаревших требований, противостоять которым может быть сложно, и предотвращают несправедливость, которая могла бы возникнуть, если бы от судов потребовалось вынести решение по событиям, имевшим место в отдаленном прошлом, на основании доказательств, которые с течением времени могут стать ненадежными и неполными» [1].

Конституционный суд РА в решении ПКС-1611 от 28.09.2021г., обращаясь к функционально-регулятивному значению института исковой давности, констатировал, что отсутствие разумных временных ограничений для защиты нарушенных гражданских прав привело бы к нарушению прав и интересов ответчиков и третьих лиц, которые не всегда могут заранее учитывать необходимость сбора и хранения сведений и фактов, имеющих значение для рассмотрения дела. В то же время применение исковой давности защищает участников гражданского оборота от необоснованных требований и одновременно побуждает их своевременно позаботиться о реализации и защите своих прав.

Институт исковой давности своим важным функциональным значением системно связан с основами конституционного строя

Республики Армения, поскольку призван обеспечивать их гарантии и, в особенности, логику и ценности, лежащие в основе статьи 1 Конституции, статьи 10 (Гарантия собственности), статьи 11 (Экономический строй) [2].

Согласно ст. 337 Гражданского кодекса РА, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Исключения из этого правила устанавливаются настоящим кодексом и иными законами.

Кассационный суд РА, анализируя указанные положения, отметил, что законодатель, закрепив общий трехлетний срок исковой давности, одновременно определил и порядок его исчисления: течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права.

При этом для обоих условий начала течения срока исковой давности законодатель использовал выражения «узнало» и «должно было узнать», буквальное толкование которых приводит к выводу, что для начала течения срока исковой давности необходимо достоверное знание истца о нарушении своего права либо наличие обстоятельств, из которых следует, что он должен был знать об этом нарушении. Таким образом, законодатель связал наступление правовых последствий начала течения срока исковой давности не с возможностью истца предположить о нарушении своего права, а с фактом достоверного знания или обязанностью знать о таком нарушении [3].

Развивая указанные позиции относительно исковой давности, Кассационный суд Республики Армения в решении по другому гражданскому делу отметил, что из анализа пункта 1 ст. 337 Гражданского кодекса следует: законодатель связал начало течения срока исковой давности не с моментом нарушения права, а с днем, когда лицо узнало или должно было узнать о его нарушении. Такое регулирование основано на логике, согласно которой лицо, не знавшее о нарушении своего права, объективно не может приступить к его защите, в том числе путем предъявления иска. При этом для обоих условий начала течения срока исковой давности законодатель использовал выражения «узнало»

и «должно было узнать», буквальное толкование которых приводит к выводу, что для начала течения срока исковой давности необходимо, чтобы истец достоверно знал или должен был знать о нарушении своего права. Следовательно, использованное законодателем в пункте 1 ст. 337 Гражданского кодекса РА выражение «должно было узнать о нарушении своего права» не должно ошибочно толковаться так, что течение срока исковой давности может начаться со дня, когда у истца появилась возможность предположить о нарушении своего права. Напротив – формулировкой «должно было узнать», как и формулировкой «узнало», законодатель подчеркнул в вопросе начала течения исковой давности обстоятельство достоверного знания истцом о нарушении своего права. Законодатель связал правовое последствие начала течения срока исковой давности не с возможностью истца предположить о нарушении своего права, а с фактом достоверного знания о нарушении.

Одновременно Кассационный суд РА счел необходимым подчеркнуть, что приведенный выше вывод вовсе не означает, что истец при предъявлении иска с денежным требованием должен обладать всей полнотой сведений, обосновывающих его требование, и всеми подтверждающими их доказательствами. Срок исковой давности начинается исчисляться с того дня, когда заинтересованное лицо будет располагать необходимыми и достаточными сведениями для надлежащего предъявления иска в суд [4].

Указанные толкования применимы к гражданским делам, в том числе возбужденным на основании исков о защите государственных интересов, при рассмотрении которых отсутствует специальное нормативное регулирование по исковой давности, то есть применяются исключительно нормы Гражданского кодекса, регулирующие отношения исковой давности.

Между тем Законом установлены иные нормы, существенно отличающиеся от отдельных положений Гражданского кодекса, вследствие чего приведенные выше толкования утрачивают свое значение. Это обусловлено тем, что Закон предусматривает совершенно иной

порядок определения начала и окончания течения срока исковой давности.

Так, согласно статье 8 Закона:

1. Изучение оснований возбуждения иска может длиться не более трех лет.
2. Иск, предъявленный с нарушением сроков, предусмотренных настоящей статьей, считается предъявленным с пропуском срока исковой давности.

В правовых позициях, изложенных в решении Апелляционного антикоррупционного суда от 15.07.2024г. по делу № АКС/0237/02/23, суд указал, что Закон «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение» придает первостепенное значение не логике общих правил исковой давности, установленных, в том числе, гражданским законодательством Республики Армения, а моменту начала изучения оснований возбуждения иска и предшествующему ему периоду [5].

Кроме того, по оценке Апелляционного суда, исходя из логической связи положений ст. 8 Закона и сопоставления их буквального содержания, законодатель, с одной стороны, придал значение соблюдению максимального срока проведения изучения оснований, а с другой – связал правовые последствия не с самим процессом исследования в пределах этого срока, а с моментом предъявления искового заявления в суд. Следовательно, пропуск срока исковой давности в рассматриваемых нормах следует связывать именно с предъявлением иска в суд, а не с соблюдением максимального срока изучения оснований. Такое толкование соответствует цели установления данного правила.

Согласно части 3 ст. 20 Закона «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение», истец вправе исковым заявлением либо путем изменения предмета и (или) основания иска в порядке, предусмотренном Гражданским процессуальным кодексом РА, предъявить любое иное требование, связанное с требованием о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение. В частности, могут быть заявлены требования о применении последствий

ничтожности сделки, признании оспоримой сделки недействительной, применении последствий ее недействительности, а также оспорены договоры, имеющие значение для требования о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение. На требования, предусмотренные настоящей частью, не распространяются сроки исковой давности, установленные Гражданским кодексом РА или иными законами.

При обсуждении особенностей проявления иска *in rem* в Законе «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение» уже было установлено, что сопоставительный анализ различных положений Закона показывает: законодатель в производстве по конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, придает значение прежде всего факту наличия либо отсутствия такого имущества, его выявлению и последующей конфискации. Следовательно, указанные особенности также должны быть учтены при раскрытии характера исковой давности, установленной в рассматриваемой статье.

Сопоставляя данное правило специального регулирования Закона с гражданско-правовыми нормами об исковой давности и с признаками, присущими этому институту в целом, Апелляционный суд в указанном решении констатировал следующее:

1. Правило исковой давности, установленное частью 2 ст. 8 Закона «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение», является специальным правилом, определяющим срок исковой давности и порядок его исчисления содержательно отличается от сроков исковой давности и порядка их исчисления, установленных Гражданским кодексом РА. Указанный срок является сроком исковой давности, однако имеет свое самостоятельное содержание.

2. Срок исковой давности, установленный частью 2 ст. 8 Закона Республики Армения «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение», определен исходя из общей логики Закона и целей производства о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, и направлен на подачу в указанный срок искового заявления о конфискации такого имущества.

3. Срок исковой давности, установленный частью 2 ст. 8 Закона «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение», считается пропущенным, если уполномоченный орган подаст исковое заявление о конфискации конкретного имущества, имеющего незаконное происхождение, с нарушением трехлетнего срока. Если же в пределах указанного срока предъявлен иск о конфискации конкретного имущества, имеющего незаконное происхождение, часть 2 ст. 8 Закона не применима.

Сегодня в судебной практике за основу принят подход, согласно которому срок исковой давности, установленный статьей 8 Закона, исчисляется с момента начала изучения оснований и завершается моментом подачи искового заявления в суд.

Следовательно, можно констатировать, что во всех случаях, когда исковое заявление подается по истечении трех лет с момента начала изучения оснований, – независимо от момента окончания этого изучения в смысле Закона – иск считается предъявленным с пропуском срока исковой давности в соответствии со специальным правилом ст. 8 Закона, со всеми вытекающими отрицательными правовыми последствиями. По данному вопросу правовая позиция Кассационного суда отсутствует, и в настоящее время действует положение, сформированное практикой и закрепленное вступившим в законную силу судебным актом Апелляционного антикоррупционного суда.

Между тем сложившаяся практика не отвечает на вопрос о том, как следует поступать в ситуации, когда требование в отношении имущества предъявляется не первоначальным иском заявлением, а путем изменения основания и (или) предмета иска в порядке ст. 170 Гражданского процессуального кодекса в ходе рассмотрения дела. В результате такого изменения может быть заявлено требование о конфискации нового имущества, иногда – в отношении совершенно нового ответчика. При этом новое имущество, рассматриваемое как предположительно имеющее незаконное происхождение и включаемое в иск посредством его уточнения или изменения, ранее в ходе изучения оснований либо признавалось законным (в зависимости от оценки

уполномоченного органа), либо не получало какой-либо квалификации, либо вовсе не изучалось.

Армянская модель Закона по существу заимствовала одновременно элементы нескольких подходов: классической модели *in rem* конфискации и модели неосновательного обогащения – формируя тем самым смешанную, особую конструкцию, обладающую собственными особенностями – в частности то, что рассмотрение таких дел осуществляется в порядке, установленном Гражданским процессуальным кодексом РА [6].

Помимо требования об установлении статуса незаконности имущества, смешанные элементы указанных моделей реализуются в применении Закона через предъявление иска *in personam*. Это обусловлено тем, что требования Гражданского процессуального кодекса Республики Армения к субъектному составу лиц, участвующих в деле, – в частности, необходимость, а в ряде случаев и обязательность привлечения заинтересованных лиц – требуют обеспечить процессуальную вовлеченность определенных субъектов в иск о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение. Аналогичный подход применяется и в случаях предъявления требований о взыскании с лица денежной суммы в размере рыночной стоимости имущества, имеющего незаконное происхождение, когда фактическая конфискация такого имущества невозможна [7].

С учетом содержательного смысла предъявляемого по Закону иска – наряду со всеми признаками модели *in rem* конфискации, а также с учетом важности целей Закона и необходимости его применения в соответствии с духом Закона, следует отметить, что из логики статьи 8 вытекает следующее: привлечение ответчика в ходе рассмотрения дела, если при этом не дополняется требование о конфискации нового имущества, то есть осуществляется исключительно предъявление иска *in personam*, само по себе не образует основания для применения исковой давности.

В основу приведенного выше вывода положены и следующие соображения.

Применение исковой давности в отношении нового ответчика при его привлечении по гражданскому делу вытекает из регулирования исковой давности, установленного Гражданским кодексом РФ. Такое применение исковой давности не противоречит целям статьи 173 Гражданского процессуального кодекса, ни принципу диспозитивности, поскольку ни право истца на привлечение нового ответчика, ни принцип диспозитивности не предполагают и не могут предполагать, что в результате реализации процессуального права в рамках уже возбужденного дела истец приобретает привилегию, не соответствующую сущности этого права. Однако указанные доводы и рассуждения применимы исключительно к правилам исковой давности, установленным Гражданским кодексом, и к случаям привлечения нового ответчика в их рамках. В ситуации же применения статьи 8 Закона эти правила и соответствующие толкования неприменимы.

Апелляционный суд в решении, вступившем в законную силу 08.05.2025г. по делу № АКС/0110/02/24, пришел к выводу, что ст. 8 Закона «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение» не регулирует указанные вопросы, соответственно, в рамках производства о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, применение только ст. 8 указанного Закона не дает суду достаточно правовых оснований для отказа в иске по мотиву пропуска срока исковой давности [8].

Полагаем, что исключение применения института исковой давности в отношении каждого из требований, установленных статьей 170 Гражданского процессуального кодекса – с учетом того обстоятельства, что дополняемое требование может относиться как к ранее не изученному имуществу, так и к имуществу, признанному на стадии рассмотрения законным – приводит к нарушению правовой определенности, права на справедливое судебное разбирательство и подрывает стабильность гражданских отношений. Поэтому, в зависимости от фактических обстоятельств дела, суды должны применять правило статьи 8 Закона в отношении каждого дополненного требования не в исключаяющем, а в позитивном смысле, но с учетом существенных фактов конкретного дела.

Правомерность указанного вывода подтверждается следующими соображениями:

1. Законодатель связал ограничение распространения срока исковой давности исключительно с требованиями, связанными с основным требованием о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение. Это означает, что правило части 3 ст. 20 Закона о неприменении сроков давности к иным требованиям, взаимосвязанным с имуществом, имеющим незаконное происхождение, не распространяется на основное требование о конфискации такого имущества. В отношении основного требования действует лишь ограничение, установленное статьей 8 Закона, – о возможности предъявления иска с пропуском срока исковой давности. То есть законодатель в любом случае Законом установил возможность применения отрицательных последствий исковой давности в отношении основного требования о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение. Иными словами, в отличие от связанных с этим требованием дополнительных требований (часть 3 ст. 20 Закона), возможность применения исковой давности в отношении основного требования, вытекающего из Закона, по сути, Законом не исключена.

2. Закон использует не просто термин «с пропуском срока», а именно термин «с пропуском срока исковой давности», тем самым подчеркивая содержание института исковой давности и вытекающие из него отрицательные правовые последствия. Следовательно, если бы целью законодателя было полное исключение применения исковой давности к требованию о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, то статья 8 Закона не содержала бы подобного регулирования. Либо, по аналогии со статьей 344 Гражданского кодекса РА и части 3 ст. 20 Закона, было бы прямо установлено, что на данное требование исковая давность не распространяется или что на это требование не распространяются сроки исковой давности, предусмотренные Гражданским кодексом Республики Армения или иными законами.

3. Если считать, что ст. 8 Закона применима лишь к случаям подачи первоначального искового заявления, то материально-правовые требования, дополняемые в суде после подачи искового заявления в порядке ст. 170 Гражданского процессуального кодекса РФ, фактически выпадают из сферы действия отрицательных последствий исковой давности (при таком толковании не исключено, что все требования с истекшей исковой давностью будут предъявляться путем дополнения иска – в обход отрицательных последствий этого института. Например, в ходе изучения оснований будет обнаружено одно имущество стоимостью свыше 50 млн, тогда как исследование остального имущества не проводится, и требования по нему дополняются уже в ходе судебного разбирательства, что обесценивает цель и значение стадии изучения оснований; либо в срок изучения ничего не будет сделано (не будет проявлена должная старательность), а затем посредством изменения предмета и основания иска заявляются новые требования, в том числе в отношении имущества, которое вовсе не изучалось). Это происходит в условиях, когда, помимо части 3 ст. 20 Закона, никаким иным регулированием Закон не предусмотрел правила исключения таких отрицательных последствий – обеспечивая статье 8 Закона не «мертворожденную», а целевую и практическую применимость.

4. Если правило ст. 8 Закона признать неприменимым к требованию, предъявленному путем дополнения предмета иска в отношении нового имущества, то получается, что эта статья на практике может вовсе не послужить своей цели, в определенной мере придавая изучению оснований формальный характер. Такое толкование обесценивает как вышеупомянутые цели временного ограничения изучения оснований, так и создает возможность длительное время после истечения трехлетнего срока изучения предъявлять требования в отношении имущества, правовую неопределенность и возможность злоупотребления правом, полностью лишает лицо возможности пользоваться гарантиями института исковой давности – создавая, с одной стороны, абсолютную неопределенность и непредсказуемость для лица в связи с возможными притязаниями государства на его имущество в течение

длительного времени, а с другой – не связывая государство сроком давности, наделяет его неограниченным во временном отношении усмотрением (временные ограничения, установленные процессуальным законодательством, имеют совсем иную цель и не решают этой проблемы). При этом не обеспечивается надлежащая процессуальная состязательность, необходимая для защиты прав частных лиц на равных с государством условиях, и в указанный период государство наделяется чрезмерно широким временным усмотрением и возможностью обхода изучения оснований – без эффективного средства борьбы с этим у правообладателей имущества, каковым в данном случае и является институт исковой давности.

5. Изменением Закона срок изучения оснований был продлен до трех лет [9]. Тем самым законодатель еще раз подчеркнул значение периода изучения. Это означает, что законодатель, учитывая также отрицательные последствия, предусмотренные частью 2 ст. 8 Закона, пришел к выводу, что без увеличения продолжительности этого срока невозможно будет избежать отрицательных последствий исковой давности – тем самым признавая важность соблюдения этого срока и все вытекающие из него отрицательные последствия исковой давности. В противном случае, если бы законодатель считал, что путем дополнения иска можно обойти период изучения оснований, то действия, упомянутые в обоснованиях изменения Закона и совершаемые в ходе этого изучения, могли бы совершаться в ходе рассмотрения дела. Более того, посредством этого изменения законодатель еще раз подчеркнул то обстоятельство, что исковое заявление может быть подано в отношении изученного имущества, имеющего незаконное происхождение, и по результатам окончательного обобщения изучения истец должен определить предмет своего иска.

6. Изменение предмета иска не может рассматриваться как продолжение уже завершеного изучения оснований, поскольку если на практике этот срок толкуется так, что он включает в себя период до момента подачи искового заявления – независимо от окончания изучения, то по той же логике этот срок должен включать и предъявление нового требования о конфискации нового имущества – независимо от

продолжения изучения. То есть продолжается не изучение, а продолжает течь срок исковой давности.

7. Наконец, Конституционный суд своим решением ПКС-1776 от 16.04.2025г. направил законодателю четкий сигнал, что неустановление срока давности по существу проблематично. В частности, в пункте 169 этого решения подчеркнуто, что не решается проблема того, спустя какое время с момента вступления Закона в силу имущество должностного лица еще может подлежать конфискации в смысле Закона. Отсутствие подобной временной давности параллельно течению времени после вступления Закона в силу таит в себе опасность формирования неопределенности для конкретного лица в отношении состава его имущества, ... и чем больше времени истекает, тем более ощутимыми для лица становятся последствия, вытекающие из неопределенности в отношении его имущества. Следовательно, это обстоятельство – само по себе недостаточное для вывода о противоречии соответствующего положения Закона Конституции, однако должно немедленно оказаться в центре внимания законодателя [10].

Фактически Конституционный суд во всяком случае счел проблематичным отсутствие – в отношении имущества, приобретенного после вступления Закона в силу, – таких регулирований давности, которые установили бы максимально возможный и разумный срок, по истечении которого должна действовать давность применения предусмотренных Законом процедур в отношении данного имущества.

Идея, выдвинутая в этом отношении решением Конституционного суда, частично применима и к обсуждаемому нами вопросу применения исковой давности, позволяя в определенной мере понять конституционно-правовое содержание нормы и толковать ее в соответствии с ним. Следовательно, конституционно-правовое толкование правила об отрицательных последствиях применения давности, установленного статьей 8 Закона и обусловленного началом и окончанием изучения оснований возбуждения иска, заключается не в применении буквального и узкого толкования этого правила, но должно иметь

целевое значение, согласующееся с правом лица на справедливое судебное разбирательство и правовой определенностью. Поэтому положения этой статьи должны толковаться не только как условие, в определенной мере ограничивающее по сроку право уполномоченного органа конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, на подачу искового заявления, но и как условие, в определенной мере ограничивающее по сроку дополнение иска впоследствии новым требованием о конфискации нового имущества, имеющего незаконное происхождение.

8. Ко всем случаям дополнения искового заявления после его подачи о требовании конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, – на основании ст. 170 Гражданского процессуального кодекса РА – новым требованием в отношении имущества, фактически исследованного или фактически не исследованного, не включенного в состав имущества, принадлежащего лицу, но реально существующего в объективной действительности, применимы положения статьи 8 Закона. При этом следует констатировать, что подобное дополнение искового заявления считается предъявлением нового искового требования (по содержанию, по существу, нового иска) в рамках уже предъявленного иска, которое должно было быть предъявлено после принятия решения о начале изучения оснований и до момента подачи искового заявления в Суд либо после этого – в ходе рассмотрения дела, но в течение трех лет с момента начала изучения (например, исковое заявление было подано в течение двух лет, и в течение года предъявляется дополнение предмета иска – независимо от наличия такой правовой возможности, с учетом того, что разрешение этого вопроса находится за рамками поданной по настоящему делу жалобы).

То есть в случае дополнения искового заявления впоследствии иным – новым требованием о конфискации нового имущества – трехлетний срок, установленный ст. 8 Закона, должен исчисляться с момента начала изучения оснований и до момента подачи ходатайства о дополнении предмета иска.

9. Если в срок, установленный частью 1 ст. 8 Закона, в суд подано исковое заявление о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, в котором предъявлено требование в отношении конкретного имущества, квалифицированного как незаконное, то независимо от того, как впоследствии посредством дополнения иска преобразуется это требование в отношении данного имущества – истребуется ли само имущество в натуре или его рыночная стоимость, – следует считать, что срок исковой давности не пропущен. Поскольку произошедшее представляет собой лишь видоизменение, осуществленное посредством уточнения уже предъявленного исковым заявлением требования о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, вытекающего из регулирований частей 4, 4.1 или 5 ст. 20 Закона, и в результате не предъявляется требование в отношении нового имущества, а предъявляется требование в отношении уже квалифицированного как незаконного имущества – но в иной формулировке в смысле Закона, что укладывается в логику *in rem* иска. Так как уполномоченный орган, в зависимости от обстоятельств, выяснившихся в ходе рассмотрения дела, может изменить свое требование в отношении того же имущества – приведя его в соответствие с фактическими обстоятельствами, имеющимися в деле, и особенностями процессуального порядка рассмотрения дела. И тем самым сущность уже давно предъявленного требования в отношении этого имущества – в смысле *in rem* иска – не изменяется.

10. Если по имуществу исковым заявлением вообще не было предъявлено какое-либо материально-правовое требование, вытекающее из Закона, и фактически до подачи ходатайства о дополнении предмета иска по этому имуществу, принадлежащему лицу, рассмотрение дела не осуществлялось, то следует констатировать: дополнительное требование, предъявленное впоследствии в порядке, установленном статьей 170 Гражданского процессуального кодекса РФ, в отношении имущества, не включенного в предмет иска, должно считаться предъявлением нового материально-правового искового требования в отношении нового имущества – со всеми его последствиями. И

поскольку требование ст. 8 Закона применимо также к дополненному предметом иска требованию о конфискации нового имущества, мы можем прийти к выводу, что в отношении дополненного требования о конфискации имущества, не включенного в исковое заявление, применимы отрицательные последствия исковой давности, предусмотренные частью 2 ст. 8 Закона.

В заключение считаем необходимым подчеркнуть, что исследования показали: в настоящее время Апелляционным судом приняты противоречащие друг другу судебные акты, а в ряде случаев имеются и особые мнения. Это создает благоприятную возможность для Кассационного суда принять в производство предъявленную в условиях этих двух противоречивых позиций жалобу и в рамках своей прецедентной миссии выразить окончательную позицию по вопросу о том, должно ли в конце концов установленное частью 1 ст. 8 Закона временное ограничение в отношении нового требования, предъявленного путем дополнения иска в отношении совершенно нового имущества, в смысле части 2 той же статьи приводить к наступлению отрицательных последствий исковой давности по этому требованию или нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mutatis Mutandis, Stubbings and Others v. the United Kingdom, 22 October 1996, §§ 50–51, Reports of Judgments and Decisions 1996-IV.
2. Решение Конституционного суда РА № СДО-1611 от 28.09.2021 года.
3. Решение Кассационного суда РА от 02.04.2010 года по гражданскому делу № ЕЭД/0723/02/09.
4. Решение Кассационного суда РА от 04.06.2019 года по гражданскому делу № ЕАКД/4524/02/15.
5. Решение Апелляционного антикоррупционного суда от 15.07.2024 года по антикоррупционному гражданскому делу № АКД/0237/02/23.
6. *Торосян Г., Заргарян А., Шахназарян О., Каско В., Оганнисян В.* «Производство о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, как дифференцированная форма гражданского судопроизводства», Ч.1, Ер., 2023. С. 17.

7. Там же. СС. 17–18.
8. Решение Апелляционного антикоррупционного суда от 08.05.2025 года по антикоррупционному гражданскому делу № АКД/0110/02/24.
9. О внесении изменений и дополнений в Закон РА «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение», ЗР-270-Н, 9 июня 2022г., Ереван.
10. Решение Конституционного суда РА № СДО-1776 от 16.04.2025 года.

REFERENCES

1. Mutatis Mutandis, Stubbings and Others v. the United Kingdom, 22 October 1996, §§ 50–51, Reports of Judgments and Decisions 1996-IV
2. Decision of the Constitutional Court of the Republic of Armenia No. SDO-1611 dated 28.09.2021
3. Decision of the Cassation Court of the Republic of Armenia dated 02.04.2010 on civil case No. EED/0723/02/09.
4. Decision of the Cassation Court of the Republic of Armenia dated 04.06.2019 on civil case No. EAKD/4524/02/15.
5. Decision of the Anti-Corruption Court of Appeal dated 15.07.2024 on anti-corruption civil case No. AKD/0237/02/23.
6. *Torosyan G., Zargaryan A., Shahnazaryan O., Kasko V., Hovhannisyan V.* Proceedings for the confiscation of property of illegal origin as a differentiated form of civil proceedings, Part 1, Yer., 2023. P. 17.
7. Ibid. PP. 17–18.
8. Decision of the Anti-Corruption Court of Appeal dated 08.05.2025, in anti-corruption civil case No. AKD/0110/02/24.
9. On Amendments and Additions to the RA Law “On Confiscation of Property of Illegal Origin”, ZR-270-N, June 9, 2022, Yer.
10. Decision of the Constitutional Court of the Republic of Armenia No. SDO-1776 dated 16.04.2025.

**PROBLEMS ARISING AND PROPOSED SOLUTIONS REGARDING
THE APPLICATION OF THE STATUTE OF LIMITATIONS UNDER
THE IMPLEMENTATION OF THE RA LAW “ON THE
CONFISCATION OF PROPERTY OF ILLEGAL ORIGIN”**

H. Shahnazaryan

*Russian-Amenian University,
Anti-Corruption Court of Appeal,
Ethics and Disciplinary Committee of the General Assembly of Judges*

ABSTRACT

This study examines the issue of the statute of limitations in the context of the application of Article 8 of the RA Law “On the Confiscation of Property of Illegal Origin” (hereinafter also referred to as the Law). The applicability of this legal institution is specifically regulated within the Law; however, judicial practice reveals the existence of markedly divergent and, at times, mutually conflicting legal positions regarding the interpretation and scope of this provision. Under these circumstances, the issue becomes particularly relevant and necessitates the development of well-founded legal solutions, based on a thorough understanding of the institution of the statute of limitations, the objectives of the Law, and the correct interpretation of the special modalities of this institution as provided for therein.

Keywords: RA Law “On the Confiscation of Property of Illegal Origin”, in rem, in personam (types of claims), statute of limitations, modification of the subject of the claim by submitting a new claim in respect of newly identified property, Court of Appeal and others.

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI 10.24412/1829-0485-2026-2-94-121
УДК 32

Поступила: 13.03.2026г.
Сдана на рецензию: 14.03.2026г.
Подписана к печати: 09.04.2026г.

О РОЛИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В ПРОЦЕССЕ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА: НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

О.Л. Саркисян¹, М.Л. Арутюнян², С.О. Хачатурян³

*Российско-Армянский университет^{1,2,3}
hovhannes.sargsyan@rau.am, marianna.harutyunyan@rau.am,
satenik.khachaturyan@rau.am
ORCID¹: 0000-0002-7908-8759; ORCID²: 0009-0005-3922-0275,
ORCID³: 0009-0005-6961-4179*

АННОТАЦИЯ

Как политический процесс, нациестроительство предполагает производство смыслов и нарративов, при этом роль социально-гуманитарных наук остается недооцененной как в академическом, так и в политическом дискурсе. Особо актуально осмысление роли социально-гуманитарных наук в постсоветских государствах, в которых процесс нациестроительства происходит в условиях институциональной незрелости и конфликта различных оснований идентичности. На основе теоретического осмысления особенностей социально-гуманитарных наук обосновывается их значение как ресурса формирования национальной идентичности и гражданской субъектности. Институционализация происходит через систему школьного

образования, в частности гражданского образования, которое рассматривается в рамках нескольких моделей: либерально-плюралистической, государственно-патриотической и цивилизационной. На примере Республики Армения как постсоветской страны демонстрируется фрагментарность гражданского образования (маргинализированное положение обществознания в системе школьного образования) и низкий уровень осознания политическими элитами необходимости включения социально-гуманитарных наук в процесс формирования нации (отсутствие целенаправленной государственной политики). Государственные попытки переосмысления гражданских и государственных ценностей происходят без системного отражения в образовательной политике. В статье делается вывод о необходимости разработки стратегии развития социально-гуманитарного образования для комплексного и устойчивого процесса нациестроительства.

Ключевые слова: нациестроительство, национальная идентичность, гражданская идентичность, социально-гуманитарные науки, обществознание, гражданское образование.

Введение

Нациестроительство, как политический процесс, предполагает производство нарративов и смыслов, а также формирование идентичности и гражданской субъектности, необходимых для консолидации общества. В постсоветских государствах данная задача приобретает особую остроту в связи с отсутствием многолетней истории национальной независимости, недостаточной сформированности политической и правовой культур, а также нахождением на начальных этапах государственного строительства. Отдельной проблемой является эклектичный характер понимания нации на уровне политических элит. При отсутствии конкретной теоретической основы и последовательной национальной программы понимание нации совмещает в себе разные, порой противоречащие друг другу подходы (гражданский, этнический), не образуя целостного концепта.

Существенную роль в решении данной задачи могут сыграть социально-гуманитарные науки (СГН), транслируемые через образовательную политику: именно они формируют концептуальный и ценностный фундамент гражданского сознания, исторической памяти и политической субъектности. Между тем, в большинстве постсоветских государств, включая Республику Армения, социально-гуманитарное образование остается на периферии государственных приоритетов: доминирует ориентация на цифровизацию и STEM-направления, тогда как системная стратегия в области социально-гуманитарного образования фактически отсутствует.

Проблематика нациестроительства получила широкое освещение в работах Б. Андерсона, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума. Вопросы нациестроительства в постсоветском контексте исследовались в работах И. Семененко, В. Тишкова, Л. Дробижевой. В рамках армянского академического дискурса особое внимание уделяется армянской идентичности, как к культурно-цивилизационному явлению, в работах К. Мирумяна, О. Саркисяна, А. Айвазяна и С. Золяна. Взаимосвязь образовательной политики и нациестроительства в контексте воспроизводства символического капитала рассматривались в работах А. Грамши [1] и П. Бурдье [2]. Гражданское образование как самостоятельный предмет политологического анализа изучалось в работах А. Гутман [3], М. Нуссбаум [4].

Роль социально-гуманитарных наук в процессах нациестроительства рассматривалась преимущественно в рамках смежных научных направлений. Конструирующая функция социального знания была обоснована в концепции «двойной герменевтики» Э. Гидденса [5], а также в работах П. Бергера и Т. Лукмана [6], показавших, что производимые наукой категории и нарративы усваиваются обществом и тем самым изменяют социальную реальность. Данные идеи восходят к проекту *Просвещения*, в рамках которого социально-гуманитарное знание было осмыслено как политически значимый ресурс и механизм формирования нации и гражданственности. Познание человеком самого себя, общества и государства необходимо для адекватного восприятия

социальной реальности. В этот период образование концептуализируется как инструмент гражданского воспитания через передачу знаний об обществе, праве и государстве.

Целью данного исследования является выявление роли социально-гуманитарных наук в процессе нациестроительства и обоснование необходимости разработки государственной стратегии в области социально-гуманитарного образования в Республике Армения. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- Раскрыть теоретические основания взаимосвязи социально-гуманитарных наук и процесса нациестроительства, опираясь на концепции конструирования социальной реальности и политической социализации;
- Обосновать конструирующую функцию социально-гуманитарного знания в формировании гражданского сознания, исторической памяти и политической субъектности;
- Выявить системные проблемы в сфере социально-гуманитарного образования в РА: институциональные, содержательные и методологические;
- Сформулировать рекомендации по разработке государственной стратегии в области социально-гуманитарного образования как элемента нациестроительства в Республике Армения.

Теоретическая значимость исследования определяется разработкой концептуального подхода к осмыслению роли социально-гуманитарных наук в процессе нациестроительства. Исследование также вносит существенный вклад в развитие теоретических представлений о гражданском образовании как политически значимом институте, выполняющем не только педагогическую, но и ценностно-нормативную и интеграционную функцию. Результаты исследования расширяют теоретико-методологические основания политологического анализа взаимосвязи образовательной политики, гражданской (национальной) идентичности и могут быть использованы для дальнейшего развития теории политической социализации, теории гражданского образования,

а также в рамках сравнительных исследований постсоветских государств.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов при разработке и совершенствовании государственной стратегии в области социально гуманитарного образования в Республике Армения. Сформулированные в работе положения и выводы могут быть использованы компетентными органами при формировании стратегий развития образования, при разработке стратегии развития современных университетов, направленных на формирование гражданской идентичности, повышение уровня общественной интеграции и обеспечение устойчивости политической системы.

Методология

Методологическая основа исследования сформирована с опорой на совокупность взаимодополняющих научных подходов и методов, обеспечивающих всесторонний анализ роли социально-гуманитарных наук в процессе нациестроительства. Ключевое место в исследовании занимает конструктивистский подход, в рамках которого социально-гуманитарное знание интерпретируется не как нейтральное отражение социальной реальности, а как активный фактор ее конструирования. Данный подход позволяет раскрыть механизмы формирования ценностных установок, гражданской идентичности и моделей гражданского образования как целенаправленного результата государственной политики и процесса политической социализации.

Метод “case-study” обеспечивает углубленное изучение Республики Армения как конкретного случая постсоветского нациестроительства с учетом ее исторических, политических и социокультурных особенностей. Применение данного метода дает возможность не только зафиксировать институциональные и содержательные проблемы социально-гуманитарного образования РА, но и выявить их глубинные причины, обусловленные историческими и политическими факто-

рами, что создает основу для формулирования практических рекомендаций, учитывающих национальную специфику.

Дискурсивный анализ применяется для выявления смысловых структур, ценностных оснований и доминирующих нарративов, закрепленных в официальных документах образовательной политики РА, государственных стратегиях и нормативно-правовых актах. Данный метод позволяет определить, какой тип гражданской (национальной) идентичности конструируется и воспроизводится посредством образовательного дискурса, а также дает возможность выявить противоречия между декларируемыми целями и реальными практиками.

Социально-гуманитарные науки как ресурс нациестроительства: теоретический аспект

Нациестроительство представляет собой целенаправленный процесс формирования национальной идентичности и государственной общности. Однако в политической науке нет его единого общепринятого определения понятия. В западной традиции данный процесс рассматривается как процесс конструирования государством национальной (в смысле гражданской) идентичности, где границы национально-го сообщества и государства обретают общие границы [7]. При этом исследователи делают акценты на различные механизмы данного процесса: одни рассматривают его как следствие процесса модернизации, другие – как сознательное «изобретение традиции» через символы, образовательную политику и нарративы. В постсоветском пространстве понятие нациестроительства раскрывается через термин политика идентичности: совокупность ценностных ориентиров, практик и инструментов формирования и поддержания национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности [8]. Российские исследователи обратились к термину «политика идентичности», стремясь избежать излишней искусственности конструктивистского подхода, где идентичность рассматривается как созданная элитами надстройка. Термин политика идентичности представляет собой мягкий подход в конструктивизме.

При этом постсоветский контекст имеет специфику, в которой разворачивается процесс нациестроительства: процессы суверенизации и переосмысления советского прошлого, как правило конкуренция гражданских и этнических компонентов национальной идентичности, где на практике этнокультурный компонент доминирует над гражданскими основами. В постсоветском дискурсе понятие национальный и этнический зачастую используют как синонимы, в связи с этим выделяется гражданско-государственная идентичность как отдельная аналитическая категория [9].

Особую значимость приобретает проблема того, кто и каким образом формирует смыслы и нарративы, на основании которых будет выстраиваться общая национальная идентичность. Ключевым источником содержания этой практики выступают социально-гуманитарные науки. Именно они формируют тот концептуальный и символический материал, который впоследствии закрепляется в образовательных программах и транслируется через школу и университет. В этом смысле социально-гуманитарные науки являются не просто академической областью знания, но и политически значимым ресурсом нациестроительства, несмотря на современный кризис гуманитарного знания и нарастающую критику в его адрес. Вместе с тем, необходимо разграничить понятия социально-гуманитарных наук и социально-гуманитарного образования: они не тождественны и их смешение влечёт теоретические и практические риски. Чрезмерный уклон СГН в сторону образовательной политики превращает их в искусственный и чрезмерно идеологический инструмент государства. Есть риск вытеснения научной составляющей и искусственного конструирования идентичности сверху. Уклон в противоположную сторону, где СГН рассматриваются исключительно в академическом контексте без применения в образовательной сфере, лишает их особенности конструирования: знания остаются в научной сфере, не транслируются в общество и соответственно не влияют на формирование той или иной идентичности. Так, необходимо найти баланс между автономией социально-гуманитарного знания и возможностью его трансляции через образовательную систему без идеологической деформации.

В современной литературе выделяется целый ряд взаимосвязанных кризисов социальных наук: кризис воспроизводимости, теоретический кризис и кризис применимости [10], что значительно подрывает доверие к результатам социально-гуманитарных наук и ставит под сомнение их эпистемологический статус. В естественных науках исследователи условно абстрагируются от включенности в объект исследования, что создает видимость строгой объективности их исследований. В социально-гуманитарных науках всегда присутствует включенность исследователя, социальная реальность изучается изнутри, тем самым социально-гуманитарные науки обладают свойством конструирования этой реальности. Как указывал В. Дильтей, «природу мы объясняем, духовную жизнь – постигаем» [11], то есть смыслы, идентичность и ценности переживаются изнутри. Особенность социально-гуманитарных наук состоит в том, что они не просто описывают и объясняют социальную реальность, но и участвуют в её конструировании: производимые категории, нарративы, представления о должном, символы, образы прошлого и ценностные установки усваиваются обществом, тем самым меняется объект исследования. Данный процесс в социологии получил название «двойной герменевтики» [12]: социальное знание неотделимо от формирования человека как социального и политического субъекта. Именно это свойство и делает социально-гуманитарные науки ключевым элементом процесса нациестроительства.

Институциональным механизмом участия социально-гуманитарных наук в данном процессе, прежде всего, выступает образование как канал трансляции и интерпретации научного знания на массовый уровень. Образовательная политика рассматривается как часть более широкой государственной стратегии, посредством которой государство формирует интеллектуальные, культурные и гражданские ресурсы общества, необходимые для функционирования политической системы. С политологической точки зрения, именно социально-гуманитарное образование выступает ключевым механизмом формирования гражданского сознания, поскольку обеспечивает усвоение ценностей,

норм и смыслов, лежащих в основе гражданской идентичности и политического участия.

В постсоветских государствах социально-гуманитарные науки воспринимаются как менее значимые по сравнению с естественными науками. Подобное отношение проявляется на различных уровнях образовательного процесса: к СГН относятся как к «несерьезным», методологическое планирование образовательного процесса излишне формализовано, финансирование грантовых исследований и количество бюджетных мест уступает STEM-направлениям. Во многом это – проявление советского наследия [13]: длительное время приоритет отдавался естественным наукам, формировались соответствующие исследовательские школы, тогда как социально-гуманитарные науки были жестко идеологизированы и формировали одну единственную марксистскую школу. Функционирование в рамках марксизма-ленинизма делало СГН востребованными, однако после распада Союза процесс деидеологизации привел к маргинализации СГН: они лишились прежней функции, не получив нового институционального положения. На сегодняшний день, государственная стратегия развития преимущественно направлена на технологическое и цифровое продвижение, чему значительно способствуют результаты исследований в области естественных наук, отличительной особенностью которых можно назвать сравнительно быстрый цикл получения измеримых и практически применимых результатов. Во многом это обусловлено как нежеланием понимать природу и задачи социально-гуманитарных наук, так и восприятием процесса нациестроительства в большей степени как процесса институционализации, с незначительным вниманием к целенаправленной и комплексной работе со смыслами и идеями. Следствием данного процесса являются граждане, которые обладают естественно-научными компетенциями (способны решать физические задачи и математические уравнения), но при этом они практически лишены системного понимания функционирования общества и государства, в котором они живут, а также у них слабо выражено гражданское самосознание. Отсутствие понимания себя как граждан, опре-

деления своей гражданской субъектности и осмысление государственного устройства является серьезной проблемой в процессе нациестроительства. Именно поэтому развитие социально-гуманитарных наук должно рассматриваться как приоритетное направление государственной политики, направленное на формирование активного ответственного и компетентного гражданина, способного к осмысленному участию в быстро меняющейся социальной и политической реальности. Государственная стратегия развития роли социально-гуманитарных наук обеспечивает субъектность в генерации и распространении смыслов и нарративов, формирующих национальную и гражданскую идентичность. В противном случае, эту роль на себя берут негосударственные или внешние структуры, что создает пространство для рисков и угроз в сфере национальной безопасности и консолидации общества.

В рамках политологии существуют различные интерпретации гражданского образования. Одни исследователи акцентируют внимание на его содержательной стороне, связывая гражданское образование с совокупностью ценностей, знаний и навыков, необходимых гражданину для осознанного и активного участия в общественно-политической жизни. Так, например, Эми Гутманн пишет: «Образование в значительной степени формирует моральный облик граждан, моральный характер, наряду с законом и институтами, составляет основу демократического управления» [14]. Другие авторы рассматривают гражданское образование, прежде всего, как длительный и многоуровневый процесс гражданской социализации, в рамках которого конструируется модель гражданского поведения, политическая культура, гражданская идентичность и отношение гражданина к государству и обществу в целом.

В данной статье под «гражданским образованием» понимается целенаправленно конструируемый комплекс установок, норм и смыслов, направленный на формирование активного, ответственного и информированного гражданина, способного к осмысленному участию в общественно-политической жизни, восприятию и воспроизводству базовых принципов государственного устройства. Несмотря на то, что

гражданское образование по своей природе ориентировано на свободу личности в выборе образовательных траекторий, форм и содержания обучения, в современной практике многих государств именно государство выступает ключевым актором в определении направленности гражданского образования. Посредством национальных образовательных стратегий государственная власть задает нормативные рамки, ценностные ориентиры и институциональные механизмы формирования гражданских установок, моделей политического участия и представлений о желаемом типе гражданина.

В этой связи особую значимость приобретает осмысление сущности гражданского образования как ключевого элемента образовательной политики, обеспечивающего формирование ценностных, политико-правовых и социальных установок личности. В рамках данной статьи гражданское образование трактуется не только как совокупность образовательных практик и учебных дисциплин, но, прежде всего, как институционально обусловленная система ценностных и социально-политических ориентиров, закрепленных и воспроизводимых в государственной образовательной политике. Концепт гражданского образования не обладает универсальным содержанием и институциональной формой: в каждом государстве оно реализует специфическую модель (либерально-плюралистическую, компетентностно-плюралистическую, цивилизационную или государственно-патриотическую), сформированную под воздействием исторических, политических и социокультурных факторов. Различные модели гражданского образования включают как эффективные практики социализации граждан, так и внутренние противоречия, обусловленные особенностями политического режима, уровнем демократического развития и стратегическими приоритетами государства.

Либерально-плюралистическая модель гражданского образования, представляет собой наиболее теоретически разработанную и институционально укорененную парадигму формирования гражданственности в западных демократиях, которая, в свою очередь, опирается на философские основания политического либерализма и педагогическую

традицию демократического образования [15]. В центре данной модели находится представление о гражданине как автономном, рационально мыслящем субъекте, способном самостоятельно формировать собственные политические убеждения и ценностные ориентации в условиях открытого публичного дискурса, не подвергаясь при этом идеологическому давлению со стороны государственных институтов.

Государственно-патриотическая модель гражданского образования выступает как самостоятельная альтернатива либерально-демократической, компетентностно-инновационной парадигмам. В рамках данной концепции государство открыто претендует на формирование определенного типа гражданской идентичности, транслируя ценностный комплекс, включающий в себя патриотизм, лояльность государственным институтам, приверженность традиционным национальным ценностям и историческому нарративу, легитимирующему существующий политический порядок. В государственно-патриотической модели плюрализм рассматривается как потенциальная угроза национальной сплоченности и государственной безопасности.

Цивилизационный подход к гражданскому воспитанию (получивший развитие в китайском процессе нациестроительства и активно используемый для современной России) представляет собой особый подход в использовании СГН как транслятора традиционных ценностей и особого цивилизационного кода. Через образовательные каналы гражданину прививаются культурно-цивилизационные ценности, которые не сводятся ни к универсальным либеральным ценностям, ни к государственному патриотизму, они апеллируют к принадлежности к особой исторической и культурной общности.

Особое значение также приобретает баланс между национально-идентификационным компонентом и универсалистскими демократическими принципами. С одной стороны, гражданское образование должно способствовать укреплению национальной идентичности и исторической памяти как фактора политической консолидации. С другой – оно обязано интегрировать индивида в пространство современного информационного общества, формируя компетенции цифрового

гражданства, медиаграмотности и институционального взаимодействия. Ни одна из них не может быть механически перенесена на почву другого государства без учета историко-культурной, геополитической и социокультурной специфики.

С политологической точки зрения, гражданское образование должно рассматриваться как механизм институционализации ценностей правового государства, ответственности, участия и солидарности. Его задача заключается не в декларативной трансляции демократических норм, а в формировании практик повседневного участия и навыков критической рефлексии, способных обеспечить устойчивость политической системы в условиях внешних и внутренних вызовов.

Значение социально-гуманитарных дисциплин в Республике Армения

Место и роль социально-гуманитарных дисциплин в развитии общества будет рассмотрено на примере Республики Армения – постсоветского государства, в котором гражданское образование носит фрагментарный и бессистемный характер, оно не подкреплено целенаправленной государственной политикой и лишено стратегической направленности. При этом запрос на формирование гражданской идентичности и консолидацию общества в постконфликтных условиях делает данную проблему особенно актуальной.

Как отмечает Э.Г. Ордуханян, все проекты в сфере гражданского образования в Армении в 1990-е годы были государственными инициативами, но, в основном, спонсировались из внешних источников, главным образом, правительствами США и ЕС, а также государственными учреждениями, оказавшими влияние на систему образования в целом [16]. Ограниченность внутренних ресурсов и недостаточный уровень общественного запроса на повышение гражданской осведомленности, наряду со стремлением к интеграции в мировое сообщество, побудили Министерство образования РА предпринять шаги по внедрению гражданского образования и расширению применения демократических методов обучения [17].

Однако предпринятые попытки были недостаточны и носили фрагментарный характер, не затрагивая в полной мере ни институциональные основания образовательной системы, ни ее ценностно-содержательное наполнение. Внедрение элементов гражданского образования зачастую ограничивалось формальным включением соответствующих тем в учебные программы – без их методологической и педагогической переориентации. Армянский кейс демонстрирует выраженную эклектичность и в «чистом» виде не укладывается в рамки ни одной из моделей гражданского образования.

С одной стороны, нормативно-правовая база и международное сотрудничество ориентируют образовательную систему на либерально-плюралистический пример: имплементация стандартов ЕС, взаимодействие с Советом Европы, а также акцент на права человека и развитие критического мышления соответствуют логике либерально-демократической традиции. Созданные программы и платформы в сфере цифровизации образования: Программы “eTwinning”, “techschool.am”, “M.A.M Educational Movement”, “EduArmenia”, “Tumo Center for Creative Technologies”, “Generation AI”, “STEP.ai” и т.д., а также ориентация на цифровую повестку до 2030 года и стремление повысить конкурентоспособность ИТ-сектора – свидетельствуют о наращивании влияния компетентностно-цифровой модели. В ее рамках гражданское образование преимущественно переосмысливается как подготовка к функционированию в условиях цифровой экономики и к эффективному взаимодействию с технологическими системами.

С другой стороны, постконфликтный контекст, недоверие к государственным институтам, наличие национально-исторических травм и структурные особенности армянского общества формируют устойчивый запрос на воспроизводство государственно-патриотических ориентаций в образовательной практике. В подобных условиях гражданское образование приобретает выраженную нормативно-ценностную направленность, ориентированную на формирование чувства принадлежности к государству, ответственности за его развитие и готовности к участию в общественно-политической жизни.

При анализе гражданского образования в Армении необходимо также учитывать национально-историческую специфику. В частности, длительная история существования армянского народа, сопровождавшаяся периодами утраты государственности, жизни в условиях диаспоры и необходимости сохранения культурной и национальной идентичности вне устойчивых государственных институтов, сформировала особый тип общественного сознания. В нем ценности культурной преемственности и сохранения национальной идентичности нередко приобретают приоритетное значение по сравнению с демократическими или либерально-плюралистическими установками. В этом контексте, гражданское образование в Армении не может рассматриваться исключительно как инструмент формирования демократических компетенций в западном понимании. Оно неизбежно должно включать в себя компонент воспроизводства национально-культурного кода, исторической памяти и представлений о государстве как ценности, требующей защиты и укрепления.

Сегодня в РА курс по гражданскому образованию, как правило, реализуется в рамках предмета «обществознание» [18]. После распада Советского Союза советский предмет «Обществоведение» был исключен из общеобразовательной программы, в последующие годы образовался вакуум общественных дисциплин. В 1999 году был введен новый учебник, охватывающий вопросы прав человека, Конституции Армении и функции ветвей власти [19]. Однако данный учебник был профинансирован негосударственными организациями “Junior Achievement of Armenia” и USAID, что не отображало целенаправленной государственной стратегии развития гражданского образования. На протяжении нескольких лет государство игнорировало данное направление в системе образования. Акцент в формировании национальной идентичности делался на истории как основном механизме консолидации нации; данная тенденция сохраняется до сих пор. В 2001–2002 учебном году в общеобразовательную программу были включены следующие предметы: *Права человека* – в 8-м классе, *Гражданское образование* – в 9-м классе и *Государство и право* – в 10-м классе.

После реформирования системы среднего образования в 2006 году в 8–12 классах был введен предмет «Обществознание», в том числе учебная программа, учебники и учебные пособия [20].

Однако, отметим, что преподавание Обществознания в школах Армении изначально было недостаточно продуманным и организованным, что во многом предопределило его неэффективность. Это было обусловлено рядом факторов: низким качеством учебников, недостаточным количеством учебных часов и нехваткой профессиональных учителей [21]. Помехой является также то, что в школах отводится мало часов на преподавание данного предмета, соответственно, лишь немногие специалисты соглашаются преподавать его из-за низкого размера заработной платы [22].

В 2023 году власти Республики Армения в лице Министерства образования, науки, культуры и спорта предприняли попытки преодолеть данные проблемы, утвердив новые стандарты [23] по предмету «Обществознание» в государственных школах. Это решение стало важным и своевременным шагом, однако существующие проблемы в данной сфере не были в полной мере устранены. Существующие стандарты и учебники не позволяют учащимся сформировать систематическое понимание общества и его отдельных сфер. После принятия новых стандартов дисциплина «Обществознание» все так же излагается в учебниках и преподается несистематизировано: каждый блок выглядит отдельным и оторванным от предыдущих. Знания об отдельной сфере общественной жизни разбросаны по учебникам для разных классов. Например, материал по экономике не излагается в полном объеме ни в одном учебнике, а представлен фрагментарно в учебниках 7, 9, 10 и 11 классов. Такая фрагментарность препятствует формированию целостного понимания социальных, политических и правовых процессов у учащихся, снижает эффективность усвоения материала и затрудняет развитие критического мышления. Аналогичная ситуация наблюдается и в других предметных областях. В результате, у учащегося не формируется целостного представления о той или иной сфере общественной жизни. В лучшем случае, в его сознании закрепляются

лишь отрывочные представления. При изучении тем, относящихся к конкретной сфере общественной жизни, учащиеся, в большинстве случаев не усвоившие материал предыдущих лет обучения, не могут усвоить и новый материал.

Кроме того, материал, представленный в учебниках, не соответствует стандартам научной строгости и языкового уровня. Научная терминология практически полностью отсутствует в учебниках для 7–9 классов. В учебниках старшей школы она неполна, размыта и недостаточна. Это, фактически, делает невозможным адекватное представление теоретического пласта общественных наук. В результате, у учеников, а, возможно, и у части учителей, складывается искаженное представление о научности данных областей знания, а уроки нередко превращаются в бытовые беседы на темы обществознания.

Отсутствие как в обществе, так и на государственном уровне системной программы гражданского образования, финансируемой государством, представляет собой серьезную угрозу для дальнейшего развития общества. Низкий статус и престиж обществознания как в глазах учащихся, так и в глазах школьного сообщества объясняется также его отсутствием в перечне предметов единого вступительного экзамена в высшие учебные заведения. Следствием этого становится низкая мотивация учащихся серьезно изучать общественные науки. В контексте вышеупомянутых обстоятельств профессиональная квалификация преподавательского состава приобретает чрезвычайную важность. Иными словами, учитывая эти препятствия, достичь каких-либо положительных результатов может только учитель, обладающий системными знаниями в различных социальных сферах (экономика, политика, право и т.д.). Таких специалистов, серьезно владеющих междисциплинарным материалом по общественным наукам, очень мало. Как правило, для решения ситуации, уроки обществознания поручают преподавать специалистам по истории, которые рассматривают их как дополнительную нагрузку, помимо своих основных уроков истории, и не особо мотивированы их вести.

Отдельно стоит отметить современную политику государства в области формирования государственных ценностей и гражданской идентичности. С 2022 года в публичном дискурсе представители власти пересматривают устоявшиеся основы идентификации армянской нации и выстраивают новый нарратив «Реальной Армении» – идеологическое представление государственности Армении в рамках международно признанных границ и государственной политики «мира» в противовес историческим представлениям [24]. В рамках данной политики прослеживается отсутствие системности и стратегического планирования, что проявляется в ряде противоречивых и непоследовательных действий.

Данная ценностная ревизия преимущественно происходит на уровне высших должностных лиц: формирование нарратива «Реальной Армении» носит элитарный характер и не сопровождается системной политикой трансляции идей через социально-гуманитарные науки. Так, например, премьер-министр Армении Никол Пашинян запустил в «Тик-Токе» цикл лекций «Беседы о государстве», где объясняет базовые политические и философские понятия. Рассуждая о демократии, связи права с обязанностями, суверенитете, Никол Пашинян делает ценностные акценты и привносит новые смыслы в понимании государственности. Он связывает суверенитет РА с конкретной территорией, определяет государствообразующее значение осознанного гражданина в рамках демократического общества [25]. Между тем, данные идеи и мысли не находят отражения в системе школьного образования, которая охватывает основную часть населения страны и является новым институтом формирования гражданской субъектности.

Выше уже были обозначены проблемы, связанные с преподаванием обществознания, но отдельно выделим использование истории как основного механизма пересмотра идентичности. Политические элиты Армении проводят трансформацию столетиями функционирующей культурно-конфессиональной модели [26], которая основана на определенном историческом нарративе. В публичном пространстве наблюдается последовательное переосмысление устоявшихся основ

армянской идентичности: значение Декларации независимости и Геноцида армян, итоги Арцахской войны, роль диаспоры. Минимально отражаясь в системе школьного образования (попытка пересмотра учебника истории), ценностная ревизия происходит на уровне публичного дискурса и не подкрепляется комплексной образовательной стратегией. Демифологизация идентичности без создания альтернативных оснований, принятых и осмысленных гражданами, дестабилизирует общество, «нельзя рушить скрепы-мифы, не создав новые» [27]. Подобная политика представляет собой государственный уход в крайность искусственного конструктивизма и отказ от традиционных устоев армянской идентичности. Именно обществознание, как основа СГН в рамках школьного образования, обладает необходимым инструментарием для формирования осознанной гражданской позиции и могло бы стать институциональной основой для системной трансляции гражданских ценностей.

Одним из элементов политики «модернизации» армянской государственности, в целом, и национальной идентичности, в частности, является дискурс конституционных преобразований. С 2022 года обсуждаемые преобразования приобретают ценностно-идеологическое измерение: пересматриваются привычные основания армянской идентичности для формирования нарратива государственности и гражданственности. Как отметил сам премьер-министр, *«государство, государственность должны стать предметом нашей ежедневной работы»* [28]. Формирование нового столпа идентичности может быть эффективным в контексте целенаправленной политики нациестроительства, когда ценностный пласт передается через систему образования на массовый уровень. Однако, как отмечалось выше, из-за маргинального положения обществознания в системе школьного образования, ученики, как правило, не знакомятся с текстом Конституции, не получают системных знаний об основах государственности и не формируют навыков критического осмысления социально-политической реальности. В условиях низкого уровня развития политико-правовой культуры общества и отсутствия стратегических документов/проектов

подобные преобразования порождают риски [29]. Все это указывает на системный дефицит гражданского образования как одной из институциональной составляющей процесса нациестроительства.

Также анализ документов, касающихся образовательной политики и стратегического развития РА, практически не отражает значимость социально-гуманитарных дисциплин. Однако в условиях современного информационного общества важно, чтобы гражданин был не только технологически грамотным, но и социально компетентным.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что в современных условиях возникает необходимость разработки государственной стратегии в области социально-гуманитарных наук. Эта стратегия должна стать неотъемлемой частью образовательной политики Республики Армения. Стратегия должна носить комплексный и непрерывный характер, охватывая весь образовательный цикл и включать следующие ключевые компетенции:

1. Институционализация и стратегия планирования:
 - ✓ разработка целостной государственной стратегии социально-гуманитарного образования;
 - ✓ регулярный пересмотр, адаптация стратегии с учетом современных политических, экономических и технологических вызовов;
 - ✓ формирование устойчивой системы межведомственной координации в сфере гуманитарной и образовательной политики.
2. Финансово-институциональное обеспечение исследований:
 - ✓ расширение государственного и негосударственного финансирования социально-гуманитарных исследований как элемента развития человеческого капитала;
 - ✓ расширение системы грантов, научных проектов и исследовательских программ в данной области;

- ✓ стимулирование междисциплинарных исследований на стыке политической науки, социологии, цифровых исследований.
3. Модернизация содержания образования:
- ✓ модернизация содержания социально-гуманитарных дисциплин в соответствии с вызовами современного общества и трансформации политической коммуникации;
 - ✓ усиление роли дисциплин гражданского и политического образования в системе формирования гражданской (национальной) идентичности;
 - ✓ институциональное повышение статуса обществоведческого блока как элемента политической социализации (например, включение дисциплины «обществознание» в перечень обязательных экзаменационных дисциплин при поступлении в вуз или в качестве условия окончания общеобразовательной школы).
4. Развитие кадрового потенциала:
- ✓ институционализация системы повышения квалификации преподавателей в сфере социально-гуманитарного и гражданского образования;
 - ✓ освоение педагогами современных цифровых и медиа-инструментов обучения;
 - ✓ формирование устойчивых профессиональных сообществ в сфере гражданского и политического образования.
5. Формирование гражданских и политических компетенций:
- ✓ развитие у обучающихся понимания политических, правовых и экономических процессов;
 - ✓ осознание прав и обязанностей гражданина, готовность к активному участию в общественной жизни;
 - ✓ уважительное отношение к государству, приверженность общественным интересам;

- ✓ обеспечение баланса между STEM-образованием и социально-гуманитарной подготовкой как условия формирования целостного политически социализированного субъекта.

Целью данной стратегии должно стать формирование цельного гражданина, который не только обладает профессиональными компетенциями, но и способен активно участвовать в жизни общества, осознавать свои права и обязанности, уметь критически оценивать информацию, принимать взвешенные решения и влиять на социальные процессы. Образование при таком подходе выступает не столько механизмом передачи знаний, сколько пространством конструирования смыслов, норм и ценностных ориентиров. В условиях информационного общества, характеризующегося множественностью источников информации и конкуренцией интерпретаций, особое значение приобретает способность индивида к рефлексии, интерпретации и самостоятельному выстраиванию ценностных установок, соотносящихся с базовыми ценностями государства. Без системного подхода в рамках социально-гуманитарного образования невозможно построение гражданского сознания и культуры, а значит, и эффективного, устойчивого демократического государства, так как именно в образовательной среде закладываются основы тех социальных конструкций, которые впоследствии определяют характер взаимодействия личности, общества и государства в условиях формирования информационного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грамиш А.* Тюремные тетради: в 3-х ч. М.: «Политиздат», 1991, 560с.
2. *Бурдые П.* Социология политики / Пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: “Socio-Logos”, 1993, 336с.
3. *Gutmann A.* Democratic Education. Princeton, 1999. [Эл. ресурс]. URL: https://www.academia.edu/42184921/Democratic_Education_by_Amy_Gutmann (дата обращения: 21.02.2025).
4. *Нуссбаум М.* Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: ВШЭ, 2014, 192с.

5. *Giddens E.* Social Theory and Modern Sociology. Stanford: “Stanford University Press”, 1987, 310p.
6. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995, 323с.
7. *Mylonas H.* Nation-Building//Oxford Bibliographies. 2020. DOI: 10.1093/OBO/9780199743292-0217.
8. *Семененко И.С.* Нация, национализм, национальная идентичность // МЭиМО. № 11. 2015. СС. 91–102.
9. *Дробизева Л.М.* Процессы гражданской интеграции в полиэтническом российском обществе (тенденции и проблемы) // «Общественные науки и современность». Вып. № 2, 2008. С. 69.
10. *Schoenegger Ph., Pils R.* Social sciences in crisis: on the proposed elimination of the discussion section // “Synthese”. Vol. 202. Art. 54.2023. DOI: 10.1007/s11229-023-04267-3.
11. *Дильтей В.* Описательная психология. СПб: «Алетейя», 1996, 160с. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001068/st000.shtml>
12. *Гидденс Э.* Social Theory and Modern Sociology. Stanford: “Stanford University Press”, 1987, 310p.
13. *Ozawa V. et al.* The political economy of education in Central Asia: exploring the fault lines of social cohesion // “Globalisation, Societies and Education”. 2024. DOI: 10.1080/14767724.2024.2330361
14. *Gutmann A.* Democratic Education. Princeton, NJ: “Princeton Univ. Press”, 1999.
15. *Heater D.* A History of Education for Citizenship. London, “Routledge”, 2004. PP. 3–18.
16. *Ордухянян Э.Г.* Гражданское образование в Армении. [Эл ресурс]. URL: <https://eence.eu/ru/profil-stran/grazhdanskoe-obrazovanie-v-armenii/> (дата обращения: 03.03.2025).
17. *Tovmasyan T.* The Invasion of Civic Education into the Armenian Education System: Master’s Capstone Project. 2004. P. 9.
18. Քաղաքացիական կրթության կարողությունները գնահատելու գործիքը մշակելու ճանապարհին / Գևորգ Տեր-Գաբրիելյան. Եր., Եվրասիա համազործակցություն հիմնադրամ, 2021. 68 էջ.
19. [Armenia: Secondary Education]. [Эл. ресурс]. URL: <https://education.stateuniversity.com/pages/68/Armenia-SECONDARY-EDUCATION.html>

20. *Օրդուխանյան Ջ.Գ.* Гражданское образование в Армении. [Эл. ресурс]. URL: <https://eence.eu/ru/profil-stran/grazhdanskoe-obrazovanie-v-armenii/> (дата обращения: 03.03.2025).
21. *Մարգարյան Հ.Լ., Հարությունյան Մ.Լ.* Հասարակագիտության առարկայի դերը Հայաստանի Հանրապետությունում քաղաքացիական հասարակության զարգացման համատեքստում // «Вестник РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки)». Ер.: Изд-во РАУ, № 3, 2022. СС. 200–212.
22. *Օրդուխանյան Ջ.Գ.* Гражданское образование в Армении [Эл. ресурс]. URL: <https://eence.eu/ru/profil-stran/grazhdanskoe-obrazovanie-v-armenii/> (дата обращения: 03.03.2025).
23. ՀՀ ԿԳՄՄ հրաման «Հասարակագիտություն առարկայի չափորոշիչի հաստատման մասին»: Ընդունված 30.03.2023 № 32. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/176084> (дата обращения: 25.11.2025).
24. Премьер Армении представил 14 положений идеологии реальной Армении // АМИ «Новости-Армения». [Эл. ресурс]. URL: <https://newsarmenia.am/news/analytics/premer-armenii-predstavil-14-polozeniy-ideologii-realnoy-armenii/>
25. Очередной ролик Пашиняна в “TikTok”: Право – зеркало обязательства. // Информационно-аналитическое агентство News.am [Эл. ресурс]. URL: <https://news.am/ru/video/813693>
26. *Տարկիսյան Օ.Լ.* Армянская идентичность: проблема синтеза моделей «культурно-исторической» и «государственной» нации // Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации: материалы международной научной конференции (3–4 ноября 2017 г.). Ереван, Издательство РАУ, 2017.
27. *Տարկիսյան Օ.Լ.* Армянские общины России в контексте вызовов модернизации армянской идентичности // Армяне России: история, культура, общее будущее: материалы V Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 12–13 ноября 2024г.). Ростов/нД; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2024. СС. 193–197.
28. *Քափանյան Ն.* Государственность должна стать предметом нашей ежедневной работы и уважения // Информационное агентство «Арменпресс», 28.05.2022. [Эл. ресурс]. URL: <https://armenpress.am/ru/article/-1084471>.
29. *Տարկիսյան Օ.Լ., Խաչատրյան Տ.Օ.* Дискурс конституционных преобразований в контексте процесса «модернизации» армянской идентичности //

«Вестник Российско-Армянского университета (сер.: гуманитарные и общественные науки)». 2025. № 2. [Эл. ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-konstitutsionnyh-preobrazovaniy-v-kontekste-protsessa-modernizatsii-armyanskoj-identichnosti> (дата обращения: 25.11.2025).

REFERENCES

1. *Gramsci A.* Prison Notebooks: in 3 vols. M.: "Politizdat", 1991, 560p.
2. *Bourdieu P.* Sociology of Politics / trans. from French; comp., gen. ed. and preface by N.A. Shmatko. M.: "Socio-Logos", 1993, 336p.
3. *Gutmann A.* Democratic Education. Princeton, 1999. [El. resource]. URL: https://www.academia.edu/42184921/Democratic_Education_by_Amy_Gutmann (accessed: 21.02.2025).
4. *Nussbaum M.* Not for Profit: Why Democracy Needs the Humanities. M.: HSE, 2014, 192p.
5. *Giddens E.* Social Theory and Modern Sociology. Stanford: "Stanford University Press", 1987, 310p.
6. *Berger P., Luckmann T.* The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. M.: "Medium", 1995, 323p.
7. *Mylonas H.* Nation-Building // Oxford Bibliographies. 2020. DOI: 10.1093/OBO/9780199743292-0217.
8. *Semenenko I.* Nation, Nationalism, National Identity // "MEiMO", No. 11, 2015. PP. 91–102.
9. *Drobizheva L.* Processes of Civic Integration in a Multiethnic Russian Society (Trends and Problems) // "Social Sciences and Contemporary World". Iss. No. 2, 2008. P. 69.
10. *Schoenegger Ph., Pils R.* Social sciences in crisis: on the proposed elimination of the discussion section // "Synthese", Vol. 202, Art. 54, 2023. DOI: 10.1007/s11229-023-04267-3.
11. *Dilthey W.* Descriptive Psychology. SPb., Aletheia, 1996. 160 p. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001068/st000.shtml>
12. *Giddens E.* Social Theory and Modern Sociology. Stanford: "Stanford University Press", 1987, 310p.
13. *Ozawa V. et al.* The political economy of education in Central Asia: exploring the fault lines of social cohesion // "Globalisation, Societies and Education", 2024. DOI: 10.1080/14767724.2024.2330361

14. *Gutmann A.* Democratic Education. Princeton, NJ: “Princeton Univ. Press”, 1999.
15. *Heater D.* A History of Education for Citizenship. London, Routledge, 2004. PP. 3–18.
16. *Ordukhanyan E.* Civic Education in Armenia. [El. resource]. URL: <https://eence.eu/ru/profil-stran/grazhdanskoe-obrazovanie-v-armenii/> (accessed: 03.03.2025).
17. *Tovmasyan T.* The Invasion of Civic Education into the Armenian Education System: “Master’s Capstone Project”. 2004. P. 9.
18. The Tool for Assessing Civic Education Competencies on the Way to Development / *Gevorg Ter-Gabrielyan*. Yer.: Eurasia Partnership Foundation, 2021, 68p.
19. Armenia: Secondary Education]. [El. resource]. URL: <https://education.stateuniversity.com/pages/68/Armenia-SECONDARY-EDUCATION.html>
20. *Ordukhanyan E.* Civic Education in Armenia. [El. resource]. URL: <https://eence.eu/ru/profil-stran/grazhdanskoe-obrazovanie-v-armenii/> (accessed: 03.03.2025).
21. *Sargsyan H., Harutyunyan M.* The Role of the Subject of Social Science in the Context of Civil Society Development in the Republic of Armenia // Bulletin of RAU (Ser.: Humanities and Social Sciences). Yer.: RAU Publishing House, No. 3, 2022. PP. 200–212.
22. *Ordukhanyan E.* Civic Education in Armenia. [El. resource]. URL: <https://eence.eu/ru/profil-stran/grazhdanskoe-obrazovanie-v-armenii/> (accessed: 03.03.2025).
23. Decree of the RA MoESCS “On Approval of the Subject Standard for Social Science”. Adopted 30.03.2023, No. 32. [El. resource]. URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/176084> (accessed: 25.11.2025).
24. [Prime Minister of Armenia Presented 14 Tenets of the Ideology of Real Armenia]. [El. resource]. URL: <https://newsarmenia.am/news/analytics/premer-armenii-predstavil-14-polozheniy-ideologii-realnoy-armenii/>
25. Pashinyan's Next Video on “TikTok”: Right is a Mirror of Obligation. [El. resource]. URL: <https://news.am/ru/video/813693>
26. *Sargsyan H.* Armenian Identity: The Problem of Synthesizing the Models of “Cultural-Historical” and “State” Nation // Problems of National Identity in

- the Context of Modern Globalization: Proceedings of the International Scientific Conference (November 3–4, 2017). Yerevan: RAU Publishing House, 2017.
27. *Sargsyan H.* Armenian Communities of Russia in the Context of the Challenges of Modernization of Armenian Identity // *Armenians of Russia: History, Culture, Common Future: Proceedings of the V International Scientific Conference (Rostov-on-Don, November 12–13, 2024)*. Rostov-on-Don; Taganrog: “Southern Federal University Press”, 2024. PP. 193–197.
28. *Pashinyan N.* Statehood Must Become the Subject of Our Daily Work and Respect // *Armenpress*, 28.05.2022. [El. resource]. URL: <https://armenpress.am/ru/article/-1084471>.
29. *Sargsyan H., Khachaturyan S.* The Discourse of Constitutional Transformations in the Context of the “Modernization” Process of Armenian Identity // “*Bulletin of Russian-Armenian University (Ser.: Humanities and Social Sciences)*”. No. 2, 2025. [El. resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-konstitutsionnyh-preobrazovaniy-v-kontekste-protssessa-modernizatsii-armyanskoy-identichnosti> (accessed: 25.11.2025).

ON THE ROLE OF HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES IN THE NATION-BUILDING PROCESS: THE CASE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

H. Sargsyan, M. Harutyunyan, S. Khachaturyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

Nation-building as a political process involves the production of meanings and narratives; however, the role of the Social Sciences and Humanities (SSH) remains underestimated in both academic and political discourse. The need to conceptualize this role is particularly acute in post-Soviet states, where nation-building unfolds under conditions of institutional immaturity and competing foundations of identity. Drawing on a theoretical analysis of the distinctive features

of SSH, the article substantiates their significance as a resource for the formation of national identity and civic subjectivity. Institutionalization occurs through the school education system, and civic education in particular, which is examined through several models: liberal-pluralist, state-patriotic, and civilizational. Using the Republic of Armenia as a post-Soviet case study, the article demonstrates the fragmented nature of civic education – manifested in the marginalized position of social studies within the school system – and the low level of awareness among political elites regarding the inclusion of SSH in the nation-building process, as evidenced by the absence of a coherent state policy. State attempts to revise civic and national values are not systematically reflected in educational policy. The article concludes that developing a strategy for SSH education is essential for a comprehensive and sustainable nation-building process.

Keywords: nation-building, national identity, civic identity, social sciences and humanities (SSH), social studies, civic education.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ (ОТГ) – НОВЫЙ «ЦЕНТР СИЛЫ» НА БОЛЬШОМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ. ВЫЗОВЫ ДЛЯ АРМЕНИИ

Р.К. Карапетян

*Российско-Армянский университет
Институт Истории НАН РА
ruben.karapetyan@rau.am
ORCID:0009-0002-8887-7183*

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что процессы трансформации международного порядка, происходящие в XXI веке, сопровождаются формированием новых региональных центров силы и усилением интеграционных объединений, стремящихся к институционализации собственного геополитического пространства. Одним из подобных объединений на евразийском пространстве в последние годы становится Организация тюркских государств (ОТГ), постепенно выходящая за рамки культурно-гуманитарного сотрудничества и приобретающая политическое, экономическое и стратегическое измерение.

Расширение географии и институциональной структуры организации свидетельствует о стремлении Анкары превратить ОТГ в один из инструментов формирования нового регионального порядка.

Для Республики Армения данные процессы имеют стратегическое значение. Отсутствие дипломатических отношений с Турцией, сохраняющийся уровень напряженности в армяно-азербайджанских отношениях, а также изменение военно-политического баланса на Южном Кавказе после войны 2020 года обуславливают необходимость комплексного анализа целей, механизмов и долгосрочных перспектив деятельности ОТГ.

Цель настоящей статьи заключается в исследовании генезиса, структуры и стратегических направлений деятельности Организации тюркских государств, а также в оценке ее влияния на региональную безопасность и внешнеполитические вызовы для Армении в условиях трансформации геополитической архитектуры Большого Ближнего Востока.

Армении необходима стратегическая адаптация к формирующемуся новому многополярному региональному порядку, в котором ключевыми ресурсами становятся политическая субъектность и действенное противодействие политики изоляции и транспортной блокады Армении, которые в последние 35 лет ведут Турция и Азербайджан.

Учитывая многослойный и многогранный характер исследуемой темы, использованные в статье источники были подвергнуты критическому анализу и сравнительному изучению фактов. В исследовании также применяются методы экспертной оценки и контент-анализа.

Ключевые слова: Организация тюркских государств, пантюркизм, тюркский мир, Средний коридор, Большой Ближний Восток, геополитика Южного Кавказа.

Введение

Идеи консолидации тюркского мира имеют длительную историческую и идеологическую традицию. Их истоки восходят к концу XIX – началу XX века, когда концепции тюркизма и пантюркизма начали формироваться в интеллектуально-политической среде Османской и Российской империй [1], а впоследствии получили развитие в идеологии младотурецкого движения. Однако практическая реализация данных идей на межгосударственном уровне стала возможной лишь после распада СССР и появления независимых тюркоязычных государств Центральной Азии и Южного Кавказа.

Распад Советского Союза создал предпосылки для формирования нового геополитического пространства, объединяющего тюркоязычные государства Евразии. В этих условиях Турция получила

возможность активизировать собственную политику в Центральной Азии и на Южном Кавказе, опираясь на культурно-языковую близость с новыми независимыми государствами региона. Первоначально взаимодействие тюркских государств носило преимущественно гуманитарный и культурный характер. Однако постепенное углубление экономических и политических связей привело к институционализации сотрудничества. Ключевым этапом данного процесса стало подписание Нахичеванского соглашения 2009 года, учредившего Совет сотрудничества *тюркоязычных* государств [2].

Учредителями организации выступили Турция, Азербайджан, Казахстан и Кыргызстан, позднее к объединению присоединился Узбекистан. В 2021 году организация была преобразована в Организацию тюркских государств, что стало отражением ее постепенной трансформации из преимущественно культурно-языковой платформы в более широкое политико-стратегическое объединение [3]. Статус наблюдателей в ОТГ получили Туркменистан, Венгрия¹, Организация экономического сотрудничества, а также признанная исключительно Турцией так называемая «Турецкая Республика Северного Кипра».

В организационную структуру ОТГ входят Совет глав государств, Совет министров иностранных дел, Совет старейшин, Секретариат в Стамбуле, а также специализированные структуры – ТЮРКСОЙ², Тюркская академия³, Тюркская торгово-промышленная палата и Фонд тюркской культуры и наследия. Несмотря на сохраняющуюся неоднородность интересов государств-членов, ОТГ постепенно формирует институциональную основу для координации долгосрочных стратегических интересов тюркского пространства.

¹ Единственная европейская страна, представленная в организации.

² ТЮРКСОЙ – аббревиатура от названия Международной организации тюркской культуры (тур.: “Türk Kültür ve Sanatları Ortak Yönetimi”). Цель – сотрудничество между тюркскими народами для сохранения, развития и передачи будущим поколениям общих материальных и культурных памятников тюркских народов.

³ Международная Тюркская академия (“International Turkic Academy” – TWESCO) – научный центр, созданный для исследования тюркского мира. Расположен в городе Астана (Республика Казахстан).

Переименование организации в 2021 году в Организацию *тюркских* государств имело не только символическое, но и политическое значение. Фактически оно отражало переход от ограниченного культурно-языкового взаимодействия к формированию более широкого интеграционного механизма, ориентированного на координацию политических, экономических, транспортных и частично военно-стратегических интересов государств-участников.

На 12-ом саммите ОТГ в октябре 2025 года, проходившем в Габале (Азербайджан), президент Турции Р.Т. Эрдоган подчеркнул, что «ОТГ не должна быть закрытой организацией, а должна сотрудничать с третьими сторонами, включая те народы и народности, которые входят в состав других государств. Действительно, если ОТГ хочет играть активную роль в решении глобальных проблем, она должна быть открыта для сотрудничества со всем миром». Надо отметить, в этом контексте формат «ОТГ+» открывает новые возможности для сотрудничества с региональными организациями и государствами [4].

Тогда же были зафиксированы концептуальные ориентиры организации в документе «Видение тюркского мира – 2040» [5], предусматривающем укрепление экономической взаимозависимости, развитие транспортно-коммуникационной инфраструктуры, координацию внешнеполитических подходов и углубление взаимодействия в сфере безопасности.

Основная часть

Исходя из вышеуказанного, деятельность ОТГ следует рассматривать в более широком геополитическом контексте трансформации пространства «Большого Ближнего Востока». Концепция «Большого Ближнего Востока» (“Greater Middle East”) представляет собой не столько географическое определение, сколько расширенную стратегическую рамку, включающую Ближний Восток, Южный Кавказ, Каспийский регион и Центральную Азию [6]. После событий 11 сентября 2001 года данная концепция стала частью стратегического планирования

США, направленного на трансформацию политической структуры и архитектуры безопасности региона [7]. В этом контексте ОТГ следует рассматривать не изолированно, а как элемент более широкой евразийской геополитической системы, в которой формируются новые центры силы и конкурирующие интеграционные проекты.

В условиях трансформации международного порядка Турция использует ОТГ как инструмент формирования собственного интеграционного пространства, соединяющего Восточное Средиземноморье, Южный Кавказ и Центральную Азию. Фактически, речь идет о попытке институционализации новой геополитической оси, в которой Анкара претендует на роль самостоятельного центра силы. ОТГ становится элементом стратегии турецкой многовекторности, позволяя Анкаре расширять экономическое влияние, укреплять транспортно-энергетические позиции и усиливать политическую субъектность в условиях глобального соперничества США, Китая и России.

Особое значение в стратегии ОТГ занимает развитие транспортно-коммуникационных проектов. Речь прежде всего идет о формировании так называемого Среднего коридора [8]: Китай–Центральная Азия–Каспийский регион–Южный Кавказ–Турция–Европа, рассматриваемого в качестве альтернативы российским и частично иранским маршрутам. Реализация данного проекта объективно усиливает значение Турции как одного из ключевых транзитных узлов Евразии и способствует укреплению ее стратегических позиций в условиях изменения глобального баланса сил [9].

Рост значения ОТГ совпадает с усилением глобального соперничества между США, Китаем и Россией. В данных условиях тюркское пространство постепенно приобретает дополнительное стратегическое значение как с точки зрения транспортно-энергетических маршрутов, так и в контексте военно-политического влияния.

Для Соединенных Штатов развитие ОТГ и усиление роли Турции могут рассматриваться как один из механизмов ограничения влияния России и Ирана на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Одновременно, Вашингтон заинтересован в сохранении Турции в системе

западной военно-политической координации, несмотря на существующие противоречия между Анкарой и ее союзниками по НАТО.

Китай, в свою очередь, рассматривает пространство ОТГ преимущественно через призму инициативы «Один пояс – один путь». Пекин заинтересован в стабильности евразийских транспортных коридоров, однако чрезмерная политизация пантюркских идей может восприниматься китайским руководством как потенциальный риск с учетом проблемы уйгурского фактора в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Россия также сохраняет существенные интересы в регионе, рассматривая Южный Кавказ и Центральную Азию как часть собственного стратегического пространства. Усиление влияния Турции и институциональное укрепление ОТГ объективно создают для Москвы дополнительные геополитические вызовы.

Таким образом, ОТГ постепенно превращается не только в региональный интеграционный механизм, но и в значимый элемент формирующейся евразийской геополитической архитектуры.

Роль Турции в ОТГ является определяющей. Анкара выступает главным инициатором интеграционных процессов, основным политическим и экономическим донором ряда проектов, а также ключевым центром выработки стратегической повестки организации. Для Турции ОТГ представляет собой механизм расширения политического, экономического и культурного влияния в постсоветском пространстве, а также инструмент укрепления собственной стратегической автономии. В турецком политическом дискурсе деятельность организации нередко связывается с концепцией тюркской геополитической интеграции, ассоциируемой с идеологемой «Великий Туран».

Об этом свидетельствует также недавнее *объявление министра национального образования Турции Юсуф Текина о масштабной корректировке терминологии в школьных учебниках по истории и географии; среди них, наряду с другими примечательными политизированными изменениями, – замена «Орта Асия» (“Orta Asya”) на «Туркистан» (“Türkistan”)*. Согласно утверждениям турецких официальных

лиц, термин «Центральная Азия» – искусственный конструкт, возникший после Второй мировой войны под влиянием советской и западной геополитики. В научной литературе, по их словам, правильнее использовать «Туркестан» – историческое название региона, населенного тюркскими народами, что главным образом подчеркивает историческую и культурную общность Турции с Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном и Туркменистаном [10].

Трудно не согласиться с тем утверждением, что переименование в учебниках укрепляет не только символическую связь между современной Турцией и «исторической родиной» тюрков, но, в первую очередь, является очередным элементом «мягкой силы» в отношениях с государствами Центральной Азии. Это, одновременно, и сигнал внешним партнерам о том, что Анкара не собирается оставаться в рамках «региональной державы» и претендует на более широкую культурно-историческую роль.

Азербайджан, в свою очередь, стремится закрепить за собой статус ключевого связующего звена между Турцией и Центральной Азией, формируя геополитическую дугу тюркской интеграции, особенно после Арцахской войны 2020 года, когда значение тандема Анкара-Баку существенно возросло, а проекты транспортной интеграции приобрели дополнительное политическое значение.

После подписания Шушинской декларации 2021 года [11] военно-политическое сотрудничество Турции и Азербайджана приобрело полноценный стратегический характер. В рамках данной геополитической логики Армения нередко рассматривается как фактор, препятствующий формированию непрерывного тюркского транспортно-политического пространства.

Следует также отметить активизацию информационно-культурной политики Турции и Азербайджана, направленной на укрепление общетюркской идентичности и расширение гуманитарного влияния организации.

В создавшихся условиях Южный Кавказ становится стратегической зоной, где пересекаются и конкурируют несколько геополитичес-

ких проектов: турецко-тюркский интеграционный, иранский северный вектор безопасности, российская традиционная зона влияния и западные инфраструктурные инициативы.

Иран в данной конфигурации выступает как «мостовое государство», соединяющее Ближний Восток, Кавказ и Центральную Азию, и рассматривает Южный Кавказ как часть своего северного периметра безопасности. Это делает его ключевым балансирующим актором региональной системы.

Поэтому одним из центральных измерений стремительно меняющейся региональной динамики является конкуренция между Ираном и тюркским интеграционным блоком, ядром которого выступают Турция и Азербайджан. Эта конкуренция проявляется, прежде всего, в сфере транспортных и энергетических маршрутов: Иран продвигает вертикальные коридоры «Север – Юг», тюркский блок – горизонтальные маршруты «Восток – Запад». В этом контексте, проект «Среднего коридора» приобретает не только экономическое, но и стратегическое значение, усиливая взаимосвязанность тюркского пространства.

Наряду с этим, в рамках ОТГ все активнее обсуждаются вопросы координации в сфере безопасности и военно-технического взаимодействия, хотя подходы государств-членов по данным вопросам продолжают различаться [12]. В связи с этим необходимо отметить, что 15 мая 2026 года в казахстанском городе Туркестан, официально позиционируемом как «духовная столица» тюркского мира, состоялся неформальный саммит ОТГ, на котором, в отличие от Турции и Азербайджана, которые стремятся усилить военно-политическую составляющую ОТГ, была высказана четкая позиция Казахстана на уровне президента страны Касыма-Жомарта Токаева о том, что «Организация тюркских государств – это не геополитический проект и не военная организация. Это – уникальная платформа, направленная на укрепление торгово-экономического, технологического, цифрового, культурного и гуманитарного сотрудничества между братскими народами».

Отсутствие Туркменистана и Венгрии на неформальном саммите, а также разногласия в вопросах единого алфавита, имеющиеся разные приоритеты в вопросах транспортных коммуникаций, технологий и т.д., свидетельствуют о том, что ОТГ «пытается развиваться, но пока не достигла полного согласия относительно того, какой она должна стать» [13].

Тем не менее, ОТГ за относительно короткий период своего существования смогла сформировать институциональную основу многостороннего сотрудничества и значительно расширить гуманитарное, экономическое и политическое взаимодействие между государствами-участниками.

Вместе с тем, было бы преждевременно рассматривать ОТГ как консолидированный геополитический блок с единым видением международных процессов и согласованной внешнеполитической стратегией.

Главным ограничителем дальнейшей политической институционализации организации выступает наличие объективных различий в национальных интересах государств-членов. Несмотря на общность историко-культурных и языковых факторов, страны ОТГ находятся в различных геополитических условиях и придерживаются неодинаковых моделей внешнеполитического поведения. Особое место среди них занимает многовекторный внешнеполитический курс центральноазиатских республик, стремящихся сохранять сбалансированные отношения одновременно с Россией, Китаем, Европейским союзом, США и региональными державами Ближнего Востока [14].

Наиболее наглядным проявлением указанных противоречий стал *Кипрский вопрос*. Турция последовательно выступает за расширение международной субъектности Турецкой Республики Северного Кипра и стремится заручиться политической поддержкой государств ОТГ. Однако центральноазиатские государства продемонстрировали нежелание переносить вопросы собственной внешней политики в плоскость турецких региональных инициатив. По итогам первого саммита «ЕС-Центральная Азия», проходившего 4-го апреля 2025г. в Самар-

канде (Узбекистан) была принята Совместная декларация, согласно которой лидеры стран Центральной Азии подтвердили признание Республики Кипр как единственного международно-признанного государства на острове и приверженность соответствующим резолюциям Совета Безопасности ООН [15]. Это, фактически, обозначило пределы политической солидарности внутри ОТГ и показало, что культурно-цивилизационная близость не всегда трансформируется в единство внешнеполитических позиций.

Не менее показательной представляется ситуация вокруг регионального формата «3+3». Для Турции данный механизм является важным инструментом укрепления своего влияния на Южном Кавказе и, одновременно, элементом более широкой стратегии по формированию взаимосвязанных политико-экономических пространств от Центральной Азии до Восточного Средиземноморья. Однако возможности использования формата «3+3» в качестве механизма проекции влияния ОТГ ограничиваются рядом факторов, включая различие национальных интересов государств Южного Кавказа, наличие конкурирующих внешнеполитических проектов и активное присутствие в регионе внерегиональных акторов.

Заключение

Таким образом, в обозримой перспективе ОТГ, вероятнее всего, сохранит свое значение, прежде всего, как механизм координации и развития сотрудничества в гуманитарной, экономической и транспортно-коммуникационной сферах, тогда как ее трансформация в полноценный политический союз будет сдерживаться сохраняющимися различиями в национальных интересах и внешнеполитических ориентирах государств-членов.

Резюмируя, можно констатировать, что, несмотря на существование определенного разрыва между идеей политической консолидации тюркского пространства и геополитической практикой государств-участников, для Армении дальнейшее усиление ОТГ представляет

комплексный внешнеполитический и безопасный вызов, особенно в условиях, при которых около 200 кв.км суверенной территории Армении находится под оккупацией Азербайджана⁴, Баку на официальном уровне постоянно озвучивает концепцию так называемого «Западного Азербайджана», Анкара все еще тянет с установлением дипломатических отношений с Ереваном и продолжает держать Армению в состоянии блокады⁵. Все это формирует дополнительную напряженность в региональной политике и усиливает угрозы безопасности Республики Армения.

Исходя из этого, активно продвигаемый Турцией и Азербайджаном проект так называемого «Зангезурского коридора» [16] или «TRIPP»⁶ следует рассматривать не только как транспортно-логистическую инициативу, но и как элемент более широкой геополитической стратегии, связанной с обеспечением непрерывной сухопутной связанности тюркского пространства, за контроль которой разворачивается серьезная борьба между США и Россией (Китай пока находится в роли наблюдателя).

Интерес Вашингтона к «Зангезурскому коридору» очевиден, и подписание соглашения с Арменией (TRIPP) преследует цель не только ограничить возможности китайской инициативы «Пояс и путь» в регионе и взять под свой контроль «тюркскую дорогу», которая может протянуться до границы основного противника – Китая, но и лишить Россию единственной сухопутной связи с Ираном через Армению.

⁴ Министр иностранных дел РА А. Мирзоян подтвердил этот факт в ходе обсуждения бюджета 2026 года в парламенте. URL: <https://newsarmenia.am/news/politics/mirzoyan-otvetil-na-obvineniya-oppozitsii-v-okrashchenii-territorii-armenii/>

⁵ С апреля 1993 года Турция в одностороннем порядке полностью закрыла сухопутную границу с Арменией, которая до этого была открыта лишь частично.

⁶ Согласно МИД РА, проект **TRIPP** (“Trump Route for International Peace and Prosperity” – «Маршрут Трампа за международный мир и процветание») – это американо-армянское инфраструктурное и транзитное соглашение, направленное на создание мультимодальных транспортных коридоров на юге Армении [режим доступа: <https://www.mfa.am/en/press-releases/2026/01/14/TRIPP/13721>].

Еревану следует также учитывать то важное обстоятельство, что в вопросе формирования транспортных коридоров в регионе Большого Ближнего Востока интересы Соединенных Штатов Америки и Турции не во всем совпадают. Показателен в этом отношении проект “India–Middle East–Europe Economic Corridor”, продвигаемый при поддержке США и предполагающий новую конфигурацию транспортной взаимосвязанности без участия Турции, что объективно расходится с турецким стремлением закрепиться в качестве ключевого транзитного узла между Азией и Европой [17].

Поэтому трудно переоценить геоэкономическую и геополитическую значимость тех 43-х километров дороги, которая проходит через армянский Сюник для всех заинтересованных акторов.

Для Еревана односторонние уступки какой-либо *одной стороне* в этом экзистенциальном вопросе чреваты очевидными серьезными рисками снижения стратегической устойчивости государства, дальнейшего крена в региональном балансе сил в сторону турецко-азербайджанского тандема, создания условий для политической дестабилизации, возможного силового вмешательства соседних тюркских стран и превращения южных рубежей страны и границы с Ираном в «площадку» для очередной прокси-войны. Этот вопрос приобретает особую актуальность в условиях, когда сами власти Армении продолжают безосновательно твердить о «мире» или же о виртуальном «мирном перекрестке».

Поэтому в случае невозможности отмены или, по крайней мере, пересмотра условий соглашения с США Армении необходимо проводить последовательную «ювелирную» дипломатию, стремясь к преобразованию проекта “TRIPP” из инструмента геополитической конкуренции в формат регионального сотрудничества, отвечающий интересам Армении и других ключевых держав региона – Ирана, России, а также Китая.

Сложившаяся ситуация и совместные вызовы, которые несут в себе консолидация тюркского мира и беспрецедентное укрепление позиций Турции и Азербайджана на Южном Кавказе, требуют от Москвы

и Еревана реальной переоценки и содержательной перезагрузки того цивилизационного союза, который был создан в конце прошлого века на основе общих долгосрочных геополитических и геоэкономических интересов. Смогут ли отношения между РА и РФ снова стать полноценным стратегическим союзом, нацеленным на будущее и взять верх над ситуационной парадигмой «политического реализма» Москвы и Еревана, покажет время и долгосрочное видение политического руководства обеих стран.

Для Армении – это не только системный вызов, но также и стимул к формированию новой стратегии – самостоятельной, гибкой и основанной на национальном единстве. Только объединение усилий государства и диаспоры может превратить Армению из объекта давления в активного субъекта евразийской политики.

Армении необходима стратегическая адаптация к формирующемуся новому многополярному региональному порядку, в котором ключевыми ресурсами становятся политическая субъектность и способность эффективно противодействовать стратегии «войны на истощение», которую на протяжении последних 35-и лет последовательно реализуют Турция и Азербайджан в отношении Армении.

Именно поэтому особую значимость приобретает проведение Ереваном многовекторной внешней политики, а также одновременное реформирование системы национальной безопасности и обороны, создание всеобъемлющей архитектуры безопасности и укрепление собственной оборонной самодостаточности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Надеин-Раевский В.А.* Пантюркизм: идеология, история. Политика. Экспансионистская доктрина: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. М., «Русская панорама». 2017, 316с. *Жигульская Д.В.* «Турецкий идеал в философии Зия Гекалпа», Киберлинка, 2021. Сборник: Юсуф Акчура (сборник материалов и исследований), Марджани, АН РТ, 2017, 336с. *Киракосян Д.С.* Младотурки перед судом истории. Ер.: «Айастан», 1989, 498с.

2. Материалы и официальные документы Организации тюркских государств. URL: <https://turkicstates.org/en>
3. Организации тюркских государств. Стамбул, 2021. URL: <https://turkicstates.org/en/organization-chart>
4. Гамов В. О 12 саммите руководителей стран ОТГ, Институт Ближнего Востока, 08/10/2025. [режим доступа: закрытый]
5. Видение тюркского мира – 2040. Organization of Turkic States, Istanbul, 2021 URL: <https://turkicstates.org/u/d/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf>
6. Fuller G. The Greater Middle East in 2025 // “Foreign Policy Research Institute”, 1999. URL: <https://www.fpri.org/article/1999/12/the-greater-middle-east-2025/>
7. United States Department of State. *G8 BMENA Initiative*. URL: <https://2001–2009.state.gov/r/pa/scp/2006/61295.htm>
8. Kenderdine T., Bucsky P. The Middle Corridor: Linking Asia and Europe through the Caspian Region, Asian Development Bank Institute, Manila, 2022. URL: <https://www.adb.org/publications/middle-corridor-policy-development-trade-potential>
9. Svante E. Cornell. The Rise of the Turkic World: Geopolitical Implications for Eurasia. Silk Road Studies Program, 2022. URL: <https://www.silkroadstudies.org/publications/silkroad-papers-and-monographs/item/13570-the-rise-of-the-organization-of-turkic-states-is-turkic-cooperation-filling-a-geopolitical-vacuum?.html>
10. Ниязбаев Я. Крестовые нападения вместо» походов и «Море островов» вместо Эгейского. Как Турция переписывает историю в школьных учебниках и что это значит для мирового сообщества // «Россия в глобальной политике». 20.05.2026. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/krestovye-napadeniya-niyazbaev/>
11. Azerbaijan publishes full text of shusha declaration on allied relations // Avim.org. URL: <https://avim.org.tr/en/Bulten/AZERBAIJAN-PUBLISHES-FULL-TEXT-OF-SHUSHA-DECLARATION-ON-ALLIED-RELATIONS>
12. Гамов В. О 12 саммите руководителей стран ОТГ, Институт Ближнего Востока, 08/10/2025. [режим доступа: закрытый]
13. OTS Summit in Turkistan Reveals Strains Beneath Turkic Unity // Times of Central Asia. URL: <https://timesca.com/ots-summit-in-turkistan-reveals-strains-beneath-turkic-unity/?v=2>

14. *Kassen M.* Understanding Central Asian Multivector Foreign Policy. Lanham: Lexington Books, 2021; *Laruelle M.* Central Asia's Regional and International Relations in the New Geopolitical Environment. Washington, DC: George Washington University, 2024.
15. Европейский совет. Совместная декларация по итогам первого саммита Европейский союз – Центральная Азия. Брюссель, 4 апреля 2025 г. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/04/04/joint-declaration-following-the-first-european-union-central-asia-summit/>
16. *Мелконян Р., Гегамян В.* Армянский клин Туранской дороги: проблема «Зангезурского коридора». Ер., 2025. С. 129. (на арм. языке).
17. *Титоренко В.Е.* О борьбе вокруг транспортных коридоров из Европы в Азию через Ближний Восток. Институт Ближнего Востока, 26/06/2024 URL: <https://www.iimes.ru/?p=109844>

REFERENCES

1. *Nadein-Raevsky V.* Pan-Turkism: Ideology, History, and Politics. Expansionist Doctrine: from the Ottoman Empire to the present day and the fate of Turkey, Russia, and Armenia. M.: Russkaya Panorama, 2017, 316p.; *Zhigul'skaya D.* The Turkish Ideal in the Philosophy of Ziya Gökalp. "CyberLeninka", 2021; *Yusuf Akçura.* Collection of Materials and Studies. Kazan: Marjani; Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2017, 336p.; *Kirakosyan J.* The Young Turks before the Court of History. Yer.: "Hayastan", 1989, 498p. (In Russ.)
2. Official materials and documents of the Organization of Turkic States. URL: <https://turkiocstates.org/en>
3. Organization of Turkic States. Charter of the Organization of Turkic States. Istanbul, 2021. URL: <https://turkiocstates.org/en/organization-chart>
4. *Gamov, V.* On the 12th Summit of the Leaders of the Organization of Turkic States. Institute of the Middle East, October 8, 2025.
5. Turkic World Vision – 2040. Organization of Turkic States. Istanbul, 2021. URL: <https://turkiocstates.org/u/d/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf>
6. *Fuller G.* The Greater Middle East in 2025 // "Foreign Policy Research Institute", 1999. URL: <https://www.fpri.org/article/1999/12/the-greater-middle-east-2025/>

7. United States Department of State. G8 BMENA Initiative. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/scp/2006/61295.htm>
8. *Kenderdine T., Bucsky P.* The Middle Corridor: Linking Asia and Europe through the Caspian Region, Asian Development Bank Institute, Manila, 2022. URL: <https://www.adb.org/publications/middle-corridor-policy-development-trade-potential>
9. *Svante E. Cornell.* The Rise of the Turkic World: Geopolitical Implications for Eurasia. Silk Road Studies Program, 2022. URL: <https://www.silkroadstudies.org/publications/silkroad-papers-and-monographs/item/13570-the-rise-of-the-organization-of-turkic-states-is-turkic-cooperation-filling-a-geopolitical-vacuum?.html>
10. *Niyazbayev Ya.* From ‘Crusades’ to ‘Crusader Attacks’ and from the ‘Aegean Sea’ to the ‘Sea of Islands’: How Turkey Rewrites History in School Textbooks and What This Means for the International Community // “Russia in Global Affairs”, May 20, 2026. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/krestovye-napadeniya-niyazbaev/>
11. Azerbaijan publishes full text of shusha declaration on allied relations // Avim.org. URL: <https://avim.org.tr/en/Bulten/AZERBAIJAN-PUBLISHES-FULL-TEXT-OF-SHUSHA-DECLARATION-ON-ALLIED-RELATIONS>
12. *Gamov, V.* On the 12th Summit of the Leaders of the Organization of Turkic States. Institute of the Middle East, October 8, 2025.
13. OTS Summit in Turkistan Reveals Strains Beneath Turkic Unity // Times of Central Asia. URL: <https://timesca.com/ots-summit-in-turkistan-reveals-strains-beneath-turkic-unity/?v=2>
14. *Kassen M.* Understanding Central Asian Multivector Foreign Policy. Lanham: Lexington Books, 2021; *Laruelle M.* Central Asia’s Regional and International Relations in the New Geopolitical Environment. Washington, DC: George Washington University, 2024.
15. European Council. Joint Declaration following the EU–Central Asia Summit. Brussels, 4 April 2025. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/04/04/joint-declaration-following-the-first-european-union-central-asia-summit/>
16. *Melkonyan R., Geghamyan, V.* The Armenian Wedge of the Turan Road: The Problem of the “Zangezur Corridor”, Yer., 2025. P. 129, (in Arm.).
17. *Titorenko V.* Struggle for transport corridors from Europe to Asia through the Middle East, Institute of the Middle East, June 26, 2024. URL: <https://www.iimes.ru/?p=109844>

**ORGANIZATION OF TURKIC STATES (OTS) – A NEW
“CENTER OF POWER” IN THE GREATER MIDDLE EAST.
CHALLENGES FOR ARMENIA**

R. Karapetyan

*Russian-Armenian University
Institute of History, NAS RA*

ABSTRACT

The transformation of the international order unfolding in the 21st century is accompanied by the emergence of new regional centers of power and the strengthening of integration groupings that seek to institutionalize their own geopolitical space. In recent years, one such grouping in the Eurasian area has been the Organization of Turkic States (OTS), which is gradually moving beyond the bounds of cultural and humanitarian cooperation and acquiring political, economic, and strategic dimensions.

The expansion of the organization's geography and institutional structure attests to Ankara's intention to turn the OTS into one of the instruments for shaping a new regional order. For the Republic of Armenia, these processes are of strategic significance. The absence of diplomatic relations with Turkey, the persistent level of tension in Armenian-Azerbaijani relations, as well as the change in the military-political balance in the South Caucasus after the 2020 war, necessitate a comprehensive analysis of the goals, mechanisms, and long-term prospects of the OTS's activities.

The purpose of this article is to examine the genesis, structure, and strategic directions of the Organization of Turkic States, as well as to assess its impact on regional security and the foreign policy challenges for Armenia amid the transformation of the geopolitical architecture of the Greater Middle East.

Keywords: Organization of Turkic States, Pan-Turkism, Turkic World, Middle Corridor, Greater Middle East, geopolitics of the South Caucasus.

КРИТИКА ДЕМОКРАТИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ АНТИЧНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

А.А. Тер-Варданян

*Российско-Армянский университет
aram.ter.vardanyan@gmail.com
ORCID: 0009-0006-2685-2414*

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуются отношения целого ряда выдающихся античных мыслителей к демократии, с точки зрения их политических предпочтений. В этой связи ставится задача проанализировать и определить, прежде всего, характерные особенности их негативного отношения к народной форме правления. *Целью* же работы является рассмотрение и осмысление не причин такой критики, а следствий, т.е. результатов того или иного отношения к демократии, исходя из предпочтений лучшей формы государственного правления. Для достижения поставленной цели в рамках сравнительно-исторического анализа последовательно изучаются мнения античных авторов, выявляются и уточняются характерные особенности их критического отношения к демократии. *Актуальность исследования* заключается в необходимости более глубокого изучения и понимания античных представлений о демократии.

Ключевые слова: форма правления, крайняя демократия, умеренная демократия, власть большинства, свобода, равенство.

Введение

Полемика и споры, направленные на поиск лучшей формы государственной власти, в известной степени способствовали и даже вынуждали античных мыслителей обращаться к проблеме демократического правления. Одни высказывались в ее поддержку, другие не скрывали свои критические взгляды, а третьи, напротив, проявляя умеренность, старались раскрыть как ее положительные, так и отрицательные стороны, тем самым придерживаясь нейтралитета вследствие более взвешенной научной позиции.

Так, например, в духе демократического равенства высказывался софист Антифонт, утверждая, что *«по природе мы все во всех отношениях равны, притом (одинаково) и варвары и эллины»* [1]. А Демокрит из Абдеры, как свидетельствует Стобей, считал, что *«бедность в демократии настолько же предпочтительнее так называемого благополучия граждан при царях, насколько свобода лучше рабства»* [2]. Между тем восхвалял народовластие и Демосфен, поскольку гуманность при ней является господствующим принципом [3].

Напротив, суждения явно не в пользу народного правления можно найти у Фукидида, где оно характеризуется как общепризнанное безрассудство [4]. Неодобрительно о ней высказывался и Псевдо-Ксенофонт – автор анонимного саркастического трактата «Афинская политика», ранее приписываемого Ксенофону [5].

Очевидно, что отношение к народной форме правления в античный период было далеко неоднозначным, что в равной степени относится и к политическим предпочтениям мыслителей древности. При этом вполне очевидно, что выбор какой-либо одной формы правления автоматически предполагал некое критическое отношение к остальным. Именно с такой позиции мы рассматриваем отношение античных мыслителей к демократии. Ограничиваясь узкими рамками предлагаемого исследования, автор, изучая политические воззрения античной мысли, пытается показать специфику критического отношения к народовластию, которая может быть сведена к двум основным вариантам.

Первый из них выражается в неприемлемости любых форм народо-властия, в то время как второй заключается в критике одного вида демократии в пользу какого-либо иного, признаваемого наилучшим государственным устройством.

Демократия в политических предпочтениях античных мыслителей

Вообще, научный дискурс касательно наилучшей формы правления в чем-то напоминает диалог трех персов: Отана, Мегабиза и Дария, которые в присутствии еще четырех заговорщиков, спорят о будущем устройстве Персидского государства. Так, первый из них предложил передать власть всему персидскому народу, тогда как Мегабиз – олигархии. Последним из них выступил Дарий – будущий царь Персии, сетуя за *«правления одного наилучшего властелина»*. После этого четверо, присутствующих при разговоре, встали на сторону Дария [6].

Очевидно, что предпочтения греческого историка ни только не могли совпадать с позицией будущего единовластного правителя Персии, которая в V веке до н.э. стремилась поработить греческие города-государства, но были прямо противоположны ей, что следует из содержания его *«Истории»*. В этом контексте вызывает особый интерес фрагмент, где сторонник демократии Отан, признав неизбежность установления единовластия, отказывается от соперничества, не желая ни властвовать, ни быть подвластным, и отказывается от престола [7].

Здесь нельзя не заметить, что в последнем отрывке историк из Галикарнаса дает превосходную характеристику демократу Отану, который, с одной стороны, с достоинством принимает мнение большинства, а с другой – отказывается участвовать в установлении единовластия, тем самым оставаясь верным демократии. Разумеется, будь Геродот сторонником самодержавия, по сюжету Отана, так же как все, включая Мегабиза, принял бы сторону Дария и навряд ли был бы представлен в образе непоколебимого сторонника демократии. Учитывая данное обстоятельство, становится понятным, что историк являлся приверженцем демократии и критиком абсолютной царской власти.

«Персидский диалог» свидетельствует, что Геродот был в числе первых, кто рассматривал переход от одной формы правления к другой. Данный подход нашел свое отражение и развитие в будущем. Так, например, в диалоге «Государство» Платона Сократ говорит уже не о трех, а о пяти видах государственного устройства, последовательно переходящих одно в другое, создавая замкнутый цикл.

На первом месте из них Сократ ставит аристократию, соответствующую правлению лучших, которую он признает хорошей и справедливой. Далее аристократия может вырождаться в тимократию или тимархию, где власть основывается на честолюбии [8]. Причину перехода Сократ видит в раздорах, возникающих между теми, кто обладает властью. После тимократии он ставит олигархию [9], которая следует за ней. Далее стоит демократия, которая предшествует тирании [10]. По сути, Сократ указывает на пять видов государственного устройства: аристократия, тимократия, олигархия, демократия и тирания, каждая из которых переходит в последующую.

При этом он выделяет четыре вида порочного государственного устройства. Первой по счету идет тимократия, за ней следует олигархия, из которой возникает демократия, а после идет тирания [11]. Таким образом, исключая из «списка» порочные устройства государства, среди которых числится и демократия, Сократ в очередной раз указывает на предпочтительность аристократической формы правления. Определенно, отношение Сократа и Платона к демократии было довольно отрицательным, хотя и не настолько, как к тирании.

Причем, когда речь заходит о политических предпочтениях Сократа и Платона, которые признают за аристократией лучшую форму правления, то многие специалисты упускают из виду, что мыслители в «Государстве» рассматривают аристократию не только как правление лучших, но и как власть одного – наилучшего аристократа [12].

Платон вновь возвращается к исследованию различных видов правления в диалоге «Политик», где их структурная последовательность довольно отлична от той, что предложена в «Государстве». Здесь уже первой по счету идет монархия, затем следует правление

немногих, а после – правление большинства, которое носит имя демократии. Далее, приняв во внимание имеющиеся при двух первых видах насилие и добрую волю, бедность и богатство, законность и беззаконие, мыслитель разделяет их надвое, в результате чего монархия делится на тиранию и царскую власть, а управляемое немногими – аристократию или же олигархию [13]. Таким образом получают следующие формы правления: тирания, царская власть, аристократия, олигархия и демократия. Как в «Государстве», так и после мыслитель негативно отзывался о демократии, считая, что она не способна ни на большое добро, ни на большое зло [14].

Продолжая размышления о государственных устройствах и поиск наилучшей из них, Платон задает следующий вопрос: *«...В каком из упомянутых нами государственных устройств кроется умение управлять людьми?»* [15]. В результате, он приходит к мнению, что *«и из государственных устройств то необходимо будет единственно правильным, в котором можно будет обнаружить истинно знающих правителей»* [16], ведь *«подлинный политик – делает все, руководствуясь искусством и не заботясь о предписаниях»* [17]. Кстати, Платон был не единственным и далеко не первым, кто относился к политическому правлению как к искусству. По свидетельству Плутарха, Демокрит советует изучать *«искусство управлять государством, как наилучшее из всех искусств»* [18].

Разумеется, что в своих размышлениях Платон рисует образ идеального правителя – истинного политика, которому можно доверить абсолютную власть в государстве. При этом речь не идет о классическом или о некоем просвещенном абсолютизме. Политик стоит выше всего этого, поскольку он умен, рассудителен, справедлив и правит, согласно и в соответствии с искусством правления [19]. Посему, можно сказать, что, по мнению Платона, политика – это искусство правления, а политик тот, кто ею обладает. Именно в единоличном правлении совершенного правителя-политика или царя-философа мыслитель видит совершенное государственное устройство.

А после того, как мыслитель, приняв во внимание законность и противозаконие, делит надвое и демократию, то в результате получается уже не пять видов как прежде, а шесть, *«правильное же государственное правление будет стоять особняком и будет седьмым по счету»* [20]. Напомним, что подобное мнение также поддерживалось некоторыми досократиками. Так, например, Гераклит настаивал, что *«один для меня – десять тысяч, если он – наилучший»* [21], а, согласно Демокриту, *«по самой природе управлять свойственно лучшему»* [22].

Тем временем, софист Калликл считал более предпочтительней аристократическую форму правления. Его враждебное отношение к демократии выражалось в противопоставлении законов и обычаев полиса естественному праву. *«Но, по-моему, – утверждал он, – законы как раз и устанавливают слабосильные, а их большинство»* [23]. Довольно отчетливо о своих аристократических предпочтениях высказывался также Псевдо-Ксенофонт. В силу своего критического отношения к демократии его памфлет начинается следующими словами: *«Что касается государственного устройства афинян, то, если они выбрали свой теперешний строй, я не одобряю этого по той причине, что, избрав себе его, они тем самым избрали такой порядок, чтобы простому народу жилось лучше, чем благородным. Вот за это-то я и не одобряю его»* [24]. Заметим, что гораздо раньше идеологом правления аристократического меньшинства, в противоположность демократии и иным конституциям, выступал известный греческий философ и математик Пифагор.

Из вышеприведенных мнений видно, что среди политических мыслителей Древней Греции многие отдавали предпочтение правлению одного наилучшего или немногих аристократов. Впрочем, были и те, которые вообще не придерживались какой-либо формы правления, отвергая все их разом.

Такая апатия, например, была свойственна представителям кинической школы, основателем которой считается Антисфен Афинский. Однако отметим, что некоторые идеи кинизма были довольно созвучны с демократическими признаками равенства и свободы.

Будучи незаконнорожденным, Антисфен, *«высмеивая тех афинян, которые гордились чистотою крови, заявлял, что они ничуть не родовитее улиток или кузнечиков»*, тем самым, выступая за естественное равенство людей [25]. Он не ставил различия между полноправными гражданами и метеками, свободными и рабами. Кроме того, важное значение в кинической философии отводилось свободе, и в частности – к свободе слов (*parrhesia*), сформулированное учеником Антисфена Диогеном Синопским [26].

Несмотря на то, что основополагающими принципами их философии являлась жизнь, согласная с добродетелью [27] и свободой, подобное мировоззрение никак не проявлялось в каких-либо политических предпочтениях и носило чисто индивидуалистический характер. Их безразличие к политике и демократии, в частности, выражалось даже не в скептическом, а скорее, в их издевательском отношении к народному собранию. Так, Антисфен *«советовал афинянам принять постановление: “Считать ослов конями”»* [28].

Свою особенность также имели политические взгляды и представления известнейшего греческого историка Фукидида. Несмотря на свое критическое отношение к демократии, о чем отмечалось выше, историк все же видел необходимость участие всех граждан в политическом обсуждении и важность решения народного большинства [29].

Для Фукидида, принадлежащего к аристократическому сословию, историческим примером лучшей формы правления являлось полисное устройство, установившееся в Афинах после отстранения от власти участников олигархического переворота «Четырехсот» в 411 г. до н.э. По его мнению, этот государственный строй (по крайней мере, в ранний период) представлялся наилучшим для афинян – тем, что представлял благоразумное смешение олигархии и демократии [30]. Очевидно, что выбор некоего среднего между демократией и олигархией, не только говорит об умеренности политических взглядов Фукидида, но и о его негативном отношении к крайностям. Скорее всего, греческий историк был одним из первых, кто отдавал предпочтение смешанной форме правления, что также было свойственно Аристотелю, о чем речь пойдет чуть ниже.

Тем временем, в речи «Ареопагитик», посвященной внутренней организации Афинского полиса, Исократ берет за лучшее государственное устройство «политию» (πολιτεία), которая имела определенное научное хождение в среде аттических мыслителей.

Изначально термин используется оратором для обозначения государственного устройства полиса в целом. Исократ отмечает: *«Полития – душа города. <...> Это ей служат и законы, и ораторы, и рядовые граждане; и каждый из них поступает хорошо или плохо в зависимости от своей политики»* [31]. Несмотря на то, что вначале политика трактуется им достаточно широко, в результате он сводит ее к двум демократическим формам политики – «настоящей», свидетелем которой он был сам, и политике «прошлого», завещанной предками.

Характеризуя первую из них, он с возмущением заключает, что нынешняя политика извращена. Определенно, симпатии мыслителя не на стороне крайней демократии, которая установилась в Афинах при его жизни после Пелопонесской войны и низвержения «Тридцати тиранов». Его предпочтения, напротив, обращены в прошлое, к умеренной политике его предков, которую он яростно защищает, тем самым противопоставляет эти два вида [32].

По сути, Исократ является сторонником умеренной, цензовой демократической политики, существовавшей в прошлом, и не скрывает своего крайне враждебного отношения к ее радикальным проявлениям, объясняя это так: *«Я одобряю равноправие и демократию, но не любую, а лишь хорошо организованную, созданную не как попало, но на справедливой и разумной основе»* [33].

Помимо Исократ, термин «полития» встречается также у его современника – Аристотеля, рассмотрение политических предпочтений которого лучше всего начать с уточнения самого предмета исследования.

Согласно Стагириту, государственное устройство (politeia) означает то же, что и порядок государственного управления, при котором верховная власть принадлежит либо одному, либо немногим, либо большинству. В этой связи он выделяет царскую власть, аристократию

и политию (смешение олигархии и демократии), считая их правильными, так как они руководствуются общей пользой, в противоположность тирании, олигархии и демократия, которые он считает отклонениями [34].

Собственно говоря, ошибочно полагать, что такое обобщение трех выделенных отклонений означает их простое уравнивание. Напротив, мы видим, что Аристотель ни только не склонен к этому, но и подчеркивает их сравнительные отличия. *«Таким образом, – заключает он в четвертой книге «Политики», – тирания, как наихудший из видов государственного устройства, отстоит далее всего от самой его сущности; к ней непосредственно примыкает олигархия (аристократия далеко не то же, что олигархия); наиболее же умеренный из отклоняющихся видов – демократия»* [35].

Уточнив отношение философа к указанным отклонениям, остается определить конституцию, которой он отдает большее предпочтение, при этом ясно понимая, что этот выбор должен быть ограничен одним из правильных форм государства. В пользу такой позиции говорит и сам Аристотель: *«Из трех видов государственного устройства, какие мы признаем правильными, наилучшим, конечно, является тот, в котором управление сосредоточено в руках наилучших»* [36]. Согласимся, что данное суждение, скорее всего, обязывает признать за аристократией политические предпочтения мыслителя, поскольку правление наилучших традиционно принято относить именно к ней [37]. Но оказывается, что такой вывод делать рано, так как признавая за *«олигархией – такой строй, при котором власть находится в руках людей богатых и благородного происхождения и образующих меньшинство»* [38], мыслитель практически стирает качественное различие между ней и аристократией, тем самым соглашаясь, что при такой олигархии правление также может принадлежать наилучшим. Очевидно, что данное умозаключение входит в известное противоречие с предложенным Аристотелем делением государственных устройств на правильные (как аристократия) и отклонения (как олигархия).

Вообще, складывается впечатление, что чем больше мы стремимся определить предпочтительную для Аристотеля форму государственного правления, тем более запутываемся в его мыслях. Да и сам философ осознает, что *«нелегко при исследовании определить, кому должна принадлежать верховная власть в государстве»* [39]. Так, например, если, следуя за Стагиритом признать, что главными являются демократия и олигархия [40], то возникает очередное затруднение, ибо он же утверждает, что от законов олигархических или демократических нет пользы при решении упомянутых затруднений [41].

Очередное противоречие собственному требованию можно также найти в следующем высказывании, где Аристотель допускает, что *«предпочтительнее, чтобы верховная власть находилась в руках большинства, нежели меньшинства, хотя бы состоящего из наилучших»* [42]. Однако, как отмечалось, для философа из Стагиры демократия лишь предпочтительней из отклонений, а не вообще. Посему, видя предрасположенность к демократии не исключает также критических рассуждений о ней [43]. Но на этом мыслитель не останавливается и вслед за демократией, с тех же позиций подвергает критическому осмыслению не только тиранию, что вполне очевидно, но, соответственно, олигархию, аристократию и царскую власть [44]. В результате из шести рассматриваемых видов устройств он исключает пять, тем самым оставляя политику в «гордом одиночестве».

Необходимо обратить внимание, что вышеприведенные и зачастую противоположные суждения способны создать ложное впечатление непоследовательности философа. Напротив, все это показывает сложный мыслительный процесс, в результате которого Аристотель, критически осмысляя различные виды правления, посредством сравнения, противопоставления и исключения останавливается на политике, предполагая ее превосходство над остальными.

Мыслитель акцентирует свое внимание на существовании в любом государстве очень состоятельных, крайне неимущих и стоящих между ними людей среднего достатка, которым он отдает предпочтение, считая умеренность и среднее наилучшей [45] добродетелью [46].

Принимая данную парадигму за основу в изысканиях наилучшей формы государственной власти, он заключает, что *«наилучшее государственное общество – то, которое достигается посредством средних»*. Ибо, *«когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием противоположных крайностей»* [47]. А если учесть, что полития *«в его целом является не демократией и не олигархией, но средним между ними»* [48], то вектор его мысли, становится более чем понятен.

Разумеется, что политический выбор Аристотеля «падает» именно на политию как смешанную форму олигархии и демократии [49]. Основная причина состоит в осознанной угрозе вырождения каждой в свою крайность, и мыслитель при помощи их смешения стремится избавить государство от опасного недуга, тем самым отмечая свое отрицательное отношение к любой из крайностей. Кроме того, будучи уверенным, что государство создается для общего блага, то, в его понимании, именно полития может в достаточной степени реализовать требуемое начало и, тем самым, удовлетворить интересы и богатых, и неимущих [50]. Стало быть, в идеале, полития должна обеспечить интересы не только зажиточного класса и малоимущих, но и граждан среднего достатка.

В целом, политические работы Аристотеля можно считать неким обобщением политико-философской мысли классического периода древнегреческой истории, который заканчивается Ламийской (Эллинской) войной (323–322гг. до н.э.). В результате, Афины утратили свою независимость, что также привело к падению демократического строя.

Таким образом, бывшее величие Афин было безвозвратно утрачено. Потеря самостоятельности, социально-политический кризис и упадок древнегреческих полисов того времени нашло свое выражение в философских воззрениях Эпикура. В основу своего учения он ставит атараксию, суть «безмятежность», душевное спокойствие и отсутствие страданий [51], в чем проявляется индивидуалистический характер его этики.

Важнейшим условием безмятежной и спокойной жизни, по Эпикуру, является обеспечение безопасности [52]. Вопреки собственному утверждению о том, что *«безопасность от людей до некоторой степени достигается с помощью богатства и силы, на которую можно опереться... и удаления от толпы»* [53], философ все же видит ее осуществление, прежде всего, в «договоре о пользе» *«цель которого не причинять и не терпеть вреда»* [54]. Скорее всего, подобная договорная идея предполагала правовое равенство участников соглашения, а, следовательно, может трактоваться в духе демократического начала.

Несмотря на это, эпикурейской философии было свойственна аполитичность. В ней мы находим призывы к неучастию в общественных делах [55]. Согласно Плутарху, Эпикур также был полон скептицизма относительно стремления к власти [56].

Следует учесть, что имеющиеся научные материалы не дают нам ясного понимания политических предпочтений Эпикура. Вероятнее всего, он был противником крайней демократии, которой свойственно безрассудство толпы. О последней он говорил: *«Я никогда не стремился нравиться толпе»* [57]. А если принять во внимание присущий его учению индивидуализм в корреляции с общественно-договорной концепции права, то его можно отнести к сторонникам умеренной демократии, обеспечивающей равенство политических и индивидуальных прав.

Кроме того, важнейшим философским учением эллинистического периода являлся стоицизм, основателем которого считается Зенон Китийский. Известными представителями стоической школы являлись Клеанф, Хрисипп из Сол, Аристон Хиосский и др.

Согласно стоическому мировоззрению, *«конечная цель – это жить согласно с природой, и это то же самое, что жить согласно с добродетелью»* [58]. Если сказать проще, «жить согласно природе» означает жить согласно или в согласии с Богом. При этом стоики выделяли главные и подчиненные им добродетели. К первым они относили разумность, здравомыслие, мужество и справедливость [59]. Среди целого ряда подчиненных добродетелей обращает на себя внимание

«забота об общем благе – знание о равенстве в обществе» [60], что, несомненно, говорит в пользу демократических предпочтений стоического учения. К тому же, Хрисипп настойчиво подчеркивал, что *«ни одна вещь в такой степени не подобна другой, так не равна ей, в какой все мы подобны и равны друг другу»* [61].

Но оказывается, что выводы относительно демократических предпочтений стоиков не столь очевидны, поскольку Зенон и его последователи полагали, что существует два рода людей – достойные и негодные. Достойные люди проводят свою жизнь добродетельно, ведут себя мудро и здраво, а негодные – порочно. При этом достойные действуют со знанием жизни и лучше всех разбираются в управлении государством, а у негодных – все наоборот [62].

По сути, представленная позиция вполне может трактоваться в пользу как аристократического, так и царского правления, в противоположность демократии. *«Ведь и Зенон, заботясь, как и всякий другой, о добродетели, смело высказался о том, что дурные люди не равны в правах с хорошими»* [63]. Между тем следует принять во внимание, что *«Хрисипп в сочинении “О добродетелях” называет благородное происхождение отбросами и отходами равенства»* [64]. Хотя данное суждение несообразно аристократии, оно все же не дает полного права утверждать, что такое устройство отвергалось стоиками.

При этом, согласно Зенону и стоическому учению в целом, абсолютная добродетель свойственна лишь мудрецу, который не ошибается [65] и *«только мудрец свободен и является правителем»* [66]. Самоочевидно, что стоики отнюдь не исключали и даже приветствовали единовластие мудреца.

Обобщая вышеизложенное, следует признать, что политические предпочтения стоиков не сводятся к какому-либо отдельному государственному устройству. С одной стороны, они были привержены демократическому равенству, с другой – аристократическим привилегиям добродетельных над негодными, а с третьей – отмечали необходимость единовластного правления мудреца. Таким образом, будет объективно согласиться с Диогеном, что *«наилучшим государственным*

правлением они считают смешанное из народной власти, царской власти и власти лучших людей» [67].

Идеи древнегреческих стоиков имели значительное влияние на последующие поколения мыслителей, одним из которых являлся известный греческий историк Полибий. Переняв некоторые идеи Платона, Аристотеля и стоиков, Полибий разрабатывает свое политико-правовое учение о лучшей форме правления. Центральное место в его политической философии отводится принципу сменяемости, т.е. перехода одного государственного устройства в другое. В основе самого принципа заложена идея неустойчивости каждой отдельной конституции, что, в результате, и приводит к вырождению одной в другую.

Но прежде, чем Полибий приходит к указанному утверждению, он, как и многие различает три формы государственного устройства: царскую власть, аристократию и демократию. Далее он признает существование еще трех форм государственного устройства, разумея монархию, олигархию, охлократию [68].

Внеся соответствующие уточнения, мыслитель рассматривает последовательный переход одной формы государственного устройства в другое. По его мнению, прежде всего, возникает единовластие, из которого образуется царство. Когда впоследствии царское управление переходит в тиранию, то на ее развалинах вырастает аристократия, которая со временем по закону природы вырождается в олигархию. После свержения последней нарождается демократия, которая, по причине необузданности народной массы и пренебрежения к законам, с течением времени порождает охлократию [69].

Таким образом, Полибий признает три наилучшие формы государственного правления, каждой из которых присуще от природы некая извращенная форма, а именно: царской власти соответствует тирания или самодержавие, аристократии – олигархия, а демократии – охлократия. Как сообщает мыслитель: *«В эти-то формы с течением времени неизбежно переходят поименованные выше государственные устройства, как мы только что разъяснили»* [70].

Разумеется, что причиной такого перехода, Полибий, ссылающегося на опыт Ликурга, видит именно в неустойчивости каждого государственного строя, который зиждился на каком-либо одном начале. С его слов мы делаем вывод, что проблема неустойчивости отдельных форм правления была настолько глубоко осмысленна Ликургом, что при реформировании спартанского законодательства он установил в Лакедемонии безупречную форму правления [71]. Выходит, что, по мнению Полибия, безупречной формой правления является смешение трех начал: царского, аристократического и демократического. Этим и объясняется его положительная оценка современного ему римского государственного устройства [72].

Политические мысли Полибия, наряду с идеями Сократа, Платона, Аристотеля и стоиков, нашли свое место в философских воззрениях римского политического деятеля, оратора и мыслителя периода республики – Цицерона.

Рассмотрение интересующего нас предмета он начинает с «республики» как основополагающего понятия его политической философии. В диалоге «О государстве» мыслитель отмечает, что всякий народ и всякая гражданская община, представляющая собой такое объединение многих людей, является народным установлением и есть народное достояние [73]. Вслед за греческими мыслителями Цицерон сообщает, что управление гражданской общиной следует: *«поручать либо одному человеку, либо нескольким выборным или же его должно на себя брать множество людей, то есть все граждане. И вот, когда верховная власть находится в руках у одного человека, мы называем этого одного царем, а такое государственное устройство – царской властью. Когда она находится в руках у выборных, то говорят, что эта гражданская община управляется волей оптиматов. Народной же (ведь ее так и называют) является такая община, в которой все находится в руках народа»* [74].

Дав довольно сдержанную оценку всем трем видам государства, из которых народное правление оказывается крайней, Цицерон переходит к рассмотрению их недостатков, а если по тексту – пороков. «Но

при царской власти, – замечает мыслитель, – все прочие люди совсем отстранены от общего для всех законодательства и принятия решений, да и при господстве оптиматов народ едва ли может пользоваться свободой... а когда все вершится по воле народа, то, как бы справедлив и умерен он ни был, все-таки само равенство это не справедливо, раз при нем нет ступеней в общественном положении» [75].

Еще одной проблемой, которую он поднимает немного позже, является вырождение одного вида государства в свою противоположность или в другую форму правления, что, само по себе, говорит о недостаточной устойчивости каждой из отмеченных государственных устройств [76]. Приняв во внимание указанные сложности и стремясь уберечь государство от излишних потрясений и пагубных последствий политической борьбы, он приходит к неизбежности соединения всех трех видов правления в единый, четвертый вид [77]. Именно в смешении основных элементов трех различных видов государственных устройств, по мнению Цицерона, заключалась формула устойчивости политической системы Рима. Таким образом, солидаризируясь с Полибием и стоиками, Цицерон признает наилучшим устройством государства смешанную форму правления, соединяющую власть царя, оптиматов и народа [78]. При этом он не скрывает, что *«если бы понадобилось выбрать какой-нибудь один строй в чистом виде, то я одобрил бы царскую власть [и поставил бы ее на первое место]»* [79].

Однако непросто понять предпочтения римского мыслителя в отрыве от политических событий, активным участником которых был он сам. Как известно, на тот момент римская республика находилась в тяжелом кризисе и неустанно двигалась в сторону единовластия, что и вызывало тревогу Цицерона, выступавшего на стороне республики. Он непреклонно был убежден, что *«где существует тиран, там... вообще не существует никакого государства»* [80]. Несомненно, философ был традиционным республиканцем, который не поддержал как триумvirат Цезаря, Помпея и Красса, так и последовавший позже режим личной диктатуры. В то же время, безотносительно к тому, что государство является достоянием народа, Цицерон отдает народному

правлению последнее место в ряду предпочтений, ибо именно этот третий вид, по его мнению, и есть самое дурное государство, наименее всего заслуживающего одобрения [81].

Здесь как нельзя лучше подходит критическое высказывание Сенеки, одного из виднейших представителей римского стоицизма, в адрес демократии: *«Не настолько хорошо обстоят дела с человечеством, чтобы большинство голосовало за лучшее: большая толпа приверженцев всегда верный признак худшего»* [82].

Следуя стоической традиции, Сенека считает, что *«человек – разумное существо; значит, для него высшее благо – выполнять то, ради чего он рожден. А что требует от него разум? Ничего трудного: только жить согласно своей природе»* [83].

Как отмечалось ранее, многие греческие стоики считали несправедливым правовое равенство между дурными и хорошими. Несмотря на это, в рамках стоицизма все же развивалась идея стремления к равенству. Так, например, данный принцип находит выражение в «Размышлениях» Марка Аврелия, где римский император говорит *«о государстве, с законом, равным для всех, где признаются равенство и равное право на речь»* [84]. В то же время Сенека полон скептицизма относительно равенства прав в обществе. Он настаивает, что благороден лишь тот, *«кто имеет природную склонность к добродетели»* [85], а поскольку *«добродетель есть нечто высокое, величественное и царственное»* [86], что несвойственно каждому, то люди не равны. Таким образом, он отрицает важнейший признак демократического устройства государства. Он также считает пороком, *«прилаживаться к примеру большинства»*, объясняя это тем, что *«мы удаляемся от природы и предаемся толпе, от которой ничего хорошего исходить не может, которая и тут, как во всем прочем, непостоянна»* [87].

Заметим, что его политические предпочтения складывались под влиянием, как минимум, трех значимых факторов. Первый из них сводился непосредственно к стоическому учению об идеальном образе мудреца, ведь *«мудрец сообразуется с природой»* [88]. Второй фактор заключался в его активной политической деятельности, что налагало

на него, как политика, признание единодержавия римского императора. А третий аспект состоял, скорее, в надежде, что его ученик – молодой император Нерон, станет воплощением этих двух начал, чему Сенека посвятил свой трактат «О милосердии» [89]. Здесь он рисует образ мудрого, справедливого и милосердного правителя Рима. Мудрого, *«поскольку царское достоинство изобретено природой»* [90], справедливого, ибо *«принцепс обязан поэтому с предельным великодушием использовать данное Небом право казнить и миловать»* [91] и милосердного, ведь милосердие к лицу царю или императору, а *«высшая власть служит к украшению и славе, когда сила ее спасительна»* [92]. При этом Сенека далек от признания единовластия *«которое всего более почитает свободу подданных»* [93], на чем настаивал Марк Аврелий.

Заключение

В работе были исследованы политические предпочтения примерно двух с половиной десятков представителей античной философской мысли. На основе предметного изучения их суждений и позиций относительно наилучшей формы правления можно констатировать, что во многих случаях мы сталкиваемся с неопределенностью их выбора.

Так, например, из вышеприведенных суждений Гераклита Эфесского видно, что он являлся сторонником правления наилучшего из граждан, так сказать просвещенного единовластия. В то же время следует обратить внимание на высказывание Гераклита, что *«за закон народ должен биться, как за городскую стену»* [94]. Следовательно, мыслитель допускал участие народа в законотворческой деятельности или в определенном воздействии на процесс принятия политических решений, что вполне можно трактовать в пользу демократического участия. Между тем, нет достаточных оснований отнести его к сторонникам народного правления.

По-иному обстоят дела с политическим выбором Антифонта. Вопреки тому, что софист признавал равенство эллинов и варваров, во

время переворота «Четырехсот» он выступил на стороне олигархии против демократии [95]. Получается, что демократические суждения Антифонта не следует принимать за данность, так как на деле, он проявил себя приверженцем олигархии, а не демократии.

Очевидно, что двойственность политических взглядов была свойственна как Сократу, так и Платону. Однако осмысление приоритетов никак не повлияло на их негативное отношение к демократии.

Итак, принимая во внимание присущую Гераклиту, Антифону, Сократу и Платону неопределенность политических предпочтений, все же имеется достаточно оснований отнести их к противникам демократии, наряду с Пифагором, софистом Калликлом, Псевдо-Ксенофонтом и Сенекой. Впрочем, мы считаем, что список может быть дополнен также Ксенофонтом, который, скорее всего, после смерти Сократа умышленно избегал публично высказываться о своей политической ориентации. Тем не менее, содержание ряда его трактатов – таких, как «Гиерон», «Лакедемонское государство» и, естественно, «Воспоминания о Сократе», явно выдают его крайне негативное отношение к демократии.

К тому же, напомним, что, несмотря на аполитичность кинической школы, Антисфену Афинскому и Диогену Синопскому была свойственна критика и сарказм в адрес демократии, что дает нам право их также причислить к лагерю противников демократии.

Возможно, что к противникам демократии следовало было бы отнести Демокрита, Фукидида, Аристотеля, Исократа и некоторых других мыслителей, но как это не парадоксально, именно из особенности критики возникает различие между противниками и сторонниками демократии.

Как видно из ранее приведенных суждений, на фоне положительного высказывания о демократии, Декорит все же считал, что по природе должен управлять лучший. Но философ из Абдеры, скорее всего, был противником радикальной демократии, а не той, что основана на законе и управляется лучшими гражданами. В пользу этого тезиса говорит его замечание к тому, что если хороший гражданин «...пренебре-

гает общественными делами, то он приобретает дурную репутацию, даже если он ничего не ворует и [вообще] не совершает никакой несправедливости» [96]. Очевидно, что его требование относится ко всем добропорядочным гражданам, а не только к аристократии.

Не менее интересна в контексте критического осмысления демократии позиция Фукидида и Аристотеля, предпочтения которых были на стороне смешанной формы олигархии и демократии. Между тем, чтобы верно понять их отношение непосредственно к демократии, следует уточнить суть этих политических устройств, которые не представлены достаточно определенно.

Если обратиться к главе 41 «Афинской политики» Аристотеля, где в хронологическом порядке сжато представлен обзор политических преобразований в Афинах, то видно, что предпочитаемая Фукидидом смешанной форме правления соответствует девятое преобразование, которое определяется Стагиритом как демократия [97]. Очевидно, что предпочитаемая Фукидидом конституция представляется как ограниченная демократия, которой свойственно цензовое ограничение на замещение должностей, что являлось характерной особенностью политики Аристотеля, в том смысле, что при ее осуществлении народная масса распределяет государственные должности среди состоятельных людей согласно с их заслугами [98]. Относительно же самой политики, он вносит ясность, отмечая, что *«древние называли демократиями те виды государственного строя, которые мы теперь называем политиями»* [99]. Тем самым, мыслитель подтверждает ранее высказанную мысль, что *«те виды государственного строя, которые имеют уклон в сторону демократии, обычно называются политиями, а те, которые склоняются скорее в сторону олигархии, обыкновенно именуется аристократиями...»* [100]. Из слов Аристотеля выходит, что его полития, пожалуй, более демократична, нежели олигархична, а если точнее, речь идет об ограниченной демократии, чем об умеренной олигархии.

Бесспорно, что философ стремился к такому смешению двух видов государственных устройств, чтобы не было уклона ни в одну сторону [101]. Однако позволим себе отметить, что совершенно равное

смешение нескольких форм правления в одну, к чему стремится Аристотель, сложно осуществимо, что, не без оснований, признает им самим [102]. По сути, получается, что любая смешанная конституция будет иметь уклон в сторону одной из форм правления и/или представлять собою один из их видов. Например, обращаясь к четырем аристотелевским видам демократии, легко понять, что его полития, по сути, очень схожа и даже идентична с первым видом, представляющим собою умеренную форму демократии [103]. То же самое можно сказать и о рассматриваемых Исократом политиях, которые соответствуют двум видам демократии. Первая – современная, которую он подвергал критике из-за ее крайних проявлений, а вторая – ограниченная или цензовая демократия предков, которая им восхвалялась как наилучшая. Следовательно, мы имеем дело с различными видами демократии. В этом смысле, довольно примечательно мнение английского историка Лорда Актона. Осмысляя равное смешение трех принципов правления, он приходит к выводу, что *«...гармоническое слияние монархии, аристократии и демократии, представлявшееся многим из этих писателей идеалом, осуществленным, как они полагали, в Спарте, Карфагене и Риме, осталось химерой философов и не было воплощено в античные времена. Наконец, умнейший из них, Тацит, признал, что как ни замечательна смешанная конституция в теории, но построить на ее основе государство крайне затруднительно, а сохранить его – невозможно»* [104].

И в самом деле, на практике все оказывается иначе. Так, если соединить различные свойства, предположим, демократии и олигархии, то, в результате, скорее получится не смешанная конституция, а какой-то вид демократии или олигархии. Все зависит от организации и функционирования системы государственной власти.

Здесь принципиально важно понимание, что, хотя теоретические предпочтения многих античных мыслителей были на стороне различных смешанных политических систем, но на практике все они в той или иной степени имели уклон и могли быть сведены к какому-либо из форм государственного устройства. По сути, об этом же говорит и

Гуго Гроций в трактате «О праве войны и мира»: *«Здесь я отнюдь не могу сослаться на авторитет Полибия, относящего Римское государство к разряду государств со смешанной формой правления, поскольку в то время, если иметь в виду не фактический порядок, но правовые основания государственной деятельности, оно было чисто народным, ибо и власть сената, выражавшего участие знатных в правлении, и консулов, по его мнению, имевших почти царскую власть, была подчинена народу. То же относится и к мнению других авторов политических рассуждений, которые предпочитают довольствоваться внешней формой повседневной административной практики, нежели вникать в самые права верховной власти в соответствии с сущностью государственного строя»* [105].

Из приведенного суждения Гроция проистекает следующее: несмотря на сложно функционирующую политическую систему, Римская республика представляла собой ограниченную демократию. А если учесть, что Полибий и Цицерон одобряли такую конституцию, то их, хотя и с некоторыми оговорками, можно отнести к сторонникам умеренной демократии, учитывая их критику абсолютного народо-властия. Кстати, данный вывод справедлив и для стоической школы, где уважение к достойным и образ мудрого и справедливого правителя вполне перекликаются со стремлением к равенству в обществе.

Исходя из такой логики, список может быть расширен Демокритом, Фукидидом, Исократом и Аристотелем. Это объясняется тем, что политические предпочтения вышеуказанных мыслителей формировались в контексте критических оценок именно крайней, а не ограниченной демократии, которая представлялась ими как смешанная система. К сторонникам умеренной демократии также относятся Протагор, Геродот, Эсхин [106], Эпикур и Марк Аврелий. Даже такие ярые поборники народной власти, как Лисий [107] и Демосфен [108], все же придерживались умеренности – тем, что признавали цензовую демократию, установленную их предками. Возможно, единственный из греческих мыслителей, чьи воззрения можно рассматривать как крайнюю позицию, являлся Алкидам Элейский, софист младшего поколения.

Он высказывал поистине утопические для своего времени требования, а именно уничтожение института рабства, тем самым развивая мысль о естественно-правовом равенстве всех людей [109].

В результате исследования было достаточно наглядно проиллюстрировано, что поиск наилучшей формы правления для абсолютного большинства политических мыслителей был непосредственно сопряжен с критическим осмыслением демократии. Между тем, рассматривая критику через призму политических предпочтений, можно выявить заметное различие между противниками и сторонниками демократии. Дело в том, что первые критически относились к любой форме демократии, тогда как вторые, негативно высказываясь о крайней, видят в умеренной демократии реализацию наилучшего правления. Таким образом, получается, что одни выступали против демократии вообще, в то время как другие – по большей части против радикальных форм осуществления власти народа, в противоположность умеренной. Кроме того, заметим, что, несмотря на изобилие критики народовластия в сравнении с положительными оценками, при ее рассмотрении в контексте политических взглядов оказывается, что указанное соотношение меняется в пользу народного правления. Обращает на себя внимание и то, что среди такого множества мыслителей трудно вообще найти того, кто восхвалял бы крайнюю демократию, в то время как практически все положительные оценки демократии относились к ее ограниченной форме. Несомненно, что данное заключение делает гораздо более отчетливыми наши представления об античном понимании демократии, где ее положительный образ коррелировался с умеренностью.

Что касается непосредственно политических предпочтений античных мыслителей, то в этой связи, во-первых, была затронута и проанализирована важная проблема неустойчивости смешанных политических систем. Во-вторых, отмечено отсутствие единодушия относительно наилучшей формы правления как некой универсальной конституции формирования и отправления политической власти. В-третьих, было показано, что понимание политических предпочтений

многих мыслителей древности усложняется их неоднозначными и зачастую противоположными суждениями относительно одной и той же формы власти, что приводит к неопределенности их политического выбора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маковельский А.О.* Софисты. Антифонт. Вып. 2. Баку, 1941. С. 46.
2. *Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. Демокрит* // Общ. ред. и вступ. статья М.А. Дынника. М.: «Госполитиздат», 1955. С. 168.
3. *Демосфен.* Речи: В 3-х т. Т. I / Отв. ред. Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов. М.: «Памятники исторической мысли», 1994. С. 151.
4. *Фукидид.* История / Отв. ред. Я.М. Боровский. Л.: «Наука», 1981. С. 302.
5. *Аристотель.* Афинская полития. Государственное устройство афинян. 2-ое изд. / Пер. и примеч. проф. С.И. Радцига. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1937. СС. 232–233.
6. *Геродот.* История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратановского, под общей редакцией С.Л. Утченко. Л.: «Наука», 1972. СС. 164–165.
7. Там же. СС. 165–166.
8. *Платон.* Государство. Сочинения в 3-х т. Т. 3. Ч. 1 / Пер. с древнегреч. Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Ред. В.Ф. Асмус. М., «Мысль», 1971. С. 241. СС. 357–358.
9. Там же. С. 360.
10. Там же. С. 413.
11. Там же. С. 356.
12. Там же. СС. 241–242.
13. *Платон.* Политик. Сочинения в 3-х т. Т. 3. Ч. 2 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Пер. с древнегреч. М.: «Мысль», 1972. СС. 55–56.
14. Там же. С. 57.
15. Там же. С. 58.
16. Там же. С. 67.
17. *Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. Демокрит* // Общ. ред. и вступ. статья М.А. Дынника. М.: «Госполитиздат», 1955. С. 168.
18. *Платон.* Политик. Сочинения в 3-х т. Т. 3. Ч. 2. / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Пер. с древнегреч. М.: «Мысль», 1972. С. 58.

19. Там же. С. 70.
20. Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. Гераклит / Общ. ред. и вступ. статья М.А. Дынника. М.: «Госполитиздат», 1955. С. 45.
21. Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. Демокрит / Общ. ред. и вступ. статья М.А. Дынника. М.: «Госполитиздат», 1955. С. 168.
22. Платон. Политик. Сочинения в 3-х т. Т. 3. Ч. 2 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Пер. с древнегреч. М.: «Мысль», 1972. С. 71.
23. Платон. Горгий. Сочинения в 3-х томах. Т. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Пер. с древнегреч. Ред. и вступит. статья А.Ф. Лосева. М.: «Мысль», 1968. СС. 307–308.
24. Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян. 2-ое изд. / Пер. и примеч. проф. С.И. Радцига. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 223.
25. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Общ. ред. и вступит. статья А.Ф. Лосева. М.: «Мысль», 1979. С. 234.
26. Там же. С. 256.
27. Там же. С. 268.
28. Там же. С. 236.
29. Фукидид. История / Отв. ред. Я.М. Боровский. Л.: «Наука», 1981. С.280.
30. Там же. С. 395.
31. Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М.: «Наука». Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 205.
32. Там же. С. 205.
33. Там же. С. 211.
34. Аристотель. Политика. Аристотель. Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. С. 457.
35. Там же. С. 489.
36. Там же. С. 484.
37. Там же. С. 501.
38. Там же. С. 492.
39. Там же. С. 462.
40. Там же. С. 491.
41. Там же. С. 463.

42. Там же. СС. 463–464.
43. Там же. СС. 462–463.
44. Там же. С. 463.
45. Там же. С. 507.
46. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. С. 86.
47. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. С. 508.
48. Там же. С. 417.
49. Там же. С. 502.
50. Там же. С. 503.
51. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Общ. ред. и вступ. статья А.Ф. Лосева. М.: «Мысль», 1979. С. 436.
52. Там же. С. 438.
53. Там же. С. 439.
54. Там же. С. 440.
55. Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. Эпикур // Общ. ред. и вступ. статья М.А. Дынника. М.: «Госполитиздат», 1955. С. 222.
56. Там же. С. 236.
57. Там же. С. 231.
58. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Общ. ред. и вступит. статья А. Ф. Лосева. М.: «Мысль», 1979. С. 295.
59. Фрагменты ранних стоиков. Т. 3. ч. 1. Хрисипп из Сол / Пер. и комментарии А.А. Стоярова. М.: «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина», 2007. С. 101.
60. Там же. СС. 101–102.
61. *Цицерон*. Диалоги. О государстве. О законах / Пер. В.О. Горенштейна, прим. И.Н. Веселовского и В.О. Горенштейна, С.Л. Утченко. Отв. ред. и послесл. С.Л. Утченко. М.: «Наука», 1966. С. 98.
62. Фрагменты ранних стоиков. Т. 1. Зенон и его ученики / Пер. и комментарии А.А. Стоярова. М.: «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина», 1998. С. 90.
63. Там же. С. 93.

64. Фрагменты ранних стоиков. Т. 3. ч. 1. Хрисипп из Сол / Пер. и комментарии А.А. Столярова. М.: «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина», 2007. С. 134.
65. Фрагменты ранних стоиков Т. 1. Зенон и его ученики / Пер. и комментарии А.А. Столярова. М.: «Греко-латинского кабинета Ю.А. Шичалина», 1998. С. 24.
66. Фрагменты ранних стоиков. Т. 3. ч. 1. Хрисипп из Сол / Пер. и комментарии А.А. Столярова. М.: «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина», 2007. С. 141.
67. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Общ. ред. и вступит. статья А.Ф. Лосева. М.: «Мысль», 1979. С. 308.
68. *Полибий*. Всеобщая история в 3-х т. Т. 2. (Кн. VI–XXV) / Пер. с греч. Ф.Г. Мищенко; Отв. ред. А.Я. Тыжов. Изд. 2-е, испр. СПб.: «Наука», 2005. СС. 8–9.
69. Там же. С. 9.
70. Там же. С. 13.
71. Там же.
72. Там же. С. 14.
73. *Цицерон*. Диалоги. О государстве. О законах / Пер. В.О. Горенштейна, прим. И.Н. Веселовского и В.О. Горенштейна, С.Л. Утченко. Отв. ред. и послесл. С.Л. Утченко. М.: «Наука», 1966. С. 21.
74. Там же. СС. 21–22.
75. Там же. С. 22.
76. Там же. С.С. 25, 30–32.
77. Там же. С. 23.
78. Там же. С. 26.
79. Там же.
80. Там же. С. 68.
81. Там же. С. 69.
82. *Сенека*. О блаженной жизни // Сенека Луций Анней. Философские трактаты / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. Т.Ю. Бородай. СПб.: «Алетейя», 2001. С. 14.
83. *Сенека Луций Анней*. Нравственные письма к Луцилию / Изд. подгот. С.А. Ошерова; Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: «Наука», 1977. С. 71.

84. *Марк Аврелий Антонин*. Размышления // Изд. подготовили А.И. Доватур, А.К. Гаврилов, Я. Унт. Изд. 2-е, испр. и доп. С.-Пб.: «Наука», 1993. С. 6.
85. *Сенека Луций Анней*. Нравственные письма к Луцилию / Изд. подгот. С.А. Ошерова; Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: «Наука», 1977. С. 74.
86. *Сенека*. О блаженной жизни // Сенека Луций Анней. Философские трактаты / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. Т.Ю. Бородай. СПб.: «Алетейя», 2001. С. 18.
87. *Сенека Луций Анней*. Нравственные письма к Луцилию / Изд. подгот. С.А. Ошерова; Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: «Наука», 1977. С. 249.
88. Там же. С. 32.
89. *Сенека Луций Анней*. О милосердии // Луций Анней Сенека; пер. с лат. М. Браша и др. СПб.: «Азбука», «Азбука-Аттикус», 2021. С. 199.
90. Там же. С. 220.
91. Там же. С. 223.
92. Там же. С. 202.
93. *Марк Аврелий Антонин*. Размышления / Изд. подготовили А.И. Доватур, А.К. Гаврилов, Я. Унт. Изд. 2-е, испр. и доп. С.-Петербург: «Наука», 1993. С. 6.
94. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Общ. ред. и вступит. статья А.Ф. Лосева. М.: «Мысль», 1979. С. 359.
95. *Фукидид*. История // Отв. ред. Я.М. Боровский. Л.: «Наука», 1981. С. 380.
96. Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. Демокрит / Общ. ред. и ступ. статья М.А. Дынника. М.: «Госполитиздат», 1955. С. 169.
97. *Аристотель*. Афинская полития. Государственное устройство афинян. 2-ое изд. / Пер. и примеч. проф. С.И. Радцига. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 56.
98. *Аристотель*. Политика. Аристотель Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. СС. 483–484.
99. Там же. С. 514.
100. Там же. С. 502.
101. Там же. С. 504.
102. *Аристотель*. Политика. Аристотель Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. С. 510.

103. Там же. С. 575.
104. *Лорд Актон*. Очерки становлении свободы: 2-е изд., доп. // Лорд Актон; пер. с англ. Ю. Колкера; предисл. О. Чадвика. М.; Челябинск: «Социум», 2016. С. 68.
105. *Гроций Гуго*. О праве войны и мира / Пер. с лат. и примеч. А. Л. Саккетти. Предисл. С. Б. Крылова. Вступит. ст. А.А. Желудков. М.: «Госюриздат», 1956. С. 141.
106. *Эсхин*. Против Ктесифонта о венке // Ораторы Греции: Пер. с древнегреч. // Сост. и науч. подгот. текстов М. Гаспарова; Вступ. статья В. Бо-руховича; Комментар. И. Ковалевой и О. Левинской. М.: «Худож. лит.», 1985. С. 162.
107. *Лисий*. Речи / Пер., статья, коммент. С.И. Соболевского; предисл. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. М.: «Ладомир», 1994. С. 61.
108. *Демосфен*. Речи: В 3-х т. Т. I / Отв. ред. Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов. М.: «Памятники исторической мысли», 1994. С. 145.
109. *Белох Ю.* Греческая история: в 2-х т. Т. 1. Кончая софистическим движением и Пелопоннесской войной / Юлиус Белох; пер. с нем. М.О. Гершензона; Гос. публ. ист. б-ка России. 3-е изд. / Под ред. и со вступ. ст. Ю.И. Семенова. М., 2009. С. 374.

REFERENCES

1. *Makovelsky A.* Sophists. Antiphon. Issue 2. Baku, 1941. P. 46.
2. Materialists of Ancient Greece: Collected Texts of Heraclitus, Democritus, and Epicurus. Democritus. // General editorship and step-by-step article by M.A. Dynnik. M.: “Gospolitizdat”, 1955. P. 168.
3. *Demosthenes*. Speeches: In 3 volumes. Vol. I / Responsible editors E.S. Golubtsova, L.P. Marinovich, E.D. Frolov. M.: “Pamyatniki istoricheskoi mysli”, 1994. P. 151.
4. *Thucydides*. History / Responsible editor Ya.M. Borovsky. Leningrad: “Nauka”, 1981. P. 302.
5. *Aristotle*. Athenian Polity. State Structure of the Athenians. 2nd ed. / Transl. and noted by prof. S.I. Radtsig. M.: State Social and Economic Publishing House, 1937. PP. 232–233.
6. *Herodotus*. History in Nine Books / Transl. and noted by G.A. Stratanovsky, ed. by S.L. Utchenko. Leningrad: “Nauka”, 1972. PP. 164–165.

7. Ibid. PP. 165–166.
8. *Plato*. Republic. Works in 3 volumes. Vol. 3, Part 1 / Transl. from Ancient Greek. General editors: A.F. Losev and V.F. Asmus. Ed. by V.F. Asmus. M.: “Mysl”, 1971. P. 241. PP. 357–358.
9. Ibid. P. 360.
10. Ibid. P. 413.
11. Ibid. P. 356.
12. Ibid. PP. 241–242.
13. *Plato*. Republic. Works in 3 volumes. Vol. 3, Part 1 / Transl. from Ancient Greek. General editors: A.F. Losev and V.F. Asmus. Ed. by V.F. Asmus. M.: “Mysl”, 1971. PP. 55–56.
14. Ibid. P. 57.
15. Ibid. P. 58.
16. Ibid. P. 67.
17. Materialists of Ancient Greece: Collected Texts of Heraclitus, Democritus, and Epicurus. Democritus / General editorial and step-by-step article by M.A. Dynnik. M.: “Gospolitizdat”, 1955. P. 168.
18. *Plato*. Politician. Works in 3 volumes. Vol. 3, Part 2. // General editorial by A.F. Losev and V.F. Asmus. Translated from Ancient Greek. M.: “Mysl”, 1972. P. 58.
19. Ibid. P. 70.
20. Materialists of Ancient Greece: Collected Texts of Heraclitus, Democritus, and Epicurus. Heraclitus / General editorial and step-by-step article by M.A. Dynnik. M.: “Gospolitizdat”, 1955. P. 45.
21. Materialists of Ancient Greece: Collected Texts of Heraclitus, Democritus, and Epicurus. Democritus / General editorship and introduction by M.A. Dynnik. M.: “Gospolitizdat”, 1955. P. 168.
22. *Plato*. Politician. Works in 3 volumes. Vol. 3, Part 2 / General editorship by A. F. Losev and V.F. Asmus. Translated from Ancient Greek. M.: “Mysl”, 1972. P. 71.
23. *Plato*. Gorgias. Works in 3 volumes. Vol. 1. General editorship by A.F. Losev and V.F. Asmus. Translated from Ancient Greek. Ed. and introduction. Article by A. F. Losev. M.: “Mysl”, 1968. PP. 307–308.
24. *Aristotle*. Athenian Polity. The State Structure of the Athenians. 2nd ed. / Translated and annotated by prof. S. I. Radtsig. M.: “State Socio-Economic Publishing House”, 1937. PP. 223.

-
25. *Diogenes Laërtius*. On the Lives, Teachings, and Sayings of Famous Philosophers / General editor and introduction. Article by A.F. Losev. M.: "Mysl", 1979. PP. 234.
 26. Ibid. Pp. 256.
 27. Ibid. Pp. 268.
 28. Ibid. Pp. 236.
 29. *Thucydides*. History / Ed. Ya. M. Borovsky. L.: "Nauka", 1981. P. 280.
 30. Ibid. P. 395.
 31. *Isaeva V.* Ancient Greece in the Mirror of Rhetoric: Isocrates. M.: "Science". Publishing firm "Eastern Literature". 1994. P. 205.
 32. Ibid. P. 205.
 33. Ibid. P. 211.
 34. *Aristotle*. Politics. Aristotle. Works: in 4 volumes. Vol. 4 / Translated from ancient Greek; General editor A. I. Dovatura. M.: "Mysl", 1984. P. 457.
 35. Ibid. P. 489.
 36. Ibid. P. 484.
 37. Ibid. P. 501.
 38. Ibid. P. 492.
 39. Ibid. P. 462.
 40. Ibid. P. 491.
 41. Ibid. P. 463.
 42. Ibid. PP. 463–464.
 43. Ibid. PP. 462–463.
 44. Ibid. P. 463.
 45. Ibid. P. 507.
 46. *Aristotle*. Nicomachean Ethics // Aristotle. Works: in 4 volumes. T. 4 / Trans. from ancient Greek; General ed. A.I. Dovatura. M.: "Mysl", 1984. P. 86.
 47. *Aristotle*. Politics // Aristotle. Works: in 4 volumes. T. 4 / Trans. from ancient Greek; General ed. A.I. Dovatura. M.: "Mysl", 1984. P. 508.
 48. Ibid. P. 417.
 49. Ibid. P. 502.
 50. Ibid. P. 503.
 51. *Diogenes Laërtius*. On the Lives, Teachings, and Sayings of Famous Philosophers / General editor and introduction by A.F. Losev. M.: "Mysl", 1979. P. 436.
 52. Ibid. P. 438.

53. Ibid. P. 439.
54. Ibid. P. 440.
55. Materialists of Ancient Greece: Collected Texts of Heraclitus, Democritus, and Epicurus. Epicurus / General editorship and introduction by M.A. Dynnik. M.: "Gospolitizdat", 1955. P. 222.
56. Ibid. P. 236.
57. Ibid. P. 231.
58. *Diogenes Laërtius*. On the Lives, Teachings, and Sayings of Famous Philosophers / General editorship and introduction by A.F. Losev. M.: "Mysl", 1979. P. 295.
59. Fragments of the Early Stoics, Vol. 3, Part 1. Chrysippus of Soli // Translated and commented by A.A. Stolyarov. M.: "Greek-Latin Cabinet" by Yu.A. Shichalina, 2007. P. 101.
60. Ibid. PP. 101–102.
61. *Cicero*. Dialogues. On the State. On the Laws / Translated by V. O. Gorenshtein, notes by I.N. Veselovsky and V.O. Gorenshtein, S.L. Utchenko. Responsible. ed. and afterword by S.L. Utchenko. M.: "Nauka", 1966. P. 98.
62. Fragments of the Early Stoics. Vol. 1. Zeno and His Disciples / Tran. and commented by A.A. Stolyarov. M.: "Greco-Latin Cabinet" of Yu.A. Shichalin, 1998. P. 90.
63. Ibid. P. 93.
64. Fragments of the Early Stoics. Vol. 3, Part 1. Chrysippus of Soli / Trans. and commentary by A.A. Stolyarov. M.: "Greco-Latin Cabinet" by Yu.A. Shichalin, 2007. P. 134.
65. Fragments of the Early Stoics Vol. 1. Zeno and His Disciples / Trans. and commentary by A.A. Stolyarov. M.: "Greco-Latin Cabinet" by Yu.A. Shichalin, 1998. P. 24.
66. Fragments of the Early Stoics Vol. 3, Part 1. Chrysippus of Soli / Trans. and commentary by A.A. Stolyarov. M.: "Greco-Latin Cabinet" by Yu.A. Shichalin, 2007. P. 141.
67. *Diogenes Laërtius*. On the Lives, Teachings, and Sayings of Famous Philosophers / General ed. and introduction. Article by A.F. Losev. M.: "Mysl", 1979. P. 308.
68. *Polybius*. General History in 3 Volumes. Vol. 2. (Books VI–XXV) / Translated from Greek by F.G. Mishchenko; Ed. by A.Ya. Tyzhov. 2nd edition, corrected. St. Petersburg: "Nauka", 2005. PP. 8–9.

-
69. Ibid. P. C. 9.
 70. Ibid. P. 13.
 71. Ibid.
 72. Ibid. P. 14.
 73. *Cicero*. Dialogues. On the State. On the Laws / Translated by V.O. Gorenshtein, notes by I.N. Veselovsky and V.O. Gorenshtein, S.L. Utchenko. Responsible editor and afterword by S.L. Utchenko. M.: "Nauka", 1966. P. 21.
 74. Ibid. PP. 21–22.
 75. Ibid. P. 22.
 76. Ibid. P. 25, 30–32.
 77. Ibid. P. 23.
 78. Ibid. P. 26.
 79. Ibid.
 80. Ibid. P. 68.
 81. Ibid. P. 69.
 82. *Seneca*. On the Blessed Life // Seneca Lucius Annaeus Philosophical Treatises / Trans. from Latin, introduction, commentary by T.Yu. Boroday. St. Petersburg: Aletheia, 2001. P. 14.
 83. *Seneca Lucius Annaeus*. Moral Letters to Lucilius / Ed. prepared by S.A. Oshero; Responsible. editor M.L. Gasparov. M.: "Nauka", 1977. P. 71.
 84. *Marcus Aurelius Antoninus*. Meditations / Ed. prepared by A.I. Dovatour, A.K. Gavrilov, Ya. Unt. 2nd ed., corrected and enlarged. St. Petersburg: "Nauka", 1993. P. 6.
 85. *Seneca Lucius Annaeus*. Moral Letters to Lucilius // Ed. prepared by S.A. Oshero; Ed. M.L. Gasparov. M.: "Nauka", 1977. P. 74.
 86. *Seneca*. On the Blessed Life // Seneca Lucius Annaeus. Philosophical Treatises / Translated from Latin, introduction, commentary T.Yu. Boroday. St. Petersburg: "Aletheia", 2001. P. 18.
 87. *Seneca Lucius Annaeus*. Moral Letters to Lucilius / Prepared by S.A. Oshero; Ed. M.L. Gasparov. M.: "Nauka", 1977. P. 249.
 88. Ibid. P. 32.
 89. *Seneca Lucius Annaeus*. On Mercy // Lucius Annaeus Seneca; trans. from Latin. M. Brasha et al. St. Petersburg: "Azbuka", "Azbuka-Atticus", 2021. P. 199.
 90. Ibid. P. 220.

91. Ibid. P. 223.
92. Ibid. P. 202.
93. *Marcus Aurelius Antoninus. Meditations* // Published by A.I. Dovatur, A.K. Gavrilov, Ya. Unt. 2nd ed., corrected and enlarged. St. Petersburg: "Nauka", 1993. P. 6.
94. *Diogenes Laërtius. On the Lives, Teachings, and Sayings of Famous Philosophers* / General editor and introduction by A.F. Losev. M.: "Mysl" 1979. P. 359.
95. *Thucydides. History* // Responsible editor Ya.M. Borovsky. L.: "Nauka", 1981. P. 380.
96. Materialists of Ancient Greece: Collected Texts of Heraclitus, Democritus, and Epicurus. Democritus // General editorship and step-by-step article by M.A. Dynnik. M.: "Gospolitizdat", 1955. P. 169.
97. *Aristotle. Athenian Polity. State Structure of the Athenians*. 2nd ed. / Translated and annotated by prof. S.I. Radtsig. M.: State Socio-Economic Publishing House, 1937. P. 56.
98. *Aristotle. Politics. Aristotle Works: in 4 volumes. Vol. 4* / Translated from Ancient Greek; General editorship by A.I. Dovatura. M.: "Mysl", 1984. PP. 483–484.
99. Ibid. P. 514.
100. Ibid. P. 502.
101. Ibid. P. 504.
102. *Aristotle. Politics. Aristotle Works: in 4 volumes. Vol. 4* / Translated from Ancient Greek; General editor A.I. Dovatura. M.: "Mysl", 1984. P. 510.
103. Ibid. P. 575.
104. *Lord Acton. Essays on the Formation of Freedom: 2nd ed., supplemented* // Lord Acton; translated from English by J. Kolker; foreword by O. Chadwick. M.; Chelyabinsk: "Socium", 2016. P. 68.
105. *Grotius Hugo. On the Law of War and Peace* / Translated from Latin and notes. A. L. Sacchetti. Foreword by S.B. Krylov. Introduction by A.A. Zheludkov. M.: "Gosyurizdat", 1956. P. 141.
106. *Aeschines. Against Ctesiphon on the Crown* // Orators of Greece: Trans. from Ancient Greek // Comp. and scientific preparation of texts by M. Gasparov; Introduction by V. Borukhovich; Commentary by I. Kovaleva and O. Levinskaya. M.: "Art Literature", 1985. P. 162.

107. *Lysias*. Speeches // Trans., article, commentary by S.I. Sobolevsky; Introduction by L.P. Marinovich, G.A. Koshelenko. M.: "Ladomir", 1994. P. 61.
108. *Demosthenes*. Speeches: In 3 volumes. Vol. I / Ed. E.S. Golubtsova, L.P. Marinovich, E.D. Frolov. M.: "Monument to Historical Thought", 1994. P. 145.
109. *Belokh Yu.* Greek history: in 2 volumes. Vol. 1. Ending with the sophistic movement and the Peloponnesian War / Julius Belokh; translated from German by M.O. Gershenzon; State Public History Library of Russia. 3rd ed. / edited and with an introduction by Yu.I. Semenov. M., 2009. P. 374.

CRITICISM OF DEMOCRACY IN THE CONTEXT OF THE POLITICAL PREFERENCES OF ANCIENT THINKERS

A. Ter-Vardanyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

The articles examine the attitudes of a number of prominent ancient thinkers toward democracy, from the perspective of their political preferences. In this regard, the aim is to analyze and identify, first and foremost, the characteristic features of their negative attitudes toward popular government. The aim of the paper is to examine and understand not the causes of such criticism, but rather the consequences - that is, the results of various attitudes toward democracy, based on their preferences for the best form of government. To achieve this goal, the opinions of ancient authors are systematically examined within the framework of a comparative historical analysis, identifying and clarifying the characteristic features of their critical attitudes toward democracy. The relevance of this study lies in the need for a more in-depth study and understanding of ancient ideas about democracy.

Keywords: form of government, extreme democracy, moderate democracy, majority rule, freedom, equality.

ПСИХОЛОГИЯ

DOI 10.24412/1829-0485-2026-2-174-196
УДК 159.923

Поступила: 04.07.2025г.
Сдана на рецензию: 13.07.2025г.
Подписана к печати: 04.01.2026г.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ БЛАГОПОЛУЧИЕМ, ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ И АДАПТИВНОСТЬЮ У МИГРАНТОВ*

А.С. Берберян¹, Н.В. Матвеева²

*Российско-Армянский университет
aspsy@inbox.ru, natoleg@gmail.com*

ORCID¹: 0000-0003-0321-0161, ORCID²: 0009-0002-0318-9438

АННОТАЦИЯ

В современный период политической и экономической нестабильности проблема взаимосвязи личностной идентичности, психологического благополучия и адаптивности у мигрантов является социально значимой и недостаточно изученной в научной литературе. Методологической основой являются труды Э. Эриксона, Дж. Марсиа, К. Роджерса, Б.Г. Ананьева, А. Маслоу, К. Риффа и др.

Для более глубокого изучения этого взаимодействия нами было проведено пилотное эмпирическое исследование, в котором были выдвинуты три гипотезы: 1) предполагалось, что существует связь

* Исследование выполнено при поддержке Комитета высшего образования и науки МОНКС РА (научный проект № 10-2/24SSAH-5A039).

между типами адаптивности и психологическим благополучием у мигрантов; 2) предполагалось, что существует связь между показателями психологического благополучия и уровнем личностной идентичности; 3) существуют различия в показателях психологического благополучия и личностной идентичности среди мигрировавших в Армению и в западные страны. Мы выявили, что существует связь между психологическим благополучием и типами адаптации, а также есть взаимодействие между шкалами психологического благополучия и уровнем личностной идентичности. *Гипотеза* о наличии различий между мигрантами, проживающими в Армении и в западных странах, не подтвердилась. Результаты корреляционного анализа имеют высокую практическую ценность и требуют дальнейшего исследования.

Ключевые слова: идентичность, психологическое благополучие, адаптивность, мигранты.

Введение

Вопрос переселения людей в мире не нов, как и сам процесс развития человечества. Люди переезжают с места на место, спасаясь от войн, конфликтов, политической и экономической нестабильности. По текущим данным ООН, в мире насчитывается около 281 млн международных мигрантов – это 3,6% мирового населения. Люди продолжают перемещаться внутри своей страны из-за политической и экономической ситуаций, насилия, конфликтов, изменения климата. Еще в 2022 году число людей, просивших убежище, выросло с 4,1 млн человек до 5,1 млн в 2024 году [1]. События последних лет на нашем континенте спровоцировали новую волну вынужденной миграции. Переезд в другую страну – это стрессогенный процесс, связанный с определенными трудностями, которые могут вызвать расстройство адаптации, потерю идентичности, повлиять на уровень безопасности, снизить качество жизни и сказаться на психологическом благополучии. Даже при самых благоприятных условиях вхождение в новую среду сопряжено с напряжением и отрицательными эмоциями в связи с поте-

рей статуса и привычного круга общения, путаницей в ценностных ориентациях и собственной идентичности [2]. Важным фактором успешной адаптации будет достижение адекватной личностной идентичности и психологического благополучия. Однако взаимосвязь этих факторов изучена недостаточно, что обуславливает актуальность данных исследований. В научной литературе нередко в качестве значимых факторов рассматриваются условия внешней среды и стрессогенные особенности миграции. Новизна нашего исследования заключается в том, что оно охватывает выявление внутренних психологических механизмов адаптации, связанных со компонентами личностной идентичности и субъективным благополучием. Впервые адаптация рассматривается как процесс, который опосредован особенностями взаимосвязи идентичности и субъективного благополучия личности в ракурсе миграции, что, на наш взгляд, позволяет расширить представление о личностных ресурсах вынужденных мигрантов. Наблюдения исследователей указывают на факт, что в схожих ситуациях люди адаптируются по-разному, из чего можно заключить, что на этот процесс влияет способность к адаптации или адаптивность.

Н.С. Минаева и Я.В. Лентач [3] рассматривают адаптивность как особый род социальной установки, в основе которой лежат различные потребности личности, особенности индивида, которые проявляются в определенных условиях. По сути, адаптивность – это способность меняться в соответствии с требованиями окружающей среды, сохраняя психологическое равновесие, продуктивность, собственную индивидуальность и целостность, получая при этом удовлетворение от своих достижений [4]. Об адаптации и адаптивности личности говорили Ж. Пиаже, К. Лоренц, Л.С. Леонтьев, В.С. Мерлин, К. Роджерс, А. Маслоу, Р. Мэй. Собственно, адаптация – одно из ключевых понятий науки знания о человеке, ведь именно она обеспечивает возможность существования человека в постоянно меняющихся условиях окружающей среды. С позиции психоаналитического подхода (З. Фрейд, Г. Гартман) адаптация происходит через определенные конфликтные ситуации, в которых личность выбирает собственные способы справ-

ляться с ситуацией, исходя из своего жизненного опыта. Личностную адаптацию невозможно отделить от социальной адаптации. Джон У. Берри [5] считает, что суть социальной адаптации – это особый тип социального процесса. Для самих мигрантов – это переключение с одного образа жизни на другой в связи с обстоятельствами непреодолимой силы, вырвавшими людей из собственного общества. Даже если решение мигрировать являлось взвешенным и осознанным – процесс адаптации несет с собой ряд психологических трудностей. Вынужденное переселение же являет собой особый образ жизни, который может характеризоваться подавлением личности экстремальностью ситуации. Все эти аспекты накладывают существенный отпечаток на структуре личности – ценностных ориентациях, восприятии, состоянии, поведении.

Успешность адаптации зависит от типа реакции на процесс изменений, а также от фазы, на которой находится человек в этом процессе. М. Коксинен и В. Раутен [6] выделяют следующие стадии социокультурной адаптации:

1) *Фаза первой реакции*. Наступает на фоне психологического диссонанса при первом контакте с другой культурой и выражается в снижении социальной активности (несколько дней или недель).

2) *Фаза апатии* проявляется в психологических защитах: возрастает автоматизм, блокирование любой информации, снижении контактов, ухудшение когнитивных функций, ощущение нереальности происходящего (1–3 месяцев).

3) *Контрастная фаза* – преобладают биологические потребности, может проявиться агрессивность. Начинается активный поиск своего места в новой стране. Характерна потеря целостности личности и окружения (4–6 месяцев).

4) *Фаза реабилитации* – нахождение путей включения в сеть взаимодействий с миром, способность удовлетворять собственные потребности, принятие норм и стереотипов новой страны.

Изучение миграционных процессов и психологического состояния мигрантов привело к пониманию, что важными составляющими

адаптации являются эффективные взаимоотношения с социумом в новой стране, а умение получать удовлетворенность от нахождения в новой среде непосредственно связано с таким понятием, как психологическое благополучие.

Проблемой психологического благополучия занимались такие исследователи, как К. Рифф (модель Психологического благополучия), М. Селигман (теория PERMA), Э. Деси и Р. Райан (Теория самодетерминации), Д. Леонтьев (взаимосвязь ценностей и осмысленности жизни с психологическим благополучием), Ф. Василюк (психологическое благополучие через призму преодоления кризисных ситуаций) и др.

Понятие психологического благополучия рассматривают по двум направлениям: гедонистическому – субъективное благополучие (В. Вислон [7], А.С. Ватерман [8]) и эвдемоническому – психологическое благополучие. Если субъективное благополучие рассматривается как достижение удовольствия, что предполагает удаление от проблем, то в понимании психологического благополучия речь идет о состоянии удовлетворения в связи с решением проблем. Концепцию психологического благополучия разработала К. Рифф, объединив в себе теории, объясняющие позитивное функционирование человека (Ш. Бюлер, А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс, Э. Эриксон, К.Г. Юнг и др.). Модель К. Рифф включает шесть компонентов: *автономность, компетентность, личностный рост, позитивные отношения, жизненные цели, самопринятие*. Психологическое благополучие может стать ориентиром качественной адаптации к новым условиям. Это состояние удовлетворенности жизнью, эмоционального равновесия, вовлеченности в жизнь, которое способно колебаться в зависимости от жизненных обстоятельств, но при этом приносить человеку ощущение целостности и осмысленности.

Остаться собой в изменившемся мире возможно лишь благодаря ответам на вопросы: «Кто Я?» «С кем Я?» «Какой Я?». Личностная идентичность и адаптивность в течение всей жизни человека взаимосвязаны. Если вопрос адаптации – это вопрос приспособления, выживания, то идентичность на каждом этапе этого процесса говорит о

самосознании и самоопределении. В этой связи трудно определить причинно-следственные связи: с одной стороны, адаптация, как приспособление, формирует идентичность, с другой стороны, социальная адаптация как самовыражение, самоактуализация, изменяет этот контекст, предъявляя требования к уровню самосознания, идентичности личности. Личность же с высоким уровнем интеграции опыта, с осмысленными ценностями, целями, границами, использует выстроенный способ жизнедеятельности и способ адаптации.

Личностную идентичность исследовали Э. Эриксон, Д. Марсия, К. Роджерс, К. Ясперс, С. Хартер, Б.Г. Ананьев, А. В. Петровский, Л.С. Выготский, а также современные авторы: И.А. Апполонов, И.А. Шляпникова, А.А. Таганова. Взаимосвязь социальной адаптации и личностной идентичности исследовали И.В. Михайлова и О.С. Боровкова. Личностная идентичность, как писал Б.Г. Ананьев, – это осознанное переживание собственной индивидуальности и уникальности в рамках своего жизненного пути и личностного развития [9].

В целом, влияние на развитие теории идентичности оказала философская идея взаимодействия «Я-Другой». Американский философ и психолог Дж.Мид объяснял понятие идентичности через «самость» [10]. По его мнению, самость – это целостность личности, которая формируется в результате ее социального и личностного взаимодействия. Возникает идентичность в виде ценностей и установок других (так называемая «неосознанная идентичность»). Со временем они присваиваются личностью и осознаются как собственные, что помогает впоследствии, с помощью рефлексии, рассматривать себя как социальное «Я» и примерять различные общественные роли. Термин «идентичность» впервые был применен У. Джеймсом, который выделял такие свойства идентичности, как тождественность и соответствие себе и обществу, борьба чужого и своего [11].

По мнению Э. Эриксона, «Идентичность – это процесс, протекающий на всех уровнях психической деятельности, посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для

них типологии; в то же время он оценивает их суждения о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с типами, значимыми для него» [12]. Для Эриксона идентичность – это результат развития личности, важнейшая характеристика целостности личности, переживание тождественности с собой и другими. Это – усвоенный и принимаемый образ себя через отношение человека к окружающему миру, стабильное осознание собственного «Я», независимо от изменений «Я» и ситуации. Н.Л. Иванова определяет основную функцию идентичности: участие в приспособлении к новым социальным условиям, сохраняя целостность «Я» [13].

Вслед за Э. Эриксоном Дж. Марсиа размышляет о процессах, которые формируют личностную идентичность: активный поиск, выражающийся в размышлениях, исследовании различных ролей, переосмотре ценностей и обязательств: степень ответственности, в соответствии с которой человек принимает решения относительно своей жизни. Дж. Марсиа предполагал, что это – временные состояния, которые могут сменяться в связи с определенными обстоятельствами. Достигнутый статус идентичности – это основной признак для прогнозирования успешности социальной адаптации.

Феномен миграции оказывает воздействие, которое носит противоречивый характер, на субъективное благополучие принимающего общества. Оно заключается в том, что иммиграция может породить риски, связанные с дестабилизацией и дезинтеграцией принимающего общества, что, в свою очередь, снижает удовлетворенность жизнью местного населения. Исследователи определяют адаптацию в соответствии с двумерной классификации: социальная адаптация в ракурсе с реальным поведением человека, по критериям требований социума и достижения внутреннего личного комфорта.

Можно предположить, что в процессе адаптации, проходя различные ее фазы, человек может испытывать различные состояния, переходить от растерянности и агрессии до принятия и удовлетворенности. Как мы видим, существует теоретическое обоснование взаимосвязи адаптивности, личностной идентичности и психологического

благополучия. Для более глубокого изучения этого взаимодействия мы провели пилотажное исследование.

Гипотезы пилотажного исследования

Генеральная гипотеза. Предполагается, что существует взаимосвязь между типами адаптивности и психологическим благополучием у мигрантов.

Частная гипотеза № 1. Предполагается, что существует взаимосвязь между показателями психологического благополучия и уровнем личностной идентичности.

Частная гипотеза № 2. Существуют различия в показателях психологического благополучия и личностной идентичности у мигрантов двух групп.

Цель исследования: изучение взаимосвязи уровня психологического благополучия, типа адаптации и личностной идентичности, а также их компонентов у мигрантов, проживающих в Армении и в странах Запада.

Выборка: зрелые люди жен. и муж. пола в возрасте от 26 до 65 лет, иммигрировавшие 1–3 года назад. 21 человек иммигрировали в Армению, 20 человек – в страны Запада (Германия, Аргентина, Нидерланды, Франция, Великобритания, Канада, США и др.)

Описание исследовательского процесса

На первом этапе был проведен анализ теоретической литературы по проблемам исследования сущности психологического благополучия, этапов идентичности и особенностей адаптации мигрантов мигрантов в новой социальной среде, это дало возможность рассмотреть основные понятия и выявить характер исследования. Второй этап был посвящен формулировке цели, гипотез исследования, а также обоснованию психодиагностических методик. На третьем этапе было проведено эмпирическое исследование на базе указанных методик. Заклю-

чительный этап был посвящен анализу и интерпретации полученных данных с использованием методов математической статистики, на основе которых были сформулированы выводы и практические рекомендации. Язык тестирования – русский, была проведена предварительная беседа по знанию русского языка и получена положительная оценка. Возрастной ценз выборки обоснован тем, что в на данном этапе жизненного пути личностная идентичность в целом, сформирована и устойчива, что актуализирует возможность исследования и ее структурных компонентов и изменений в условиях миграции. К тому, накоплен опыт социально-культурной адаптации, позволяющий выявить различные типы адаптации, а психологическое благополучие в среднем возрасте – относительно стабильно, что повышает надежность полученных данных.

Методологическая база

Работы Э. Эриксона, Дж. Марсия, К. Роджерса, Б.Г. Ананьева, Л.С. Леонтьев, В.С. Мерлин, А. Маслоу, Ролло Мэй, Г. Олпорт, К. Рифф и др. теоретические положения по проблемам идентичности Э. Эриксона, Дж. Марсия; по проблемам психологического благополучия, сформулированные в трудах К. Рифф; а также адаптации, отраженные в научных работах К. Роджерса, Д.С. Леонтьев, В.С. Мерлина и др. Наиболее существенную роль в разработке теоретико-методологической основы исследования сыграли концепция психосоциальной идентичности и представления о кризисе идентичности Э. Эриксона (Erikson, 1967); теория социальной идентичности Г. Тежфела и его коллег (Tajfel, Turner, 1986) и социальной самокатегоризации Дж. Тернера (Turner, 1987); гипотеза о формировании сознания по типу идентификационной матрицы С. Московичи (Moscovici, 1984), концепции межэтнической напряженности и этнических конфликтов (Солдатова, 1998; Burton, 1990; Coser, 1958; Fisher, 1990).

Важную методологическую основу для исследования идентичности в процессе адаптации личности составили отечественные этно-

психологические исследования и западная кросскультурная психология (Асмолов, Шлягина, 1984; Лебедева, 1993; Левкович, Панкова, 1985; Науменко, 1992; Павленко, 2001; Павленко, Таглин, 1992; Солдатова, 1988, 1998; 2001а; Стефаненко, 1999а,б; Стефаненко, Шлягина, Ениколопов, 1993; Brislin, 1980; Deschamps, 1999; Gudykunst, Ting-Toomey, Chua, 1988; Hofstede, 1983, 1984; Hui, 1984; Markus, Kitayama, 1991; Triandis, 1986, 1987, 1994); теории аккультурации и культурного шока (Berry, 1990; Furnham, Bochner, 1986; Oberg, 1960) и теория неадаптивной активности личности (Петровский, 1996).

В соответствии с целью и гипотезой были отобраны соответствующие методы исследования:

Теоретический анализ литературы, анкетирование, тестирование, математическая обработка данных.

В работе использовались следующие методики:

- 1) Анкета.
- 2) Опросник: «Адаптация личности к новой социокультурной среде». (Л. В. Янковский).
- 3) Опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко).
- 4) Л.Б. Шнейдер. Методика исследования личностной идентичности (МИЛИ).

Методы математической обработки результатов: U-критерий Манна – Уитни; ранговая корреляция r_s – критерий Спирмена. Статистическая обработка данных проведена с помощью пакета статистических программ IBM SPSS Statistics 22; исследование методом Пирсона.

В исследовании рассматривались корреляционные связи между шкалами психологического благополучия и личностной идентичности с помощью опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф и методики исследования личностной идентичности «МИЛИ» Л.Б. Шнейдер (применялся метод Пирсона).

Корреляционные связи между типами адаптивности и психологическим благополучием: опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф и опросник: «Адаптация личности к новой социо-

культурной среде» (Л.В. Янковский) (применялся метод Спирмена). А также связи между психологическим благополучием и личностной идентичности у мигрантов двух групп (применялся U-критерий Манна – Уитни).

В тесте «Шкала психологического благополучия» рассматривались следующие компоненты: положительные отношения с другими, автономия, управление окружением, личностный рост, цель в жизни, самопринятие.

В опроснике «Адаптация личности к новой социокультурной среде» такие критерии, как адаптивность, конформность, интерактивность, депрессивность, ностальгия и отчужденность. По опроснику МИЛИ Л.Б. Шнейдер определяет уровень личностной идентичности.

Результаты исследования

Респондентам было предложено ответить на вопросы анкеты о том, с кем они переехали в другую страну, есть ли дети, срок прибытия на новом месте, о наличии профессиональной деятельности, об удовлетворенности материальным положением, планируют ли вернуться обратно, хотели бы остаться в новой стране или есть намерение переехать еще раз, какие чувства и эмоции чаще всего испытывают, что помогает справляться в процессе адаптации.

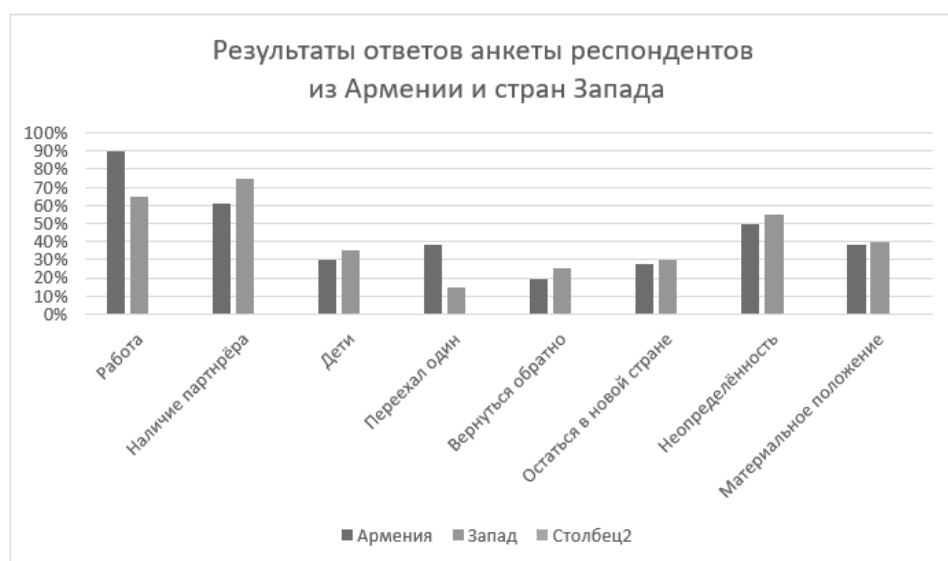
Результаты анкетирования показали, что испытуемые переехали в новую страну от 1 до 3 лет назад. У респондентов, переехавших в Армению, в 90% случаев есть работа, но довольны материальным положением лишь 38%, 61% – замужем или женаты, у 30% есть дети. 31% опрошенных покинули родную страну одни, 20 % планируют вернуться обратно на родину, остаться в Армении хотят 28% мигрировавших, и половина не может определиться с тем, куда хотели бы уехать.

65% проживающих на данный момент в странах Запада имеют работу, на 25% меньше, чем в 1-й группе. Всего 40% респондентов удовлетворены своим материальным положением, 75% опрошенных имеют семьи или состоят в отношениях, у 35% есть дети. Всего 15%

респондентов переехали одни. Вернуться обратно хотели бы 25%, остаться в новой стране 30%, испытывают неопределенность и не знают, какую выбрать следующую страну для проживания – 55%. Как мы видим, по многим показателям ответы отличаются незначительно.

Таблица 1.

Результаты ответов анкеты респондентов из Армении и стран Запада

Поиск своего места в новой стране сопровождается различными чувствами, в обеих группах они схожи.

Чаще всего люди испытывают тревогу (69%), затем – благодарность (57%), интерес (54%), половина испытуемых отмечают «эмоциональные качели», дальше идут сомнения, радость, спокойствие. Раздражение, печаль и гнев – последние в списке. Возможно, это согласуется с тем, что мигранты находятся в новой стране в среднем 2–3 года (на 4-й фазе адаптации, при успешном прохождении). Каждый респондент выбирает свои собственные способы справляться со стрессом, чаще всего помогают прогулки на природе, путешествия, общение с

друзьями и семьей, спорт, хобби, чтение художественной литературы, развлечения, сон, работа с психологом, алкоголь.

Таблица 2.

**Эмоции и чувства, которые чаще
испытывают мигранты**

В результате исследования по трем вышеперечисленным методикам мы пришли к выводу о том, что первая и вторая гипотеза подтвердилась, третья гипотеза – не получила подтверждения.

1) В первой гипотезе предполагалось, что существует взаимосвязь между типами адаптивности и психологическим благополучием у мигрантов (Табл. 3). Исследование методом Пирсона подтвердило достоверную корреляционную связь между типами адаптивности и психологическим благополучием у мигрантов ($r=0.463$) на уровне значимости $p=0.01$.

Положительные отношения с другими – фактор психологического благополучия, напрямую связано с адаптивностью. Удовлетворительные, доверительные отношения с окружающими, проявление

заботы о других, способность сопереживать, умение строить близкие отношения, умение договариваться связано с личным удовлетворением, ощущением сопричастности к обществу, с чувством социальной и физической защищенности, что говорит о высокой адаптивности личности. В то же время, чем выше балл по шкале «положительное отношение к другим», тем они выше по шкале конформности, что может означать зависимость от группы, когда поведение мигрантов формируется под воздействием ожидания социума. Обратная значимая корреляция выявлена с отчуждением, что, в целом, понятно: трудно испытывать удовлетворение от отношений с людьми, если происходит неприятие нового социума, несогласование притязаний и реальных возможностей, ощущение, что приложенные усилия не могут изменить ситуацию, от чего возникает тревога, ощущение покинутости, нетерпеливость.

Значимая обратная взаимосвязь обнаружилась по шкале автономия и такими шкалами, как депрессия и ностальгия. Мы не можем установить причинно-следственную связь, но, фактически, чем выше показатели депрессии и ностальгии, тем ниже автономия. Это может означать, что зависимость от мнения окружающих, оглядка на других в принятии важных решений, податливость попыткам общества думать и действовать определенным образом связано с дисгармоничностью личности, отсутствием смысла и ценностей, негативным эмоциональным фоном, невозможностью реализовать свой уровень ожиданий в профессиональной сфере, пониженной самооценкой, беспомощностью и бесперспективностью, чувствами подавленности, опустошенности, изолированности. Так же чем ниже автономия, тем выше ощущение потери связи с родной культурой, сопричастности с ней, расстройство и смятение в связи с потерей «старых» культурных ценностей и невозможность найти новые, ощущение себя не на своем месте, бесприютность.

Респонденты, обладающие компетенцией в управлении окружением, способные контролировать внешнюю деятельность, использовать предоставляющиеся возможности, которые могут создавать усло-

вия и обстоятельства, подходящие для удовлетворения личных потребностей и целей, обладают высокой адаптивностью, низким уровнем депрессивности и низким уровнем отчужденности. Схожая взаимосвязь: высокий уровень адаптивности, низкий уровень депрессивности и отчужденности наблюдается у респондентов с высоким показателем личностного роста. Они открыты новому опыту, реализуют свой потенциал, могут оценить собственные достижения, готовы к переменам. Также респонденты, ставящие перед собой цели, имеющие чувство направленности, осознающие смысл в прошлом и настоящем, имеющие намерения и цели на перспективу, имеют также низкие показатели по шкалам депрессивности и отчуждения.

Самопринятие – еще один критерий психологического благополучия, также связано с высоким уровнем адаптивности и низким уровнем отвержения. Если человек относится к себе позитивно, принимает в себе хорошие и плохие качества, положительно оценивает свое прошлое, вероятнее всего, может принять эти качества и в других, и ему проще почувствовать причастность к новому сообществу, социальную и физическую защищенность.

В целом, чем выше психологическое благополучие, тем выше уровень адаптивности. Обратную значимую корреляцию имеют депрессивность и отчужденность. Чем выше эти показатели, тем психологическое благополучие ниже.

Таблица 3.

**Результаты корреляции между типами адаптивности
и психологическим благополучием у мигрантов**

Критерии	Адаптивность	Конформизм	Интер-активность	Депрессивность	Ностальгия	Отчуждение
ПО	$r = 0.323$ статистически значимая на уровне $p = 0.05$	$r = 0.436$ статистически значимая на уровне $p = 0.01$	$r = -0.082$	$r = -0.080$	$r = -0.001$	$r = -0.315$ обратная статистически значимая на уровне $p = 0.05$

Авто- номия	$r = 0.069$	$r = 0.087$	$r = -0.189$ обратная	$r = -0.306$ обратная статисти- чески значимая на уровне $p=0.05$	$r = -0.364$ обратная статисти- чески значимая на уровне $p=0.05$	$r = 0.050$
УС	$r = 0.422$ статисти- чески значимая на уровне $p=0.01$	$r = 0.049$	$r = 0.064$	$r = -0.614$ обратная статисти- чески значимая на уровне $p=0.01$	$r = -0.170$	$r = -0.573$ обратная статисти- чески значимая на уровне $p=0.01$
Цели	$r = 0.401$ статисти- чески значимая на уровне $p=0.01$	$r = 0.203$	$r = 0.006$	$r = -0.357$ обратная статисти- чески значимая на уровне $p=0.05$	$r = -0.041$	$r = -0.546$ обратная статисти- чески значимая на уровне $p=0.01$
ЛР	$r = 0.535$ статисти- чески значимая на уровне $p=0.01$	$r = 0.174$	$r = 0.156$	$r = -0.519$ обратная статисти- чески значимая на уровне $p=0.01$	$r = -0.191$	$r = -0.498$ обратная статисти- чески значимая на уровне $p=0.01$
Са- мопри- нятие	$r = 0.338$ статисти- чески значимая на уровне $p=0.05$	$r = 0.042$	$r = -0.147$	$r = -0.636$ обратная	$r = -0.125$	$r = -0.474$ обратная статисти- чески значимая на уровне $p=0.01$
ПБ	$r = 0.463$ статисти- чески значимая на уровне $p=0.01$	$r = 0.213$	$r = -0.081$	$r = -0.586$ обратная- татисти- чески значимая на уровне $p=0.01$	$r = -0.203$	$r = -0.567$ обратная статисти- чески значимая на уровне $p=0.01$

Среднее различие достоверно на уровне 0.05.

В Гипотезе №2 мы предполагали, что существует взаимосвязь между показателями психологического благополучия и уровнем личностной идентичности. Исследование методом Спирмена подтвердило достоверную корреляционную связь между показателями психологического благополучия и уровнем личностной идентичности у мигрантов ($r=0.439$) на уровне значимости $p=0.01$ (Табл. 4).

Взаимосвязь была обнаружена между психологическим благополучием, в целом, и уровнем личностной идентичности, отражающей подлинные представления о себе, собственном пути развития, тождественности и целостности, единства жизненных целей и поступков, которые позволяют действовать последовательно и осознавать свою уникальность. Чем выше психологическое благополучие, тем выше уровень личностной идентичности. Высокий уровень личностной идентичности так же связан с четырьмя критериями психологического благополучия: управление средой, цель, личностный рост и самопринятие. В итоге, осознание уникальности «Я», при наличии своей принадлежности и социальной реальности, напрямую взаимосвязано со способностью контролировать внешнюю деятельность, управлять окружением и создавать условия для удовлетворения личных потребностей и целей, непосредственно умением ставить эти цели в ближайшем будущем и перспективе, умение открываться новому опыту и испытывать чувство реализации потенциала, позитивное отношение к себе и умение принять различные стороны своей личности.

Таблица 4.

Результаты корреляции между показателями психологического благополучия и уровнем личностной идентичности у мигрантов

Критерии	МИЛИ
ПБ	$r= 0.439$ статистически значимая на уровне $p=0.01$
ПО	$r= -0.051$ обратная

Автономия	$r = -.040$ обратная
УС	$r = 0.599$ статистически значимая на уровне $p=0.01$
Цели	$r = 0.548$ статистически значимая на уровне $p=0.01$
ЛР	$r = 0.424$ статистически значимая на уровне $p=0.01$
Самопринятие	$r = 0.349$ статистически значимая на уровне $p=0.05$

Среднее различие достоверно на уровне 0.05.

Гипотеза № 3 о том, что существуют различия в показателях психологического благополучия и личностной идентичности у мигрантов двух групп, не подтвердилась.

Проведенный тест Манна-Уитни выявил, что показатели личностной идентичности у мигрантов двух групп статистически не имеют значимого различия.

Результаты корреляционного анализа имеют высокую практическую ценность и нуждаются в более широком исследовании.

Выводы

В нашем пилотажном исследовании было выдвинуто три гипотезы, две из которых подтвердились: существует взаимосвязь между психологическим благополучием и типами адаптации, а также их критериями; существует взаимосвязь между шкалами психологического благополучия и уровнем личностной идентичности. Гипотеза о том, что существуют различия у мигрантов, проживающих в Армении и в странах Запада, – не подтвердилась. По всей вероятности, процессы, которые «проживают» мигранты, протекают по одним законам, проходят похожие фазы и вызывают неоднозначные чувства в любой

стране мира. Иммиграция – стрессовое событие, влекущее за собой снижение удовлетворенностью жизнью, нарушение идентичности. На успешность адаптации больше влияют внутриличностные особенности, личный опыт, а также способность к адаптивности. Высокий уровень психологического благополучия и личностной идентичности являются скорее факторами, указывающими на гармоничное состояние в новой среде. Наши респонденты проживают в новой стране в среднем два года, что при успешной адаптации означало бы нахождение на 4-й стадии – стадии реабилитации, по М. Коксинен и В. Раутен. Но не все испытуемые показали высокий уровень достигнутой идентичности и психологического благополучия. При высоких показателях депрессивности, ностальгии и отчуждения наблюдается сниженный уровень автономии, трудности с постановкой целей, неудовлетворенность личностным развитием, а также общий уровень психологического благополучия, что говорит о невозможности позитивного, продуктивного функционирования. В то же время обнаружена прямая корреляция между этими же шкалами психологического благополучия и личностной идентичностью. Чем выше показатели по самопринятию, личностном развитии, целям, управлению средой и психологическим благополучием, тем выше уровень личностной идентичности.

Мы изучили взаимосвязь уровня психологического благополучия, типов адаптации и личностной идентичности, а также их компонентов. Был произведен анализ литературы по этим темам. Проблема взаимосвязи этих психологических конструктов личности является социально значимой и недостаточно изученной в научной литературе. Эмпирически нами была подтверждена связь между психологическим благополучием и типами адаптации, а также между психологическим благополучием и личностной идентичностью. Результаты корреляционного анализа имеют высокую практическую ценность и нуждаются в более широком исследовании. В ходе исследования были решены все поставленные задачи: проанализированы теоретические подходы к изучаемым понятиям, проведено эмпирическое исследование и выявлены взаимосвязи между психологическим благополучием, лич-

ностной идентичностью и адаптивностью мигрантов. Полученные результаты подтвердили, что уровень психологического благополучия и особенности личностной идентичности связаны с успешностью адаптации мигрантов в новой социальной среде. Таким образом, выводы исследования логично вытекают из поставленных целей и задач и подтверждают их достижение.

Более глубокое изучение данной темы поможет повысить качество жизни мигрантов, гармонично интегрироваться в новую культуру и выстроить доброжелательные, продуктивные отношения с принимающей стороной. Полученные данные могут быть использованы в построении тренинговых программ, психологическом консультировании, а также для более глубокого изучения данной проблематики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маколифф М., Оучо Л.А.* (под ред.) Доклад о миграции в мире 2024. Международная организация по миграции (МОМ), Женева, 2024. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/pub2023-081-l-world-migration-report-2024-ru.pdf>
2. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: Учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. 4-е изд., испр. и доп. М.: «Аспект Пресс», 2009, 368с.
3. *Минаева Н.С.* Адаптивность, как свойство личности // Эл. научный архив УрФУ; 2001.
4. *Berberyán A., Berberyán H.* Student's adaptation to distance learning (on example of Armenian and Russian students): psychoemotional features // «Российский психологический журнал», 21(4), 2024. СС. 195-211. URL: <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.4.10>
5. *Джон У. Бери.* Аккультурация и психологическая адаптация, обзор проблемы // Развитие личности, № 3–4, 2001. URL: http://rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html
6. *Раутен В., Коксинен М.* Деятельность социального педагога по социокультурной адаптации учащихся иностранцев. М.: «Просвещение», 1991, 362с.
7. *Wilson W.* Correlates of Avowed Happiness // “Psychological Bulletin”, 1967. Vol. 67 (4). PP. 294–306.

8. *Waterman A.* Two conceptions of happiness: Contrasts of personal expressiveness (eudaimonia) and hedonic enjoyment // "Journal of Personality and Social psychology", № 64, 1993. PP. 678–691.
9. *Ананьев Б.Г.* Человек, как предмет познания. СПб: «Питер», 2001, 288с.
10. *Мид Д.* Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль / сост. Е. И. Кравченко. М.: Изд-во МГУ, 1994, 496с.
11. *Джеймс У.* Личность // Психология личности: тексты / Под ред. Ю.Б. Гипенрейтер, А.А. Пузыря. М.: Изд-во МГУ, 1982, 288с.
12. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.
13. *Иванова Н.Л.* Психологическая структура социальной идентичности: диссертация/ док. психол. наук. Ярославль, 2003, 409с.

REFERENCES

1. *McAuliffe M., Oucho L. (eds.)* World Migration Report 2024. International Organization for Migration (IOM), Geneva, 2024. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/pub2023-081-1-world-migration-report-2024-ru.pdf>
2. *Stefanenko T.* Ethnopsychology: Textbook for universities / T.G. Stefanenko. 4th ed., corrected. and additional. Moscow: "Aspect Press", 2009, 368p.
3. *Minaeva N.* Adaptability as a personality trait"; UrFU Electronic Scientific Archive; 2001.
4. *Berberyan A., Berberyan H.* Student's adaptation to distance learning (on example of Armenian and Russian students): psychoemotional features // "Russian Psychological Journal", 21(4), 2024. PP. 195–211. URL: <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.4.10>
5. *John W. Berry.* Acculturation and psychological adaptation: a review of the problem // "Personality Development", No. 3–4, 2001. URL: http://rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html
6. *Rauten V., Koksinen M.* Activities of a social educator in the socio-cultural adaptation of foreign students. Moscow: "Education", 1991, 362p.
7. *Wilson W.* Correlates of Avowed Happiness // "Psychological Bulletin", 1967. Vol. 67 (4). PP. 294–306.

8. *Waterman A.* Two conceptions of happiness: Contrasts of personal expressiveness (eudaimonia) and hedonic enjoyment // "Journal of Personality and Social psychology". 1993. № 64. PP. 678–691.
9. *Ananyev B.* Man as an object of knowledge. St. Petersburg: "Piter", 2001, 288p. (Series "Masters of Psychology").
10. *Mead D.* Internalized Others and the Self // American Sociological Thought / compiled by E. I. Kravchenko. Moscow: Moscow State University Press, 1994, 496p.
11. *James W.* Personality // Psychology of Personality: Texts / Edited by Yu. B. Gippenreiter, A. A. Puzyrei. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1982, 288 p.
12. *Erikson E.* Identity: Youth and Crisis. Moscow: "Progress" Publishing Group, 1996.
13. *Ivanova N.* Psychological Structure of Social Identity: Dissertation / Doctor of Psychology. Yaroslavl, 2003, 409p.

THE RELATIONSHIP BETWEEN PSYCHOLOGICAL WELL-BEING, PERSONAL IDENTITY AND ADAPTABILITY IN MIGRANTS

A. Berberyan, N. Matveeva

Russian-Armenian University

ABSTRACT

In the current period of political and economic instability, the problem of the relationship between personal identity, psychological well-being and adaptability in migrants is socially significant and insufficiently studied in the scientific literature. The methodological basis is the works of E. Erikson, J. Marcia, K. Rogers, B. Ananyev, A. Maslow, K. Riff and others.

For a more in-depth study of this interaction, we conducted a pilot empirical study in which three hypotheses were put forward: 1. it was assumed that there is a relationship between the types of adaptability and psychological well-being in migrants: 2. it was assumed that there is a relationship between the indicators of

psychological well-being and the level of personal identity; 3. there are differences in the indicators of psychological well-being and personal identity among those who migrated to Armenia and Western countries.

We found that there is a relationship between psychological well-being and types of adaptation, and there is also a relationship between psychological well-being scales and the level of personal identity. The hypothesis that there are differences between migrants living in Armenia and in Western countries was not confirmed. The results of the correlation analysis are of high practical value and require further research.

Keywords: identity, psychological well-being, adaptability, migrants.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КРЕАТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ И МОТИВОВ НА РАННЕМ ЭТАПЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ*

Э.К. Гегамян

*Академия государственного управления Республики Армения
elengeghamyanhoge2329@paara.am
ORCID: 0009-0000-9794-3782*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются особенности взаимосвязи креативности и мотивов профессиональной деятельности у студентов, получающих среднее профессиональное образование по специальности «Маркетинг». *Цель исследования* заключалась в выявлении взаимосвязей между показателями креативности и мотивацией профессиональной деятельности.

В исследовании приняли участие студенты 16–17 и 18–19 лет ($n=60$). Для сбора эмпирических данных использовались: «Тест дивергентного мышления» Ф. Вильямса, «Опросник личностных качеств креативности» Ф. Вильямса (адаптированный вариант), а также «Методика изучения мотивации профессиональной деятельности» А.В. Батаршева и И.Ю. Алексеевой. Для обработки результатов применялись t -критерий Стьюдента для независимых выборок и корреляционный анализ.

Проведен сравнительный анализ показателей дивергентного мышления, личностных качеств креативности и мотивации профес-

* Исследование выполнено в рамках научного проекта Комитета по высшему образованию и науке РА 25RG-5A220 «Психофизиологические особенности креативности личности и психологические модели ее развития».

сиональной деятельности у студентов различных курсов. Дополнительно была выделена группа студентов с высоким уровнем дивергентного мышления, в которой был осуществлен сравнительный и корреляционный анализ исследуемых показателей.

Результаты показали высокий уровень креативности у студентов, выражающийся в высоких показателях беглости, гибкости и оригинальности мышления. У обследованных студентов также выявлен высокий уровень внешней положительной мотивации. У студентов третьего курса значимые взаимосвязи обнаружены преимущественно между показателями дивергентного мышления, критерием оригинальности и внешней отрицательной мотивацией. Установлено, что более высокие показатели любознательности, воображения и общей самооценки креативности связаны с более выраженной внутренней мотивацией. Кроме того, у студентов с высоким уровнем дивергентного мышления смелость, конструктивное восприятие критики и готовность отстаивать собственные идеи положительно связаны с удовлетворенностью выполненной работой и ориентацией на самореализацию.

Ключевые слова: креативность, мотивация, профессиональная деятельность, личностные качества креативности.

Введение

Актуальность. В современных условиях профессионального образования и динамично изменяющегося рынка труда креативность рассматривается как важный психологический ресурс профессионального развития личности. Технологические инновации, изменчивость профессиональных требований, конкурентная среда и частое возникновение нестандартных задач требуют от обучающихся по программам среднего профессионального образования не только профессиональных знаний и навыков, но и гибкости мышления, способности самостоятельно принимать решения, готовности адаптироваться к новым ситуациям и проявлять творческий подход. В данном контексте креативность, как интеллектуальное и личностное качество, становится

одной из значимых предпосылок развития личности, находящейся на раннем этапе профессионального становления.

На раннем этапе профессионального развития личность находится в процессе самоопределения, уточнения профессиональных интересов, оценки собственных способностей и формирования отношения к будущей профессиональной деятельности. На данном этапе креативность может способствовать не только эффективному выполнению учебных заданий, но и развитию профессиональной самостоятельности, инициативности и активной позиции по отношению к будущей профессии. Вместе с тем, творческая активность личности обусловлена не только познавательными способностями, но и теми мотивами, которые направляют ее учебную и профессиональную деятельность.

Мотивы профессиональной деятельности играют важную роль в формировании вовлеченности, активности и направленности развития личности. Внутренние мотивы могут способствовать развитию любознательности, стремления к саморазвитию и творческому самовыражению, тогда как внешние положительные мотивы могут стимулировать стремление к достижениям, признанию и будущему профессиональному успеху. Внешние отрицательные мотивы, в свою очередь, могут как активизировать личность с целью избегания неудачи или негативной оценки, так и ограничивать ее готовность к творческому риску. Следовательно, возникает необходимость более детального изучения характера взаимосвязи между креативностью и мотивами профессиональной деятельности.

Цель статьи – выявить взаимосвязь креативности с мотивами профессиональной деятельности.

Гипотеза исследования. Предполагается, что проявления креативности у личностей, получающих среднее профессиональное образование и находящихся на раннем этапе профессионального развития, обусловлены уровнем дивергентного мышления, личностными качествами креативности, а также мотивационной структурой профессиональной деятельности.

Изучение данной проблемы является актуальным как в теоретическом, так и в практическом аспекте, поскольку позволяет выявить психологические факторы, способствующие проявлению творческого потенциала личности, эффективности процесса профессионального самоопределения, а также формированию осознанного и активного отношения к будущей профессиональной деятельности.

Научная и практическая значимость. Данное исследование способствует углублению представлений в области психологии профессионального образования и развития, раскрывая особенности взаимосвязи креативности, дивергентного мышления и мотивов профессиональной деятельности у лиц, получающих среднее профессиональное образование и находящихся на раннем этапе профессионального становления. Выявленные в рамках исследования связи между показателями дивергентного мышления, личностными качествами креативности и мотивационной структурой расширяют представления о психологических механизмах проявления креативного потенциала личности и ее профессионального становления.

С практической точки зрения, результаты исследования могут быть использованы в системе среднего профессионального образования при разработке программ, направленных на профессиональное самоопределение, развитие творческого мышления и стимулирование учебной мотивации. Полученные данные могут быть полезны преподавателям, психологам и разработчикам образовательных программ при создании образовательной среды, учитывающей индивидуальные особенности обучающихся.

Основная часть

Анализ литературы

В современных психологических исследованиях креативность рассматривается как один из важных ресурсов когнитивного, личностного и профессионального развития личности. На раннем этапе профессионального становления креативность приобретает особое значе-

ние, поскольку именно в этот период формируются профессиональные интересы личности, первичные представления о профессиональном самоопределении, мотивы деятельности и отношение к будущей профессии. В данном контексте креативность выступает не только как способность выдвигать новые идеи, но и как психологическая предпосылка адаптации к изменяющимся условиям, решения нестандартных задач и формирования самостоятельной позиции в профессиональной деятельности.

Креативность рассматривается как полезный и эффективный ответ на эволюционные, социальные и технологические изменения, поскольку именно творческие личности и процессы обеспечивают развитие новых способов деятельности и адаптацию к изменяющимся условиям [1].

Одним из классических направлений изучения креативности является концепция дивергентного мышления Дж. Гилфорда, согласно которой креативность связана с гибкостью мышления, разнообразием идей и способностью предлагать нестандартные решения [2]. В подходе Гилфорда выделяются такие критерии творческого мышления, как беглость, гибкость, оригинальность и разработанность. Данные показатели позволяют рассматривать креативность не только как общее личностное качество, но и как совокупность измеряемых когнитивных способностей.

Согласно теории Т. Амабиле, креативность обусловлена взаимодействием предметных знаний, навыков творческого мышления и внутренней мотивации. Особая роль отводится внутренней мотивации, которая способствует возникновению инновационных идей и их реализации [3].

Данный подход важен тем, что креативность в нем не рассматривается исключительно как врожденная способность или индивидуальная черта личности. По мнению Т. Амабиле, даже человек, обладающий высоким уровнем знаний и профессиональных умений, не может в полной мере проявить свой творческий потенциал при отсутствии внутреннего интереса и вовлеченности в деятельность. В то же время

одной мотивации недостаточно: для получения творческого результата необходимы соответствующие знания и навыки творческого мышления. Следовательно, креативность можно понимать как результат взаимодействия личностных и средовых факторов, где внутренняя мотивация выступает в качестве основного стимула формирования и реализации новых идей.

Я.А. Пономарев рассматривал креативность как основу развития, движения и изменения. В его подходе особое значение имеет интеллектуальная активность личности и способность замечать не только основные, но и побочные результаты собственной деятельности, которые могут стать источником новых идей [4].

Согласно теории В.Н. Дружинина, креативность является важным качеством личности, которое проявляется в оригинальных и нестандартных подходах к решению задач. Она формируется в результате взаимодействия когнитивных и личностных факторов, а ее развитию способствуют независимость, инициативность и уверенность в себе [5].

В исследованиях творческой личности подчеркиваются такие качества, как осознание собственного творческого потенциала, оригинальность мышления, независимость, готовность к риску, любознательность, открытость новому и толерантность к неопределенности. Эти характеристики показывают, что креативность проявляется не только в познавательной сфере, но и в личностных особенностях человека [6].

Креативность формируется и развивается в той среде, где существуют благоприятные личностные и внешние условия. Для ее проявления важны как психологические особенности индивида, так и социальная, воспитательная и образовательная среда. Таким образом, креативность не ограничивается только интеллектуальными способностями, а определяется взаимодействием внутренних ресурсов личности и внешних условий [7].

В инвестиционной теории Р. Стернберга и Т. Любарта креативность рассматривается как результат взаимодействия личности и

среды. Авторы подчеркивают, что для творческой деятельности необходимо сочетание интеллекта, знаний, когнитивного стиля, личностных качеств, мотивации и внешней среды. Следовательно, даже высокий творческий потенциал не всегда реализуется, если образовательная или социальная среда не поддерживает самостоятельность, новые идеи и готовность к риску [8].

В современных исследованиях креативность не ограничивается только дивергентным мышлением. Она рассматривается как сложный психологический феномен, включающий когнитивные, личностные, мотивационные и средовые компоненты [9]. С этой точки зрения, творческий результат должен быть не только новым, но и полезным, значимым и соответствующим конкретной ситуации. Следовательно, креативность нельзя отождествлять лишь с воображением или спонтанностью: она также предполагает оценку идей, их отбор, разработку и осознание возможности их практического применения.

С.А. Погосян подчеркивает, что креативность является многоаспектным личностным качеством, проявление которого зависит не только от интеллектуальных способностей, но и от индивидуально-психологических особенностей личности, ее активности, самостоятельности и готовности к нестандартному решению задач. В данном контексте, креативность можно рассматривать как важное условие личностного и профессионального развития, особенно на этапе профессионального становления [10].

Многоаспектная природа креативности раскрывается также через модель «четырёх Р», согласно которой креативность включает личность, процесс, продукт и среду [11]. Компонент «личность» связан с любознательностью, независимостью, открытостью опыту и толерантностью к неопределенности. Компонент «процесс» отражает этапы творческого мышления, компонент «продукт» – новизну и полезность созданной идеи, а компонент «среда» – образовательные, социальные и культурные условия. Данная модель имеет особое значение для изучения лиц, находящихся на раннем этапе профессионального становления, поскольку их творческий потенциал формируется

не только под влиянием индивидуальных способностей, но и под воздействием образовательной среды и профессиональной социализации.

В рамках культурно-исторического подхода Л.С. Выготский рассматривает креативность как психологическую функцию, формирующуюся в социальной и культурной среде [12]. Согласно его подходу, воображение и креативность развиваются посредством личного опыта, обучения, языка, культурных инструментов и социального взаимодействия. С этой точки зрения, креативность присуща не только исключительно одаренным людям, но может развиваться в образовательном процессе через сотрудничество, диалог и проблемно-ориентированное обучение. В системе среднего профессионального образования это особенно важно, поскольку обучающиеся не только усваивают профессиональные знания, но и формируют собственное отношение к ним, а также индивидуальные способы их применения.

Э.П. Торренс рассматривал креативность как процесс чувствительности к проблемам, выявления противоречий, выдвижения гипотез, их проверки и последующей разработки результата [13]. В данном подходе творческое мышление не сводится только к оригинальности идей, а предполагает готовность субъекта замечать проблему, удерживать неопределенность и продолжать поиск решения. Следовательно, дивергентное мышление может рассматриваться во взаимосвязи с мотивационной сферой, поскольку творческая продуктивность зависит не только от когнитивных способностей, но и от внутренней включенности личности в деятельность.

В концепции Д.Б. Богоявленской творчество раскрывается через феномен интеллектуальной активности и интеллектуальной инициативы [14]. Творческая личность не ограничивается выполнением заданного требования, а стремится выйти за пределы исходной ситуации, продолжить поиск и обнаружить новые способы решения. Данный подход позволяет подчеркнуть роль внутренней познавательной потребности в проявлении креативности, поскольку творческая активность поддерживается не столько внешним заданием или оценкой, сколько самостоятельным интересом субъекта к проблеме.

А.М. Матюшкин рассматривал развитие мышления в контексте проблемной ситуации, которая возникает при столкновении субъекта с противоречием, затруднением или недостаточностью имеющихся способов действия [15]. Проблемная ситуация активизирует познавательную потребность и побуждает личность к поиску новых способов решения. С этой точки зрения, мотивация выступает не внешним дополнением к креативности, а одним из психологических механизмов, обеспечивающих устойчивость творческого поиска в условиях неопределенности.

Изучение мотивов деятельности имеет важное значение для объяснения креативности. Мотивы выступают как внутренние и внешние причины, направляющие активность личности, ее вовлеченность и вектор профессионального развития. В профессиональной деятельности выделяют внутренние, внешние положительные и внешние отрицательные мотивы. Внутренние мотивы связаны с интересом, саморазвитием и личностным смыслом деятельности. Внешние положительные мотивы обусловлены стремлением к достижениям, признанию, оценке и успеху, тогда как внешние отрицательные мотивы связаны со стремлением избежать неудачи, критики или негативной оценки [16].

В современной психологии мотивация понимается как система факторов, направляющих поведение личности, совокупность мотивов и процесс психической регуляции, обеспечивающий возникновение, направленность и реализацию деятельности [17].

С.С. Занюк рассматривает мотивацию как взаимодействие внутренних и внешних факторов. К внутренним факторам относятся потребности, ценности и убеждения личности, а к внешним – стимулы и социальные ожидания. Мотивация выполняет направляющую и побуждающую функции, определяя цели деятельности и уровень активности личности [18].

В рамках теории самоопределения Э. Деси и Р. Райан подчеркивают, что активность личности становится наиболее эффективной в том случае, когда удовлетворяются базовые психологические потреб-

ности в автономии, компетентности и связанности [19]. Согласно данному подходу, внутренние мотивы способствуют более устойчивой вовлеченности, самостоятельности и творческому самовыражению. Если образовательная среда поощряет самостоятельное мышление, экспериментирование и возможность совершать ошибки, творческий потенциал обучающегося может проявляться более полно.

В теории Д. Макклелланда, поведение личности объясняется тремя ведущими потребностями: потребностью в достижении, принадлежности и власти. Для настоящего исследования особенно значима потребность в достижении, поскольку она связана с активностью личности, стремлением к результату и профессиональной самореализации [20].

Проблема взаимосвязи креативности и мотивов рассматривается также в современных эмпирических исследованиях. Х. Ханифи, С. Изадпанах и Х. Биджани изучали связь между стилями креативности и мотивацией достижения, показав, что креативность не является изолированной когнитивной способностью, а связана с мотивационной сферой личности, академической самооэффективностью, настойчивостью и отношением к новизне [21]. Их подход важен для настоящего исследования, поскольку обосновывает необходимость совместного изучения креативности и мотивов профессиональной деятельности.

Взаимосвязь креативности и мотивационной сферы подтверждается также современными эмпирическими исследованиями. Ф. Гасеми, А. Растегар, Р.Г. Джахроми и Р.Р. Марвдашти изучали связь креативности и мотивации достижения с предпринимательской ориентацией обучающихся. Результаты исследования показали, что креативность и мотивация достижения положительно связаны с предпринимательской активностью обучающихся. Подход авторов важен для настоящего исследования, поскольку подтверждает, что креативность не является изолированной когнитивной способностью, а взаимосвязана с мотивационной сферой личности, её целенаправленностью и стремлением к достижениям [22].

Э. Хедаяти и Т. Замани Бехабади, изучая психологические факторы, влияющие на академическую успеваемость обучающихся EFL,

подчеркивают, что учебная успешность определяется не только когнитивными способностями, но и вовлеченностью личности, ее внутренней позицией, самовосприятием и готовностью участвовать в учебном процессе. Несмотря на то, что данное исследование напрямую не изучает креативность, оно важно в контексте профессионального образования, поскольку показывает, что учебная и профессиональная активность обучающегося формируется в результате взаимодействия психологических и мотивационных факторов [23].

У студентов, получающих среднее профессиональное образование и находящихся на раннем этапе профессионального становления, взаимосвязь креативности и мотивов приобретает особое значение. На данном этапе личность находится в процессе профессионального самоопределения, оценки собственных способностей и формирования будущей профессиональной роли. Внутренние мотивы могут способствовать творческой любознательности, воображению и готовности находить нестандартные решения. Внешние положительные мотивы могут стимулировать стремление к достижению результата и завершению задания, тогда как внешние отрицательные мотивы могут иметь двойственное влияние: с одной стороны, активизировать личность, а с другой – ограничивать свободу творческого риска.

Таким образом, сопоставление теоретических и эмпирических источников позволяет сделать вывод о том, что проявление креативности на раннем этапе профессионального становления обусловлено взаимодействием когнитивных, личностных и мотивационных факторов. Дивергентное мышление, личностные качества креативности и мотивы профессиональной деятельности в совокупности формируют психологическую основу, на которой строятся творческая активность личности, профессиональное самоопределение и осознанное отношение к будущей деятельности.

Методологические основания исследования

Методологическую основу исследования составили положения психологии творчества, психологии мотивации и психологии профес-

сионального развития личности. Исследование опирается на представление о креативности как многоаспектном психологическом феномене, включающем когнитивные, личностные и мотивационные компоненты. В качестве теоретико-методологической базы были использованы подходы Дж. Гилфорда и Э.П. Торренса к изучению дивергентного мышления, концепция креативности Т. Амабиле, подчеркивающая роль внутренней мотивации в творческой активности, а также положения Д.Б. Богоявленской об интеллектуальной активности и А.М. Матюшкина о проблемной ситуации как условии активизации творческого мышления. Исследование основано на психометрическом подходе (Э. Торренс, Дж. Гильфорд, Ф. Вильямс), в котором креативность можно измерить по критериям. также опирались на подходе С. Погосян, в котором креативность рассматривается как системное качество и включает критерии креативности, личностные качества, мотивация, способствующие и препятствующие факторы креативности.

В исследовании также учитывались положения субъектно-деятельностного подхода, согласно которому развитие личности происходит в процессе деятельности, а мотивы определяют направленность, активность и устойчивость её поведения. В данном контексте учебная деятельность студентов среднего профессионального образования рассматривается как учебно-профессиональная, поскольку она связана с освоением конкретной специальности, формированием профессиональных интересов и первичных представлений о будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, методологическая позиция исследования заключается в рассмотрении креативности и мотивации как взаимосвязанных характеристик личности, находящейся на раннем этапе профессионального становления. Креативность рассматривается через показатели дивергентного мышления и личностные качества креативности, а мотивация – через внутренние, внешние положительные и внешние отрицательные мотивы профессиональной деятельности.

Методы исследования

Для достижения цели исследования был использован метод тестирования. Эмпирические данные были получены с помощью следующих психодиагностических методик: «Тест дивергентного мышления» Ф. Вильямса, «Опросник личностных качеств креативности» Ф. Вильямса в адаптированном варианте, а также «Методика изучения мотивации профессиональной деятельности» А.В. Батаршева и И.Ю. Алексеевой [24].

Мотивация профессиональной деятельности в данном исследовании рассматривается как мотивация учебно-профессионального становления студентов, осваивающих конкретную специальность.

В исследовании приняли участие 60 студентов, обучающихся по специальности «Маркетинг» в системе среднего профессионального образования. Выборка была разделена на две группы: студенты 2-го курса в возрасте 16–17 лет и студенты 3-го курса в возрасте 18–19 лет. В каждую группу вошли по 30 человек.

Выбор респондентов, обучающихся по специальности «Маркетинг», обусловлен спецификой данной профессиональной области, в которой креативность выступает одним из профессионально значимых качеств. Маркетинговая деятельность предполагает анализ потребностей и поведения потребителя, разработку коммуникативных стратегий, создание новых смыслов, образов и идей, а также поиск нестандартных решений в условиях конкуренции и изменяющихся запросов рынка. В связи с этим для будущих специалистов в сфере маркетинга особое значение приобретают гибкость мышления, оригинальность, воображение, способность видеть проблему с разных сторон и предлагать творческие способы её решения. Поэтому студенты, получающие среднее профессиональное образование по специальности «Маркетинг», являются релевантной группой для изучения взаимосвязи креативности и мотивации на раннем этапе профессионального становления.

Для обработки эмпирических данных применялись методы математической статистики: t-критерий Стьюдента для независимых выборок – для выявления различий между группами, а также корреляционный анализ Пирсона - для определения характера взаимосвязей между показателями креативности и мотивационными компонентами. Статистическая значимость результатов оценивалась на уровнях $p < 0,05$ и $p < 0,01$.

Таблица 1.

Сравнение средних показателей дивергентного мышления студентов 3-го и 2-го курсов

Показатели	3-й курс	SD	2-й курс	SD	t-критерий
Беглость	12	0	12	0,5	1,4
Гибкость	9	1,9	9	1,3	1,7
Оригинальность	28	5	29	4	0,3
Разработанность	23	5,2	25	5,7	1,5
Название	18	4,5	20	8,2	1,1
Креативность	90	16,6	95	15,7	3,2

Сравнение средних показателей результатов студентов 3-го и 2-го курсов показывает, что по большинству компонентов дивергентного мышления существенных различий между группами не выявлено. У них высокие показатели гибкости, оригинальности, разработанности. Средние показатели по критерию названия, то есть они не так часто используют язык творчески. Гибкость характеризуется умением переходить от одного класса понятий к другому. Оригинальность (редкость, нетривиальность решений) – способность продуцировать отдаленные ассоциации, необычные ответы [25]. Вместе с тем общий показатель дивергентного мышления у студентов 2-го курса оказался выше и составил 95, тогда как у студентов 3-го курса – 90. Данное различие является статистически значимым ($t=3,2$; $p < 0,01$).

Таблица 2.

**Сравнение средних показателей мотивов
студентов 3-го и 2-го курсов**

Показатели	3-й курс	SD	2-й курс	SD	t-критерий
Внутренний мотив	4	0,9	5	0,7	0,99
Внешний положительный мотив	4	0,5	4	0,7	2
Внешний отрицательный мотив	3	1	3	0,8	0,9

Как видно из Табл. 2, показатель внешнего положительного мотива у студентов 3-го курса несколько выше, чем у студентов 2-го курса. Значение t-критерия Стьюдента, равное 2, свидетельствует о наличии статистически значимого различия между группами по уровню выраженности внешнего положительного мотива.

У студентов 3-го курса более выраженная внешняя положительная мотивация может отражать усиление ориентации на будущую профессиональную самореализацию, признание, достижение успеха, материальное вознаграждение и продвижение в избранной профессиональной сфере. В данном случае речь идет не о мотивации уже осуществляемой трудовой деятельности, а о мотивационных ожиданиях, формирующихся в процессе учебно-профессиональной подготовки.

Таблица 3.

**Сравнение средних показателей личностных
качеств креативности студентов 3-го и 2-го курсов**

Показатели	3-й курс	SD	2-й курс	SD	t-критерий
Склонность к риску	13	3,4	17	2,5	3,7
Любознательность	11	3,5	12	4,8	0,8
Сложность	7	2,9	9	4,6	2,2

Воображение	10	5,1	11	5	0,4
Оценка креативности	41	10,7	47	14,6	1,8

Показатель склонности к риску у студентов 2-го курса оказался выше и составил 16,7, тогда как у студентов 3-го курса данный показатель равен 13,8. Различие между группами является статистически значимым ($t=3,7$; $p<0,001$). Полученные данные свидетельствуют о том, что студенты 2-го курса в сравнительно большей степени открыты к новым идеям, экспериментированию и творческому риску. Более низкий показатель склонности к риску у студентов 3-го курса может быть обусловлен более четким осознанием профессиональных требований, системы оценки и ответственности. Таким образом, на более раннем этапе профессионального развития творческая активность может проявляться в более свободной и экспериментальной форме.

Таблица 4.

**Взаимосвязь дивергентного мышления
и мотивационных компонентов у студентов 3-го курса**

Показатель дивергентного мышления	Мотив	Корреляция, $n=30$, $p<0,05$, $p<0,01$
Оригинальность	Внешний отрицательный мотив	0,394**
Название		0,364*
Креативность		0,398***

Анализ взаимосвязи дивергентного мышления и мотивационных компонентов у студентов 3-го курса показывает, что значимые положительные связи выявлены преимущественно с внешним отрицательным мотивом. В частности, положительная корреляция установлена между оригинальностью и внешним отрицательным мотивом ($r=0,394$), между показателем «Название» и внешним отрицательным мотивом ($r=0,364$), а также между общим показателем дивергентного мышления и внешним отрицательным мотивом ($r=0,398$).

Полученные данные позволяют предположить, что у студентов 3-го курса отдельные проявления дивергентного мышления могут быть связаны со стремлением избежать критики, неудачи или отрицательной оценки. Иными словами, в данной группе оригинальность, способность к смысловому оформлению идей и общий уровень дивергентного мышления частично соотносятся с внешней отрицательной мотивацией.

Таблица 5.

**Взаимосвязь личностных качеств креативности
и мотивационных компонентов у студентов 3-го курса**

Личностные качества креативности	Мотив	Корреляция, n=30, p<0,05, p<0,01
Любознательность	Внутренний мотив	0,383**
Воображение		0,416**
Самооценка креативности		0,397**

Анализ взаимосвязи личностных качеств креативности и мотивационных компонентов у студентов 3-го курса показывает, что значимые связи преимущественно относятся к внутреннему мотиву. В частности, положительная связь была выявлена между любознательностью и внутренним мотивом - $r=0,383$, между воображением и внутренним мотивом - $r=0,416$, а также между общим показателем личностных качеств креативности и внутренним мотивом - $r=0,397$.

Данные связи свидетельствуют о том, что чем более выражены у студентов любознательность, воображение и общая самооценка креативности, тем в большей степени им свойственна внутренняя мотивация. Это означает, что личностные проявления креативности у студентов 3-го курса в большей мере связаны с интересом к деятельности, стремлением к самовыражению, саморазвитию и внутренней вовлеченностью в учебно-профессиональный процесс.

Таблица 6.

**Взаимосвязь личностных качеств креативности
и мотивационных компонентов у студентов 2-го курса**

Личностные качества креативности	Мотив	Корреляция, n=30, p<0,05, p<0,01
Склонность к риску	Внутренний мотив	0,394***

Анализ взаимосвязи личностных качеств креативности и мотивационных компонентов у студентов 2-го курса показывает, что значимая связь была выявлена между склонностью к риску и внутренним мотивом - $r=0,394$. Это свидетельствует о том, что чем в большей степени студентам свойственны смелость, конструктивное восприятие критики и готовность отстаивать собственные идеи, тем в большей степени они удовлетворены результатами своей деятельности и реализуют себя в учебно-профессиональной деятельности.

Поскольку в результате сравнения студентов 2-го и 3-го курсов по большинству показателей существенных различий выявлено не было, на следующем этапе исследования было признано целесообразным разделить участников по уровню выраженности дивергентного мышления. С этой целью были выделены две группы: студенты с высоким и низким уровнями дивергентного мышления. Из общей выборки 32 студента вошли в группу с высоким уровнем дивергентного мышления, а 28 студентов – в группу с низким уровнем дивергентного мышления.

Далее рассмотрим результаты анализа данных студентов с высоким и низким уровнем дивергентного мышления.

Анализ различий между студентами с высоким и низким уровнем дивергентного мышления позволяет уточнить, за счет каких компонентов формируется общий уровень креативности. Наиболее выраженные различия между группами выявлены по показателям оригинальности, разработанности, способности к смысловому оформлению идей и общему показателю дивергентного мышления.

Таблица 7.

**Сравнение средних показателей результатов студентов
с высоким и низким уровнем дивергентного мышления**

Показатели	Высокий уровень	SD	Низкий уровень	SD	t-кри- терий
Беглость	12	0	12	0,5	1,4
Гибкость	9	1,6	9	1,7	1,2
Оригинальность	31	3	26	4,6	4,8
Разработанность	28	3,8	20	4	7,5
Название	28	6,8	14	2,8	5,6
Креативность	102	16,6	80	9	9,1

Более высокие значения оригинальности свидетельствуют о большей способности студентов данной группы продуцировать нестандартные и редкие идеи. Различия по показателю разработанности ($t=7,5$; $p<0,001$) указывают на более выраженную способность детализировать, дополнять и развивать предложенные решения. Более высокий показатель «Название» ($t=5,6$; $p<0,001$) отражает способность к смысловому обобщению, творческому использованию языка и приданию идее завершенной формы. Общий показатель дивергентного мышления в группе с высоким уровнем составил 102, тогда как в группе с низким уровнем – 80, различие является статистически значимым ($t=9,1$; $p<0,001$).

Следовательно, различия между группами связаны не только с количественным превосходством общего показателя дивергентного мышления, но и с качественными особенностями творческого процесса: оригинальностью решений, степенью их разработанности и способностью к смысловой организации творческого продукта.

Сравнение средних показателей мотивационных компонентов у студентов с высоким и низким уровнем дивергентного мышления показало, что статистически значимых различий между группами не

выявлено. Это свидетельствует о том, что в данной выборке высокий или низкий уровень дивергентного мышления сам по себе не сопровождается выраженными различиями во внутренней, внешней положительной и внешней отрицательной мотивации.

Таблица 8.

**Сравнение средних показателей мотивов студентов
с высоким и низким уровнем дивергентного мышления**

Показатели	Высокий уровень	SD	Низкий уровень	SD	t-кри- терий
Внутренний мотив	4	0,8	5	0,6	0,3
Внешний положи- тельный мотив	4	0,6	4	0,5	1,4
Внешний отрица- тельный мотив	3	1	3	0,9	0,3

Полученный результат позволяет предположить, что мотивационная структура студентов может быть связана не столько с общим уровнем дивергентного мышления, сколько с его отдельными компонентами, а также с личностными качествами креативности.

Таблица 9.

**Сравнение средних показателей личностных качеств
креативности у студентов с высоким и низким уровнем
дивергентного мышления.**

Показатели	Высокий уровень	SD	Низкий уровень	SD	t-кри- терий
Склонность к риску	16	2,8	15	3,7	0,9
Любознательность	11	4,2	13	4,1	1,6
Сложность	8	4	9	4	0,8
Воображение	11	5,1	11	5	0,1

Самооценка креативности	45	12,4	46	13,3	0,4
-------------------------	----	------	----	------	-----

Сравнение средних показателей личностных качеств креативности у студентов с высоким и низким уровнем дивергентного мышления показывает, что в данной выборке статистически значимых различий между группами выявлено не было.

В связи с этим в дальнейшем анализе представляется целесообразным рассматривать не только различия средних показателей, но и характер взаимосвязей между дивергентным мышлением, личностными качествами креативности и мотивационными компонентами.

Таблица 10.

**Взаимосвязь дивергентного мышления и мотивационных
компонентов у студентов с высоким уровнем
дивергентного мышления**

Показатель дивергентного мышления	Мотив	Корреляция, $n=32$, $p<0,05$, $p<0,01$
Название	Внутренний мотив	0,376**

Анализ взаимосвязи дивергентного мышления и мотивационных компонентов у студентов с высоким уровнем дивергентного мышления показывает, что значимая связь была выявлена между показателем «Название» и внутренним мотивом - $r=0,376$.

Данный результат свидетельствует о том, что у студентов с высоким уровнем дивергентного мышления способность давать названия идеям, использовать язык творчески, осмыслять их и чётко формулировать связана с внутренними мотивами.

Анализ взаимосвязи личностных качеств креативности и мотивационных компонентов у студентов с высоким уровнем дивергентного мышления показывает наличие двух значимых связей. Между

склонностью к риску и внутренним мотивом выявлена положительная связь - $r=0,342$, а между склонностью к риску и внешним положительным мотивом – отрицательная связь - $r=-0,393$.

Таблица 11.

**Взаимосвязь личностных качеств креативности и
мотивационных компонентов у студентов с высоким
уровнем дивергентного мышления**

Личностные качества креативности	Мотив	Корреляция, $n=32$, $p<0,05$, $p<0,01$
Склонность к риску	Внутренний мотив	0,342*
	Внешний положительный мотив	-0,393**

Данные связи свидетельствуют о том, что чем в большей степени студентам с высоким уровнем дивергентного мышления свойственны смелость, конструктивное восприятие критики и готовность отстаивать собственные идеи, тем в большей степени они удовлетворены выполненной работой и ориентированы на самореализацию. При этом потребность в денежном вознаграждении, авторитете, признании и уважении со стороны окружающих выражена у них в меньшей степени.

Полученные результаты показывают, что у студентов с высоким уровнем дивергентного мышления готовность к творческому риску в большей степени связана с внутренним интересом и стремлением к самовыражению. В то же время ориентация на внешнюю оценку, одобрение или признание может в определённой степени снижать готовность к риску, делая студента более осторожным в творческом выборе.

Анализ взаимосвязи дивергентного мышления и мотивационных компонентов у студентов с низким уровнем дивергентного мышления показывает, что между общим показателем дивергентного мышления и внешним положительным мотивом выявлена отрицательная связь ($r=-0,368$).

Таблица 12.

**Взаимосвязь дивергентного мышления и мотивационных
компонентов у студентов с низким уровнем
дивергентного мышления**

Показатель дивергентного мышления	Мотив	Корреляция, $n=28$, $p<0,05$, $p<0,01$
Общий показатель дивергентного мышления	Внешний положительный мотив	-0,368*

Полученный результат позволяет предположить, что у студентов с низким уровнем дивергентного мышления усиление внешних положительных мотивов – ориентации на оценку, одобрение, признание или ожидание внешнего успеха – может сопровождаться менее выраженным проявлением дивергентного мышления. Иными словами, в данной группе выраженная ориентация на внешнюю оценку может соотноситься с более низким уровнем проявления творческого мышления.

Заключение

На основании теоретического анализа и результатов эмпирического исследования можно сформулировать следующие выводы.

1. Теоретический анализ показал, что креативность на раннем этапе профессионального становления представляет собой многоаспектное психологическое образование, включающее когнитивные, личностные и мотивационные компоненты. Дивергентное мышление отражает способность личности к гибкому, оригинальному и продуктивному поиску решений, личностные качества креативности характеризуют готовность к новизне, риску, воображению и самостоятельности, а мотивационная сфера определяет направленность и устойчивость творческой активности.

2. Сравнительный анализ студентов 2-го и 3-го курсов показал, что по большинству показателей дивергентного мышления существенных различий между группами не выявлено. Вместе с тем общий показатель дивергентного мышления оказался более выраженным у студентов 2-го курса. У студентов 2-го курса также выявлена более высокая склонность к риску, что может свидетельствовать о большей открытости к экспериментированию, принятию нестандартных решений и творческому поиску. У студентов 3-го курса более выражена внешняя положительная мотивация, что может быть связано с усилением ориентации на профессиональные достижения, признание и будущую самореализацию.

3. Корреляционный анализ показал, что у студентов 3-го курса отдельные показатели дивергентного мышления положительно связаны с внешней отрицательной мотивацией. В частности, оригинальность, показатель «Название» и общий показатель дивергентного мышления соотносятся со стремлением избежать неудачи, критики или отрицательной оценки. Данный результат позволяет предположить, что внешняя отрицательная мотивация у части студентов может выполнять мобилизующую функцию и стимулировать отдельные проявления творческого мышления.

4. У студентов 3-го курса выявлены положительные связи между внутренней мотивацией и личностными качествами креативности: любознательностью, воображением и общей самооценкой креативности. У студентов 2-го курса внутренняя мотивация положительно связана со склонностью к риску. Следовательно, личностные проявления креативности в большей степени поддерживаются внутренним интересом к деятельности, стремлением к самовыражению и готовностью действовать нестандартно.

5. Сравнение студентов с высоким и низким уровнем дивергентного мышления показало, что различия между группами проявляются преимущественно в оригинальности, разработанности, способности к смысловому оформлению идей и общем показателе дивергентного мышления. При этом по мотивационным компонентам и личностным

качествам креативности статистически значимых различий между группами не выявлено. Это показывает, что общий уровень дивергентного мышления не всегда сопровождается выраженными различиями в мотивационной структуре и личностных качествах креативности.

6. Корреляционный анализ в группах с разным уровнем дивергентного мышления показал, что у студентов с высоким уровнем дивергентного мышления показатель «Название» положительно связан с внутренней мотивацией, а склонность к риску положительно связана с внутренней мотивацией и отрицательно — с внешней положительной мотивацией. У студентов с низким уровнем дивергентного мышления общий показатель дивергентного мышления отрицательно связан с внешней положительной мотивацией. Полученные данные позволяют предположить, что внутренняя мотивация способствует творческой самостоятельности и готовности к риску, тогда как выраженная ориентация на внешнее одобрение, признание или вознаграждение может ограничивать свободное проявление творческого мышления.

7. Таким образом, гипотеза исследования получила подтверждение: установлены статистически значимые взаимосвязи между показателями креативности студентов и мотивационными компонентами профессиональной деятельности. Полученные результаты показывают, что внутренняя мотивация положительно связана с личностными качествами креативности и отдельными показателями дивергентного мышления, тогда как внешняя мотивация имеет более сложные и разнонаправленные связи с проявлениями креативности.

Полученные результаты подчёркивают необходимость развития в системе среднего профессионального образования такой образовательной среды, которая поддерживает внутренний интерес студентов, самостоятельность, инициативность и готовность к поиску нестандартных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Runco M. Creativity* // “Annual Review of Psychology”. Vol. 55, 2004. PP. 657–687.

2. *Guilford J.* Creativity // “American Psychologist”. Vol. 5, No. 9, 1950. PP. 444–454.
3. *Amabile T.* The Social Psychology of Creativity. Berlin; Heidelberg; New York; Tokyo: “Springer-Verlag”, 1983, 245p.
4. *Пономарев Я.А.* Психология творчества. М.: «Наука», 1976.
5. *Дружинин В.Н.* Психология общих способностей. 3-е изд. С-Пб.: «Питер», 2008.
6. *Ильин Е.П.* Психология креативности, творчества, одаренности. С-Пб.: «Питер», 2011.
7. *Պողոսյան Ս., Հղուզումցյան Ռ., Խաչատրյան Ա., Ղազեղյան Խ.* Ժամանակակից կառավարչի ստեղծարարության զարգացման հոգեբանական գործոնները: Ուսումնական ձեռնարկ. Եր. «Հեղինակային հրատարակություն», 2024.
8. *Sternberg R., Lubart T.* An investment theory of creativity and its development // “Human Development”. Vol. 34, No. 1, 1991. PP. 1–31.
9. *Hennessey B., Amabile T.* Creativity // “Annual Review of Psychology”, Vol. 61, 2010. PP. 569–598. DOI: 10.1146/annurev.psych.093008.100416.
10. *Պողոսյան Ս. Հ.* Անձի ստեղծարարության բացահայտման և դրսևորման առանձնահատկությունները. Եր., 2022.
11. *Rhodes M.* An analysis of creativity // Phi Delta Kappan. 1961. Vol. 42, No. 7. PP. 305–310.
12. *Выготский Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте. М.: «Просвещение», 1967.
13. *Torrance E.* Torrance Tests of Creative Thinking: Norms-Technical Manual. Princeton, NJ: “Personnel Press”, 1966.
14. *Богоявленская Д.Б.* Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов-н/Д: Издательство Ростовского университета, 1983, 173с.
15. *Матюшкин А.М.* Концепция творческой одаренности // «Вопросы психологии», № 6, 1989. СС. 29–33.
16. *Чередниченко И.П., Тельных Н.В.* Психология управления. Ростов-н-Д.: «Феникс», 2004.
17. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. С-Пб.: «Питер», 2002.
18. *Занюк С.С.* Психология мотивации. Киев: «Эльга-Н»; «Ника-Центр», 2002.
19. *Ryan R., Deci E.* Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // “American Psychologist”. Vol. 55, No. 1, 2000. PP. 68–78.

20. *McClelland D. C.* Human Motivation. Cambridge: “Cambridge University Press”, 1987.
21. *Haniefi H., Izadpanah S., Bijani H.* Study of styles of creativity and achievement motivation among Iranian EFL and non-EFL learners // “International Journal of English Language & Translation Studies”. Vol. 6, No. 2, 2018. PP. 1–13.
22. *Ghasemi F., Rastegar A., Jahromi R.G., Marvdashti R.R.* The relationship between creativity and achievement motivation with high school students’ entrepreneurship // “Procedia – Social and Behavioral Sciences”. Vol. 30. 2011. PP. 1291–1296. DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.10.250.
23. *Hedayati E., Zamani Behabadi T.* Academic achievement in EFL learners: The role of emo-sensory intelligence, L2 ego, and class attendance // “Journal of Contemporary Language Research”. Vol. 4, No. 2. 2025. PP. 23–32. DOI: 10.58803/jclr.v4i2.131.
24. Երևանի պետական համալսարան, Հոգեբանության գիտահետազոտական կենտրոն. Հոգեբանական գնահատման գործիքակազմ. Եր. «ԵՊՀ հրատարակչություն», 2024.
25. *Кашанов М.М.* Психология творческого мышления профессионала. М.: «ПЕР СЭ», 2006, 676с.

REFERENCES

1. *Runco M.* Creativity // “Annual Review of Psychology”. Vol. 55, 2004. PP. 657–687.
2. *Guilford J.* Creativity // “American Psychologist”. Vol. 5, No. 91950. PP. 444–454.
3. *Amabile T.* The Social Psychology of Creativity. Berlin; Heidelberg; New York; Tokyo: “Springer-Verlag”, 1983, 245p.
4. *Ponomarev Ya. A.* Psikhologiya tvorchestva [Psychology of Creativity]. Moscow: “Nauka”, 1976.
5. *Druzhinin V.* Psikhologiya obshchikh sposobnostey [Psychology of General Abilities]. 3rd ed. Saint Petersburg: “Piter”, 2008.
6. *Ilyin E.* Psikhologiya kreativnosti, tvorchestva, odarennosti [Psychology of Creativity, Creative Activity and Giftedness]. St. Petersburg: “Piter”, 2011.
7. *Poghosyan S., Aghuzumtsyan R., Khachatryan A., Ghazeyan Kh.* Zhamanakakits karavarchi steghsasarutyan zargatsman hoguebanakan

- gortsanner [Psychological Factors in the Development of Creativity of a Modern Manager]. Educational manual. Yer.: "Author's publication", 2024.
8. Sternberg R., Lubart T. An investment theory of creativity and its development // "Human Development". Vol. 34, No. 1, 1991. PP. 1–31.
 9. Hennessey B., Amabile T. Creativity // "Annual Review of Psychology". Vol. 61, 2010. PP. 569–598. DOI: 10.1146/annurev.psych.093008.100416.
 10. Poghosyan S. Andzi steghtsasarutyan batsahaytman yev drsevorman arandznahatkut'yunnery [Features of Revealing and Manifesting Personal Creativity]. Yer., 2022.
 11. Rhodes M. An analysis of creativity // Phi Delta Kappan. 1961. Vol. 42, No. 7. PP. 305–310.
 12. Vygotsky L. Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste [Imagination and Creativity in Childhood]. Moscow: "Prosveshchenie", 1967.
 13. Torrance E. Torrance Tests of Creative Thinking: Norms-Technical Manual. Princeton, NJ: "Personnel Press", 1966.
 14. Bogoyavlenskaya D. Intellektualnaya aktivnost kak problema tvorchestva [Intellectual Activity as a Problem of Creativity]. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House, 1983, 173p.
 15. Matyushkin A. Kontseptsiya tvorcheskoy odarennosti [The Concept of Creative Giftedness] // "Voprosy psikhologii". No. 6, 1989. PP. 29–33.
 16. Cherednichenko I., Telnykh N. Psikhologiya upravleniya [Psychology of Management]. Rostov-on-Don: "Feniks", 2004.
 17. Ilyin E. Motivatsiya i motivy [Motivation and Motives]. Saint Petersburg: "Piter", 2002.
 18. Zanyuk S. Psikhologiya motivatsii [Psychology of Motivation]. Kyiv: "Elga-N"; "Nika-Centr", 2002.
 19. Ryan R., Deci E. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // "American Psychologist". Vol. 55, No. 1, 2000. PP. 68–78.
 20. McClelland D. Human Motivation. Cambridge: "Cambridge University Press", 1987.
 21. Haniefi H., Izadpanah S., Bijani H. Study of styles of creativity and achievement motivation among Iranian EFL and non-EFL learners // "International Journal of English Language & Translation Studies". Vol. 6, No. 2, 2018. PP. 1–13.

22. *Ghasemi F., Rastegar A., Jahromi R., Marvdashti R.* The relationship between creativity and achievement motivation with high school students' entrepreneurship // "Procedia – Social and Behavioral Sciences". Vol. 30, 2011. PP. 1291–1296. DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.10.250.
23. *Hedayati E., Zamani Behabadi T.* Academic achievement in EFL learners: The role of emo-sensory intelligence, L2 ego, and class attendance // "Journal of Contemporary Language Research". Vol. 4, No. 2, 2025. PP. 23–32. DOI: 10.58803/jclr.v4i2.131.
24. Yerevan State University, Psychological Research Center. Hogebanakan gnahatman gortsiqakazm [Psychological Assessment Toolkit]. Yer.: "YSU Publishing House", 2024.
25. *Kashapov M.* Psikhologiya tvorcheskogo myshleniya professionala [Psychology of Creative Thinking of a Professional]. Moscow: PER SE, 2006, 676p.

THE RELATIONSHIP BETWEEN PERSONAL CREATIVITY AND MOTIVATION AT THE EARLY STAGE OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT

E. Geghamyan

Public Administration Academy of the Republic of Armenia

ABSTRACT

The article examines the relationship between creativity and motives of professional activity among students receiving secondary vocational education in Marketing. The aim of the study was to identify the correlations between indicators of creativity and motivation for professional activity.

The study involved students aged 16–17 and 18–19 years ($n = 60$). The empirical data were collected using F. Williams' Divergent Thinking Test, F. Williams' Creativity Assessment Packet in its adapted version, and the Method for Studying Motivation for Professional Activity by A. V. Batarshchikov and I. Yu. Alekseeva. The data were processed using Student's t -test for independent samples and correlation analysis.

A comparative analysis was carried out of divergent thinking indicators, personal qualities of creativity, and motivation for professional activity among students of different academic years. In addition, a group of students with a high level of divergent thinking was identified, and comparative and correlation analyses of the studied indicators were conducted.

The results showed a high level of creativity among the students, reflected in high indicators of fluency, flexibility, and originality of thinking. The examined students also demonstrated a high level of external positive motivation. Among third-year students, significant correlations were mainly found between divergent thinking indicators, originality, and external negative motivation. It was established that higher levels of curiosity, imagination, and overall self-assessment of creativity were associated with stronger intrinsic motivation. Furthermore, among students with a high level of divergent thinking, courage, constructive perception of criticism, and readiness to defend one's own ideas were positively related to satisfaction with completed work and orientation toward self-realization.

Keywords: creativity, motivation, professional activity, divergent thinking, personal qualities of creativity.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI 10.24412/1829-0485-2026-2-227-238
УДК 8

Поступила: 10.12.2025г.
Сдана на рецензию: 15.12.2025г.
Подписана к печати: 09.03.2026г.

THEORETICAL FRAMEWORK OF BAKHTIN'S PHILOSOPHY AND ITS APPLICATION TO POLITICAL DISCOURSE

A. Simonyan

Russian-Armenian University
armine.simonyan@rau.am
ORCID: 0009-0003-4523-066X

ABSTRACT

Mikhail Bakhtin's key philosophical ideas – dialogue, monologue, polyphony, and the chronotope – have been applied to the realm of political communication, demonstrating how these ideas extend beyond literary theory and shape our understanding of communication, identity, and political discourse. For Bakhtin, language is inherently social, it emerges through human interaction and is never neutral. Human consciousness itself is dialogic, shaped by the voices, viewpoints, and experiences of others. Even internal thinking is an implicit dialogue, not a monologue. Dialogue transcends time and space, allowing statements across eras to interact. This fusion of time and space is expressed in Bakhtin's notion of the chronotope, a contextual frame in which meaning is formed. Bakhtin later expands these ideas through the concept of

polyphony, describing works – mainly Dostoevsky's – where multiple independent voices coexist without a single dominating viewpoint. Bakhtin's concepts-dialogue, polyphony, heteroglossia, and the chronotope – extend far beyond literature. Political discourse becomes a dialogic space in which diverse voices interact, values are negotiated, and cultures engage in complex, meaningful interaction.

Keywords: dialogue, monologue, polyphony, chronotope, political discourse, communication, time, space.

Introduction

In contemporary linguistics, the focus of investigation has progressively shifted from examining the internal organization of language to exploring the external dimensions of linguistic activity. This shift represents a natural and theoretically justified evolution accompanying the transition from one scientific paradigm to another. The earlier structuralist paradigm-centered primarily on the inherent properties of language-approached linguistic analysis through discrete units such as the phoneme, morpheme, word, and sentence. In contrast, the emerging cognitive-discursive paradigm reconceptualizes linguistic units as phenomena that must be examined within the broader framework of human cognitive processes and communicative behavior. Within this paradigm, language is understood not merely as a system of formal structures but as a dynamic instrument shaped by the interaction between individuals and their surrounding social, cultural, and physical environments. The use of language in professionally oriented communicative situations has also contributed to shifting linguistics beyond the notion of a closed, self-contained system. The representation of dynamic structure of communication in real speech situations has become the essence of discourse studies.

Today, active transformations in socio-political life, the widespread involvement of citizens in political processes, and the escalation of numerous international and domestic conflicts have drawn the attention of

linguists to the communicative behavior of politicians and their public image. The significance of political communication is rapidly increasing: issues of power are openly discussed, and the resolution of many political problems depends on how adequately these problems are interpreted through language use. Consequently, linguistics is now faced with the task of analyzing the full spectrum of linguistic peculiarities of political discourse.

In this study, we have made an attempt to apply Bakhtin's theoretical framework to political discourse and to reveal the socio-cognitive mechanisms that guide linguistic production and interpretation.

Mikhail Bakhtin is widely regarded as one of the most influential thinkers of the twentieth century whose ideas have reshaped the study of language, literature, culture, and human communication. Although much of his work remained unpublished and little known during his lifetime, Bakhtin's intellectual legacy has grown significantly in the decades since his death. Challenging traditional notions of linguistic neutrality, Bakhtin positions language as a profoundly social phenomenon – one that is formed through interaction, shaped by context, and inseparable from human identity. At the center of his philosophy stands the human speaker, whose consciousness is inherently dialogical. Today, his concepts are implemented into the vast scope of humanitarian knowledge such as linguistics, literary theory, philosophy of language, cultural studies, anthropology and political discourse analysis.

Methods of investigation

The study incorporates a combination of several methods: theoretical-conceptual analysis, discourse analysis and intertextual analysis. This interdisciplinary approach shows how Bakhtinian theory extends beyond literary studies and the applicability of Bakhtinian theory into the field of political communication.

Main Body

Mikhail Bakhtin is a prominent thinker, philosopher and literary scholar whose social and intellectual legacy resonates across various fields

of the humanitarian knowledge. Bakhtin's heritage is characterized by his profound contributions to the study of language, culture, and society. For Bakhtin, language is not a neutral entity; it is deeply interwoven with social interaction, identity, and meaning. The carrier of language is the human being, the central figure in language studies. He is the individual who shapes and is shaped by language.

Bakhtin studies the notion of speaker through the lenses of monological and dialogical thinking. According to him, monologue ignores the perspectives of others; it neither acknowledges nor engages with differing viewpoints, positioning himself as the sole authority in the situation. Only the speaker is aware of the knowledge, information, and insight. He holds the role of a leader, with ideas reflecting his own vision and truth [1].

In the philosophical analysis of human life Bakhtin claims: Life is by its nature dialogical. To live means to participate in a dialogue, to ask questions, to listen, to respond, to agree, to argue and so on. In this dialogue, a person participates fully, with their entire life: with their eyes, lips, hands, soul, spirit, whole body, and actions [2].

Bakhtin came to the conclusion that our consciousness represented in the form of thinking, understanding and communication is always dialogical.

Communication is dialogue. It is the foundation of human existence, it involves an interaction of at least two authors, two subjects, and two texts. Understanding always involves a response. To understand means to answer. Even silent comprehension is shaped by anticipating or preparing a response. To see and understand the author is to perceive another consciousness and its world [3].

Most scholars claim, that communication equals dialogue whereas monologue represents thinking. Bakhtin, however, assumes that thinking is not a monologue, since every thought or word emerges through interaction with other people's perspectives. What we call an internal monologue is, in fact, a hidden dialogue, where different viewpoints collide. Even when alone, a person is engaged in a dialogue with their own past and present –

and this is an ongoing, dynamic process. Therefore, thinking is not a passive act but an active exchange between one's own thoughts and those of others.

Dialogue transcends time and space. Two statements, even if separated by time and distance, can enter into a dialogical relationship if they share a common theme or point of view.

Later Bakhtin introduced the concept of the chronotope to describe the inseparable relationship between time and space. The objective world or reality that exists independently of personal perception is always shaped by a specific context in which time and space are interconnected and mutually defining. It is through this unity that meaning is formed.

According to Bakhtin to engage with meaning one must first pass through the gateway of chronotopes. Any point of view is chronotopic, the value system as well [4].

Time and space are interwoven: temporal aspects shape the definition of space, and spatial elements influence the understanding of time.

Bakhtin's conception of dialogue was later broadened into the notion of polyphony. The concept of polyphony, originally derived from music, it refers to the simultaneous combination of independent voices within a single composition.

Bakhtin introduces the concept of *polyphony* in his analysis of Dostoevsky's novels, describing it as a narrative structure in which multiple voices, each with their own perspective, autonomy, and worldview, coexist without being subordinated to a single, authoritative voice of the author. Bakhtin argues that polyphony is fundamentally incompatible with monologic forms, which prioritize a singular, authoritative voice. In polyphonic prose, the author remains an active participant, but their role shifts. The author's will and initiative are not aimed at asserting their own views or imposing a dominant interpretation. Instead, they allow for a multiplicity of voices to emerge, where no single perspective holds absolute power, reflecting a more democratic and dynamic interaction of ideas [5].

We have made an attempt to analyze Margaret Thatcher's speech on European Political Architecture from Bakhtinian perspective.

Margaret Thatcher's speech on European political architecture stands as a masterpiece of political rhetoric. In this address, her primary aim was to persuade European leaders to reject deeper European integration. Let's analyze the speech through the lens of Bakhtin's theory.

The speech starts with these words:

"We are fortunate to be meeting in the Hague, a beautiful city kept beautiful by a country which values its architectural heritage.

Goethe described architecture as "frozen music".

And in a city like this it is not hard to imagine the grand symphonic melodies and subtle chamber music harmonies that might be released if we could defrost the Town Hall... architecture tells us a lot about ourselves, about our idea of God, about our relationship with our fellow-men, about our vision of Man's destiny. The medieval cathedrals gave us an exalted spiritual view of Man's place in a universe governed by an all-loving and all-seeing Creator" [8].

Margaret Thatcher inserts Goethe's voice into her own political dialogue. Reference to famous German writer, poet and philosopher can be viewed as a clear act of dialogic engagement. Meanwhile creating an atmosphere of polyphony, she includes multiple voices in the conversation. Bakhtinian chronotope is also incorporated here. Thatcher is constructing a specific historical time-space integrity where national identity, sovereignty, and culture were rooted. And in this respect deep European integration was threatening the stability of national chronotopes. Establishing a nostalgic cultural space of Dutch architecture, she opposed to the fluidity of new associations. She is engaging Goethe to support her own monologic message. Romanticizing the past with its medieval divine cathedrals, she indirectly criticizes modern European institutions.

Margaret Thatcher used several stylistic devices in this passage. The first one is a quotation. Quotations have their own specific place in the text. 1) They stand aside as they are more meaningful, and 2) they provide coherent development of the plot. Referring to Goethe, she wants to attach significance and importance to the beginning of her speech. Then Margaret Thatcher talks about great medieval cathedrals as spiritual places in the

Universe, governed by “All-loving and All-seeing Creator”. Speaking about God, beautiful architecture, and music, she wants to emphasize the unique heritage of Dutch people, the heritage that survived in spite of many hardships.

The following passage begins with a question:

“What music would Goethe hear ...perhaps while acting as an advisor to the Commissioner responsible for developing a policy for European culture?”

“Surely the music would be something atonal and very long, perhaps performed by an orchestra including vacuum cleaner, scrubbing boards, and taxi-horns, with Songs of Harmonisation sung by a mixed choir from the Paris School of Deconstructionism.”

“And what a climax of discord and disharmony!” [6].

If the beginning of the speech was lexically colorful and harmonious, this part is characterized by atonal music coming from taxi-horns and vacuum cleaners. The derogatory effect is summarized afterwards.

The interrogative form of the first sentence conveys a shade of an implied dialogue, which is to be revealed in the next sentence.

The question used in this quotation expresses irony. It increases the stylistic effect of the speech charging it emotionally.

Bakhtin introduces the concept of *heteroglossia* to describe the coexistence of multiple voices, languages, and perspectives within a single text. In this passage we encounter **the polyphonic layering** of the high and the low, the sacred and the disrespectful,

“Songs of Harmonisation sung by a mixed choir from the Paris School of Deconstructionism”, noise coming from vacuum cleaners, scrubbing boards, and taxi-horns”.

In this example M. Thatcher uses one more stylistic device – a climax, which presupposes gradual boost of emotive evaluation. “What a climax of discord and disharmony!” Here we have a combination of logical and

emotional climax. The tension of the concept embodied here is realized by the arrangement of negatively colored emotional words ranked according to the increase of their meaning.

And the concluding sentence: "That is our yesterday's future".

Yesterday's future is a metaphor, which becomes a stylistic device when two different phenomena are realized simultaneously [7]. Though these words denote time, there is a lexical disagreement between them. The combination of yesterday and future creates an abstract image of something unreal and fantastic.

Later in one of her speeches she will say:

You see it in the end of empire – the German Empire, the Habsburg Empire, the French, Italian, Spanish, Portuguese, Dutch, Ottoman and British Empires. You see it in the disintegrating remnants of what used to be the Communist Soviet Union. You see it in Yugoslavia.

Nations are like human beings: they need self-esteem and room to be themselves.

Bakhtin's idea of polyphony with plurality of national voices and ideologies is reflected here.

To sound more impressive and critical about the idealistic vision of European integration she formulated it in French.

"C'est magnifique, mais ce n'est pas la politique" [8].

Today, when a unified Europe already exists, Margaret Thatcher's speech may no longer sound up-to-date. Nobody knows whether her words will come true and how long the European Union will survive? But we can definitely state that Margaret Thatcher's individual charismatic identity will transcend time and space inspiring those who have access to political discourse.

Let's analyze Bakhtinian chronotope in John F. Kennedy's speech in West Berlin on June 26, 1963.

"All free men, wherever they may live, are citizens of Berlin, and therefore, as a free man, I take pride in the words: Ich bin ein Berliner" [9].

President John F. Kennedy' delivered his speech in Berlin, at a critical moment of the Cold War. The speech electrified the Berlin crowd. Berlin at that time was a divided city. By declaring in German "*Ich bin ein Berliner*", Kennedy enters into a dialogue with a vast crowd of German people standing in front of him, he declares personal solidarity with them. The code-switching from English to German serves as a powerful rhetorical tool. By saying metaphorically that he is a Berliner, Kennedy implies he is sharing their wishes and desires and the fight for freedom. So, if we sum up, this passage is purely dialogical, the message trespasses chronotopic constituents, time and space making Berlin as a symbol of universal fight.

Unfortunately, President Kennedy in his emotional speech didn't mention why it was divided, he didn't say anything that it was Germany that occupied most of Europe. And this terrible war had with huge amount of losses, on the territory of the USSR it lasted nearly four years with 27 million deaths. After complete surrender of Germany, European countries (mainly UK and France), the USSR, and the United States did decide to divide Germany into four parts. This division was a result of agreements made among the Allied powers during and immediately after the Second World war.

Politicians skillfully reshape chronotope, the notion of time can be expanded – linked back to historical events or extended forward into the future.

A similar strategy can be applied to the notion of space.

The next example is the slogan "Make America Great Again" used by President Trump in 2016.

The slogan can be regarded as an attempt to start a dialogue with Americans, it is a direct appeal to an idealized past – a vague, emotionally charged image of a time when the United States was supposedly stronger, safer, and more prosperous. The temporal vagueness is deliberate: no specific time is mentioned, allowing each listener to project their own nostalgic version of "greatness" of their country. By referencing a mythologized past, Trump stimulates emotional longing and national pride.

The next component of the chronotope is space, and the space in the slogan is America, which is in trouble and it needs revival.

Let's analyze this example: "If we don't build the wall, we won't have a country anymore" [10].

Time is represented here inherently; the space is more important, it is the country which is on the verge of loss. So, it is necessary to protect it by building the wall. The call to "Build the wall" draws the attention of the audience to territorial boundaries of the country, to its space which needs protection. By reinforcing and fortifying American frontiers, President constructs a reality where people would be safe and not endangered by external threats.

Lexical units representing Bakhtinian chronotope, that is time and space are not neutral linguistic elements; they function as cognitive frameworks through which individuals interpret and shape reality. In political discourse, emotional appeals – such as evoking nostalgia for a glorified past or emphasizing looming threats – are strategically used to mobilize and unify the public.

The last politician to be analyzed from a Bakhtinian perspective is Eleanor Roosevelt – First Lady, global activist, and key architect of the Universal Declaration of Human Rights.

"Where, after all, do universal human rights begin? In small places, close to home – so close and so small that they cannot be seen on any maps of the world. Yet they are the world of the individual person; the neighborhood he lives in; the school or college he attends; the factory, farm, or office where he works" – Excerpt from Eleanor Roosevelt's famous speech "IN YOUR HANDS: A Guide for community Action" [11].

Roosevelt's rhetorical question "Where, after all, do universal human rights begin?" – invites a dialogue with the reader. She places human rights within everyone's intimate, personal chronotope, transcending national boundaries.

Syntactic parallelism is used to build rhythm and reinforce key ideas: the school or college he attends; the factory, farm, or office where he works.

These small places – home, neighborhood, school, and workplace – are crucial in everyone's life, and at the same time, they serve as the foundations where universal values are shaped.

Eleanor Roosevelt's message goes beyond her immediate audience; her words are addressed to other countries or groups with shared values or interests. This creates a perception of widespread agreement and unity.

Conclusion

We have made an attempt to expand the conceptual and philosophical boundaries of literary studies of Mikhail Bakhtin. By reading and analyzing passages from famous politicians, we get engaged in a dialogue with them – an exchange that reflects another key Bakhtinian idea: the dialogue between different cultures, which he considers the most complex and meaningful form of dialogic interaction. Bakhtin's major concepts – including dialogism, monologism, polyphony, and the chronotope – offer powerful analytical tools for understanding how meaning is produced and perceived. Originally developed in relation to literary texts, these ideas extend far beyond the boundaries of literature. They illuminate the dynamics of political communication, public discourse, and cultural interaction, revealing how speakers position themselves within networks of time, space, and political beliefs.

REFERENCES

1. *Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics*. 4th ed. M.: "Sov. Russia", 1979, 317 p. (In Russ.).
2. *Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Creativity*. M.: "Khudozhestvennaya literature", 1979, 412 p. (In Russ.).
3. *Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics*. 4th ed. M., "Sov. Russia", 1979, 317 p. (In Russ.).
4. *Bakhtin M.M. Forms of Time and Chronotope. Essays on Historical Poetics// Bakhtin, M.M. Questions of Literature and Esthetics*. M.: "Khudozhestvennaya literature", 1975. PP. 234–407. (In Russ.).

5. *Bakhtin M.M.* Problems of Dostoevsky's Poetics. 4th ed. M., "Sov. Russia", 1979, 317 p. (In Russ.).
6. *Thatcher M.* (1992, May 15). Europe's political architecture [Speech]. The Hague. URL: www.margaretthatcher.org/document/108296
7. *Galperin I.* Stylistics. Moscow: Higher school publishing house. 1981.
8. *Thatcher M.* Speech in the Hague, 8 December 1991, Margaret Thatcher Foundation. URL: <https://www.margaretthatcher.org/document/108296>
9. *Kennedy J.* (1963, June 26). Ich bin ein Berliner [Speech, Rathaus Schöneberg, Berlin]. Margaret Thatcher Foundation. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1997/10/13/43973ab5-2cf7-49e6-99d6-d19adfd4b5fa/publishable_en.pdf
10. *Donald J.* Trump. Speech in Phoenix, Arizona, August 31, 2016.
11. *Roosevelt E.* In Your Hands: A Guide for Community Action. New York: "Harper & Row", 1958.

ФИЛОСОФИЯ М.М. БАХТИНА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ДИСКУРСУ

А.А. Симонян

Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

Ключевые философские идеи Михаила Бахтина – диалог, полифония, разноречие и хронотоп – активно применяются в сфере политической коммуникации, выходя за рамки литературной теории и влияя на понимание языка, идентичности и политического взаимодействия. Для Бахтина язык по природе социален и никогда не бывает нейтральным; человеческое сознание также диалогично и формируется через процесс коммуникации с другими. Диалог преодолевает границы времени и пространства, что отражено в понятии хронотопа – контекстной рамки формирования смысла. Концепция полифонии, описывающая сосуществование самостоятельных точек зрения без доминирующего взгляда, усиливает это понимание. В политическом дискурсе эти идеи позволяют рассматривать его как пространство коммуникации, где пересекаются ценности и сталкиваются культурные ориентации.

Ключевые слова: диалог, монолог, полифония, хронотоп, политический дискурс, время, пространство.

STRATEGIC AMBIGUITY IN DIPLOMATIC DISCOURSE: THE CASE OF THE ARMENIA-US STRATEGIC PARTNERSHIP CHARTER

M. Mkrtchyan¹, A. Martirosyan²

Yerevan State University

m.mkrtchyan@ysu.am, arm.martirosyan@ysu.am

ORCID¹: 0009-0009-1367-0621; ORCID²: 0009-0000-8238-1967

ABSTRACT

Language in diplomatic texts functions not only as a means of conveying policy preferences but also as a strategic instrument through which states manage uncertainty, reconcile competing interests, and sustain cooperation. This article examines the role of strategic ambiguity in the Charter on Strategic Partnership between the Republic of Armenia and the United States of America [1], arguing that ambiguity is deliberately embedded in the document as a functional diplomatic tool rather than a communicative flaw. Drawing on political linguistics, international relations theory, and legal studies, the study conceptualizes strategic ambiguity across three interrelated dimensions – linguistic, legal, and normative. Through a qualitative, section-by-section textual analysis, the article demonstrates how vague and open-ended formulations allow both parties to signal commitment, project shared values, and express cooperation while avoiding binding obligations or politically sensitive clarity. The findings show that ambiguity simultaneously reassures, restrains, and preserves strategic flexibility, particularly in areas related to security, regional stability, democratic governance, and economic cooperation. By focusing on a bilateral

agreement between a small state and a major power, the study contributes to existing research by illustrating how layered forms of ambiguity operate within a single diplomatic text.

Keywords: strategic ambiguity, diplomatic discourse, linguistic ambiguity, legal ambiguity, normative ambiguity.

Introduction

Language plays a key role in international relations, not just as a way to communicate policy decisions, but as a strategic instrument through which states negotiate power, manage uncertainty, and reconcile competing interests. In diplomatic discourse, precision is not always desirable; on the contrary, carefully chosen ambiguity often becomes a prerequisite for agreement [2]. International treaties, charters, and strategic documents frequently rely on vague language that allows actors with divergent priorities to converge on a shared text without resolving underlying disagreements [3]. This phenomenon, commonly referred to as strategic ambiguity, has emerged as a defining feature of contemporary diplomatic communication. Ambiguity is often seen as a barrier to clear communication. However, research in political linguistics and international relations shows that it can have a practical purpose [4]. Strategic ambiguity enables states to preserve flexibility, avoid escalation, and project unity in contexts characterized by geopolitical sensitivity and asymmetrical power relations. By deliberately employing vague, open-ended, or polysemous language, diplomatic actors can signal commitment while postponing contentious interpretations to the implementation stage [5],[6]. As a result, ambiguity functions not as a communicative failure, but as a calculated strategy embedded within the linguistic, legal, and normative architecture of international agreements [7].

Despite the growing body of literature on strategic ambiguity, much of the existing research remains either conceptually abstract or focused on well-established cases involving major powers and global institutions. Less

attention has been paid to how strategic ambiguity operates in bilateral agreements involving small or middle powers navigating complex regional environments [8]. Moreover, studies often treat linguistic, legal, and normative ambiguity as separate analytical domains, rather than examining how they interact within a single diplomatic text to produce layered and mutually reinforcing effects [9].

Existing studies often focus on major powers or treat different forms of ambiguity separately. This article examines the Charter on Strategic Partnership between Armenia and the United States, exploring how linguistic, legal, and normative ambiguities interact to balance reassurance and restraint, commitment and flexibility. Through a section-by-section textual analysis, the study demonstrates that ambiguity is not incidental but instrumental, creating symbolic consensus while preserving strategic maneuverability in sensitive geopolitical contexts [10],[11]. By integrating theoretical insights with close textual analysis, this study contributes to a deeper understanding of how ambiguity operates as a productive and purposeful feature of diplomatic language [12],[13].

Theoretical Background

The primary aim of the language is to transmit information, yet ambiguity challenges this function by diminishing the transparency of meaning. Inherently, ambiguities complicate the study of language and are difficult to define. According to R. Munson [14], an expression is ambiguous when it has more than one meaning and is used in a situation or context in which it can be understood in at least two different ways. Gillon maintains that an expression is considered ambiguous if it has two or more distinct interpretations whose corresponding truth conditions cannot be valid at the same time [15], while Kennedy further expands the notion defining it as a kind of uncertainty that manifests itself as a variation in truth conditions: one and the same utterance token can be judged true of one situation and false of another, or the other way around, depending on how it is interpreted [16]. D. Pehar [17] suggests that an expression can be

considered truly ambiguous when it has not only *at least* two different meanings, but also two *incompatible and unrelated* meanings. It is only then that the expression is truly ambiguous.

Depending on the level of discourse, ambiguity can be classified as semantic (lexical, or referential), syntactic (structural), or cross-textual (contextual). Semantic type of ambiguity is based on the multiple meanings of the word (polysemy or homonymy) and its inherent quality. Syntactic ambiguity, sometimes also called 'grammatical ambiguity' [18] refers to the structure or syntactic relations within the sentence that trigger different and incompatible interpretations. Cross-textual ambiguity is the presence of two or more possible meanings within a body of text rather than within the same sentence [19]. This type of ambiguity presents considerable difficulty as it encompasses semantics of sentences and texts.

Ambiguity may be unintentional; then it is misleading and can result in misunderstanding and create obstacles in communication. Unlike unintentional ambiguity, strategic ambiguity is a highly effective tool employed to fulfill a strategic function. In the realm of diplomacy, strategic ambiguity refers to the deliberate use of unclear or flexible language which is open to multiple interpretations [20] [21]. It can be employed, as a calculated move, in commitments, formal agreements and informal exchanges, allowing countries to maintain strategic flexibility and leave room for interpretation or maneuver while bridging conflicting positions and reducing the risk of escalation [22]. While excessive clarity may sometimes be destabilizing, strategic ambiguity can be considered a valuable tool in diplomatic discourse: calculated vagueness can foster progress and preserve relations even in the absence of full agreement [23],[24]. In practice, political and diplomatic communication often relies on 'strategic vagueness' to maintain politeness and avoid open confrontation. Deliberate ambiguity as a linguistic strategy may facilitate cooperation in sensitive political context [25].

There are two main perspectives scholars put forward while evaluating strategic ambiguity. First, they view it as a discursive strategy, which implies the use of vague language in a diplomatic text aimed at

facilitating agreement [26],[27]. Second, they view strategic ambiguity as a practice of foreign policy which can enable states to achieve balance among other powers preserving impartiality and neutrality [28]. Drawing on these perspectives, scholars further identify three forms of strategic ambiguity – linguistic, legal, and normative – depending on the mechanisms and usage of ambiguous language in achieving strategic goals.

Linguistic ambiguity refers to the wording and intentional use of ambiguous phrases that allow different interpretations by the parties. In linguistic terms, ambiguity evokes in one's mind uncertainty or doubtfulness of the meaning of language [29]. Expressions such as “normalization of relations”, “ceasefire/cessation of hostilities”, “sovereignty”, “territorial integrity”, “demilitarized zone”, “security guarantees” and many others, which are abundant in diplomatic language, sound firm yet they are open to multiple interpretations.

For instance, the ambiguity of the expression “normalization of relations”, frequently encountered in treaties or agreements between previously hostile states, can range from limited communication to the establishment of full diplomatic relations. The term “ceasefire”, which is common in conflict resolution, may imply either the complete cessation of hostilities or limited violence or a pause. The concepts of “sovereignty” and “territorial integrity”, which are foundational to the institutional language of the UN and international law, may imply either the principle of self-determination of peoples (which, in its turn, can mean full independence, autonomy within a state, or cultural recognition) or the inviolability of the state's borders. The notion of “demilitarized zone” may imply not only mere symbolic barriers, or partial restrictions, but the complete withdrawal of forces as well. Likewise, the term “security guarantees” may embrace the wide array of implications ranging from moral assurances to binding military commitments. In essence, diplomatic actors use vague or open-ended wording on purpose, because it lets them agree on terms that look solid while still giving each side room to interpret those same words in the way that best fits its own interests.

Legal ambiguity refers to the structure of legal text within treaty language with intentionally employed vague phrases and open-ended formulations, which leads to a lack of precision and clarity thus creating uncertainty with regard to obligations or enforcement mechanisms. As observed by Abbott and Snidal [30], legal ambiguity performs a pragmatic function as it allows agreements to be concluded when clarity and definitive specification would hinder consensus. In the context of drafting legal texts, ambiguity has been identified as one of three major curable diseases that infect language, the other two being vagueness and generality [31]. Within this perspective, generality is seen as responsible for the regulation of a number of situations under one generalized rule [32]. The most prevailing variations of ambiguity in legal texts, especially when it comes to hard cases, are syntactic ambiguity and polysemous expression in law that entails at least two related senses of one lexical meaning [33].

A clear illustration of legal ambiguity as an inherent feature is evident in the EU law, which provides fertile ground for ambiguity to take root and thrive, yet not every sample of ambiguity has strategic value for the implementation of EU law [34]. Perhaps the most classic example of the intended linguistic ambiguity is found in the Shanghai Communique (1972), which states that *the United States acknowledges that all Chinese on either side of the Taiwan Strait maintain there is but one China and that Taiwan is a part of China*. The disagreement revolved around Taiwan's legal status with reference to the word "acknowledges". From the point of view of China, the United States recognized "One China" principle, yet the United States merely acknowledged China's position without explicitly stating its own position on Taiwan's legal status. This carefully crafted semantic compromise allowed the sides to prevent deadlock and begin cooperation creating the illusion of consensus [35].

Normative ambiguity refers to the deliberate use of flexible or indeterminate normative expressions in diplomatic communication, where underlying principles and values are intentionally left open to multiple interpretations. Unlike linguistic ambiguity, which concerns the phrasing of statements, or legal ambiguity, which involves the structure of obligations,

normative ambiguity operates at the level of shared moral and political norms deliberately avoiding clear ethical, ideological, or political positions. It enables actors to converge around a text that outwardly reflects agreement on fundamental values, such as “justice”, “peace”, “freedom”, or “sovereignty”, while concealing the fact that these concepts may hold divergent meanings for different parties [36] [37]. This practice is especially visible in addressing controversial issues such as “human rights”, “territorial integrity”, and “intervention”.

As a strategic tool, ambiguity is useful because it allows states with conflicting interests to endorse the same agreement while still preventing negotiations from deadlocking. It creates a symbolic sense of unity while keeping space for different interpretations in practice [38],[39]. As Jervis [40] explains, this provides strategic flexibility: states can signal commitment to certain ideals while maintaining space to act according to their own preferences. Pehar [41] calls this the “strategic use of incompatible meanings”, producing what Zartman [42] describes as a “constructive illusion of consensus”.

However, the same flexibility that makes normative ambiguity effective in negotiation can later cause conflict in implementation, when those broad moral concepts must be translated into concrete policies [43]. Still, following Schelling [44], such ambiguity may also stabilize cooperation, because it allows each actor to preserve its own interpretation without openly confronting disagreement.

Overall, normative ambiguity complements linguistic and legal ambiguity as a central dimension of strategic ambiguity in diplomacy, showing that in international politics, clarity can divide, whereas carefully managed ambiguity can unite [45],[46].

Methodology

The present study adopts a qualitative, interpretive approach to examine the role of strategic ambiguity in the *Charter on Strategic Partnership between the Republic of Armenia and the United States of*

America. The research combines insights from political linguistics, international relations theory, and legal studies to understand how ambiguity functions as a deliberate strategy in diplomatic communication [47],[48],[49]

The analysis proceeds in two stages. First, a theoretical framework is established to define strategic ambiguity and distinguish its three primary dimensions: linguistic, legal, and normative [50],[51]. This framework provides the tools to systematically identify and interpret ambiguous language in the Charter. Second, a detailed textual analysis of the Charter is conducted. Each section of the document, ranging from the preamble to thematic areas such as partnership principles, economic cooperation, defense and security, democracy and governance, and people-to-people exchanges, is examined for instances of ambiguity [52],[53]. The analysis identifies how specific expressions, terms, and formulations perform multiple functions simultaneously, including signaling commitment, maintaining flexibility, and accommodating divergent interests [54],[55]. Special attention is given to verbs, adjectives, and normative concepts, as well as the interaction between semantic, syntactic, and contextual ambiguity [56],[57].

Throughout the study, strategic ambiguity is treated not as a flaw in communication, but as a purposeful tool embedded in the diplomatic, legal, and normative architecture of the Charter [58] [59]. The methodology emphasizes the interplay between textual analysis and theoretical insights, aiming to reveal how carefully crafted vagueness enables the two countries to achieve political, legal, and normative objectives without creating binding commitments that could hinder implementation [60],[61].

Analysis and Discussion

This section examines the “Charter on Strategic Partnership between the Republic of Armenia and the United States of America” in the context of strategic ambiguity. It aims at identifying and analyzing the practical implementation of linguistic, legal, and normative ambiguity and its

possible interpretations and strategic function in the language of international agreements.

The Charter comprises preamble and five distinct thematic sections: principles of partnership; economic, trade, transport, and energy cooperation; defence and security; democracy, justice, and inclusion; and people-to-people and cultural exchanges. The declarative and cooperative style of the Charter is characteristic of contemporary strategic documents, while the linguistic wording demonstrates considerable semantic ambiguity coupled with legal and normative indeterminacy through open-ended, non-binding formulations performing political and diplomatic functions.

Through the detailed, section-by-section examination of the key provisions in the selected passages of the Charter, the following analysis demonstrates strategic ambiguity in its linguistic, legal, and normative implications simultaneously.

Preamble. In the opening sentence, “Affirm the importance of our relationship as friends and strategic partners,” the phrase “friends and strategic partners” demonstrates warmth, goodwill, and unity (normative concepts) in relations, while simultaneously blurring the boundary between personal ties and the geopolitical terminology. The term “friends” evokes emotional solidarity, whereas “strategic partners” emphasizes pragmatic cooperation.

The combination of linguistic and legal ambiguity is observed in “intend to deepen our partnership” where “deepen” lacks any measurable criteria, while “intend” implies aspiration rather than obligation, thus functioning as a mechanism which allows flexibility in partnership. From the point of view of legal ambiguity, the phrase “broad spectrum” does not define the exact limits and areas of cooperation. The expression “shared values and common interests” is identified as a combination of normative ambiguity (values are not specified) with pragmatic implication (interests); the phrase being intentionally vague and the notions of “value” and “interests” frequently divergent, may function as mechanisms to strengthen partnership. Similarly, the duality is observed in “democracy and economic freedom”, with the unspecified model of democracy and degree of

economic freedom. The use of the expression “defending sovereignty” merely highlights reassurance without any direct commitment, and does not state whose sovereignty is defended and where the threat comes from. It is usually employed in diplomatic language in conflict-prone, context-sensitive situations to avoid possible negative implications directed at third states. The ambiguity behind the phrasing “supporting innovation and technological advances” lies in the latter being too general, without any specification of fields – education, military, economic, etc. – leaving space for cooperation in a wide range of sectors.

Section I: Principles of Partnership. The opening sentence of this section states, “This Charter is based on core basic principles and beliefs shared by both sides.” Broad phrasing which allows room for ambiguity and flexible interpretation is observed in “core principles and beliefs” as it does not specify either the principles or beliefs. Linguistic ambiguity is seen in the terms “peace and stability” which are semantically flexible notions: peace may denote absence of active conflict, or conflict regulation and formal settlement, while “stability” is perceived as security or control in the broad sense. In the sentence, “The United States supports the peace process between Armenia and Azerbaijan, including in the border delimitation process based upon the Alma Ata Declaration of 1991”, the verb “supports”, being semantically and legally ambiguous, is open to multiple interpretations such as approval, assistance in the process, or mediation. It demonstrates goodwill but does not explicitly state the scope and nature, the level and depth of US involvement, and leaves room for maneuvering adapting to certain political circumstances or interests. Perhaps one of the most classic cases of strategic ambiguity encountered in this section is “normalization of relations” in the sentence, “...the United States also intends to continue to advocate for the normalization of relations between Armenia and its neighbours.” Despite its positive and peace-oriented intent in normative sense, the phrase is inherently ambiguous: ‘normal’ relations can range from cessation of hostilities and limited dialogue to opening of borders, development of trade, and establishment of full diplomatic relations. Another word with ambiguous legal/normative loading is the verb

“advocate” which does not explicitly specify the US role (supporter or guarantor) in the process, thus avoiding legal commitment. The sentence also mentions “neighbours” without clearly stating the countries implied, a widespread practice in politically sensitive and delicate contexts.

Section II: Economic, Trade, Transport, and Energy Cooperation.

The section opens with a sentence: “Armenia and the United States intend to expand cooperation to enhance job creation and economic growth, support economic/market reform and liberalization, promote transport connectivity, improve the bilateral business climate, and improve market access for goods and services.” The examination of the sentence reveals flexibility in linguistically ambiguous expression “support economic/market reform and liberalization” as “reform” and “liberalization” can denote differing degrees of structural change, ranging from limited policy adjustments to extensive privatization. The analysis further demonstrates the fusion of linguistic and legal ambiguities in expressions “intend to expand cooperation” and “promote transport connectivity”: the verbs “intend”, “expand”, and “promote” are highly adaptable to various interpretations as they are undefined in scope and express political intention rather than binding and funding obligation, while “connectivity”, though intended at cooperation yet being vague, fails to specify projects or commitments which may refer to either logistics, or diplomatic coordination. Linguistically and legally ambiguous expression “identify strategic opportunities” is imprecise and may range from political, economic, to technological initiatives without any clarity and obligation, while the verb “identify” suggests tentative and consultative stages, which makes it non-binding without any legal undertakings. Furthermore, in “...Armenia and the United States intend to explore opportunities to increase and diversify Armenia’s energy production and supplies”, the verbs “explore” and ‘diversify’ indicate potential expansion, but are indeterminate as they fail to specify their reference in terms of future investment projects, or new partnerships, thus leaving the scope and depth of cooperation undefined. Similarly, in “...Armenia and the United States intend to deepen cooperation”, the verb “deepen” is inherently imprecise

lacking specification regarding the duration or the extent of cooperation. In “Armenia and the United States intend to initiate a working group...” the ambiguity “to initiate a working group” lies in the procedural sphere and indicates cooperation and dialogue without formal obligations. With reference to normative ambiguity, the section contains such words as “freedom”, “prosperity”, “resilient”, “secure”, which are normative qualitative concepts and values that are flexible, subjective, and therefore, adaptable to various policy frameworks.

Section III: Defense and Security. “Defense and security cooperation between Armenia and the United States...” in Section III introduces the intentionally ambiguous phrase “defense and security cooperation”, which definitely signals collaboration yet fails to identify the scope, depth, and sensitivity of cooperation and may cover a range of activities such as: military training and cooperation through joint exercises and exchange programs, sales of weapons and equipment, intelligence sharing through the exchange of information or mere coordination on terrorism, joint efforts to counter cyber threats, and other activities. The verb “expand” in “expand the scope of defense and security cooperation programs”, though indicating progress and positive movement, avoids concrete promises and lacks clear benchmarks: being flexible and elastic, it does not specify either the extent of cooperation or the inclusion of new strategic areas. From the point of view of legal ambiguity, the term “consultations” in “establishing bilateral defense consultations” expresses soft commitment lacking any enforceable or binding agreement. Normative ambiguity is evident in this section in phrases “professional military assistance training” and “rights-respecting digital future”: the unspecified and vague concept of the word “professional” moderates military cooperation rhetoric, while the undefined human-rights standards in cybersecurity balance individual liberty and security discourses without creating specific obligations. The combination of linguistic and legal ambiguity is discernible in the phrase “Armenia’s integration into Euro-Atlantic institutions”. From the point of view of linguistic ambiguity, it may refer either to cooperation with the NATO, or EU programs, or general Western alignment, thus intentionally softening

the language to avoid negative reaction or resistance from regional actors. From the perspective of legal ambiguity, the expression signals Euro-Atlantic aspirations but omits any binding pathway or timeline, or any specified institutional framework, thereby preserving neutrality regarding NATO expansion, which, in its turn, helps to avoid potential tensions with regional and international partners.

Section IV: Strengthening Democracy, Justice, and Inclusion. The verb “commit” in “...our two countries commit to work together to foster the rule of law buttressed by an impartial, independent judiciary, and to further strengthen freedom of expression, including for the media, good governance and accountability ...” illustrates both linguistic and legal ambiguity: it can mean either active collaboration or general goodwill, and does not clearly specify the actions to be taken, neither it determines who will perform them or in what time limits. Legally, it lacks binding political will or legal responsibilities showing no enforcement, or sanctions. The combination of legal and normative ambiguities in the same sentence is seen in “rule of law” and “independent judiciary”: legally, these concepts represent constitutional norms and principles, but the Charter does not specify legal commitment to institutional reform; normatively, as core symbols of democratic governance, they represent values commonly associated with Western governance. Similarly, the sentence refers to “freedom of expression, including for the media” which combines legal right and normative value. Legally, freedom of expression is a recognized right, yet it does not specify its enforcement mechanisms, possible exceptions, or the scope and limits of this right; normatively, it represents Western democratic values avoiding reference to such controversial issues as the regulation of hate speech. The sentence also contains the normative ambiguity embodied in “good governance”, which reflects Western ideal associated with reform-oriented values and diverse interpretations – openness, transparency, integrity, decentralization, efficiency – but does not specify prescriptive requirements with regard to institutional change, legal timeline or a specific model.

In the sentence “Armenia and the United States plan to work together to improve the legal and regulatory frameworks for human rights protections in Armenia...” the linguistically and legally ambiguous wording “work together” lacks clarity regarding the extent, the exact way, method and the instruments of the cooperation, which makes it undefined. From the legal point of view, the expression permits considerable flexibility in implementation as it does not specify procedural mechanisms, legislative targets, such as joint commissions, or timeframe for achieving these goals.

A combination of linguistic, legal, and normative ambiguities is evident in the sentence “Armenia and the United States plan to work together to increase political pluralism and transparent, fair political competition in Armenia...”, with reference to such values as “political pluralism” and “fair competition” which demonstrate symbolic commitment. Linguistically, “pluralism” is a vague concept, which fails to specify whether it refers to merely additional parties or opposition parties, media diversity or electoral reform. Legally, the notions of “pluralism” and “transparent, fair political competition” relate to constitutional principles and electoral rules regulating the operations of political actors, but being ambiguously formulated, they fail to specify the legal standards, procedures, or enforcement mechanisms thus invoking multiple constitutional and electoral interpretations. Normatively, these expressions refer to democratic values and fairness which signal general ethical commitments such as openness and equal political participation. But the ambiguity inherent in them may lead to each party to rely on different democratic ideals or functional standards.

Similarly, in the sentence “Armenia and the United States recognize the importance of building resilient, inclusive societies...” the term ‘inclusive’ is a combination of linguistic and normative ambiguity which lacks concrete parameters. Linguistically, it is undefined and fails to indicate the target groups, inclusion mechanisms, and the sectors in which this principle should be implemented – education, social welfare, governance, etc. Although normatively it refers to such values as social integration, minority rights, gender equality, which lend them positive

connotation, its content is open-ended so actors may prioritize different dimensions of the inclusion without departing from its general idea.

Section V: Increasing People-to-People and Cultural Exchanges. Section V mainly focuses on cultural diplomacy where strategic ambiguity is used to express goodwill without creating binding or measurable commitments. In terms of linguistic ambiguities, the emotive verbs like “desire”, “promote”, “enhance” are used to convey harmony and shared objectives aimed at public diplomacy audiences. A legally cautious formulation is evident in the sentence: “The United States plans to facilitate the application process for US visas consistent with US laws and procedures...”, which underscores the United States’ full discretion and control over immigration policy, documentation requirements, and the legal conditions for admission. The ambiguous expression “consistent with US laws and procedures” indirectly reaffirms that immigration outcomes are determined by the US and not foreign states, legally safeguarding US sovereignty over immigration matters. The section also employs deliberately open-ended language. For example, “...both sides intend to promote further cultural and social exchanges and activities through initiatives such as the Fulbright Program, and others” doesn’t explain which programs are included, how they will be carried out, or what results are expected. This kind of vagueness allows both countries to show that they want to cooperate, without making any firm promises about expanding or formalizing these initiatives. Legally, such vagueness provides both countries with significant flexibility.

In addition, the general references to “cultural and social exchanges” highlight a focus on soft-power engagement rather than legal obligations. By not specifying funding, program size, or administrative responsibilities, the section allows each country to interpret cooperation in a way that fits their own priorities, resources, and political considerations. At the same time, the broad formulation conveys a shared intention to strengthen social and cultural ties, even though the means and scope of such efforts remain undefined.

Conclusion

The analysis of the Charter on Strategic Partnership between Armenia and the United States illustrates that strategic ambiguity is a functional, purposeful, and multifaceted tool in diplomatic communication. Ambiguity – linguistic, legal, and normative – is incorporated in the text of the Charter to signal goodwill and provide maneuverability for the parties to sustain cooperation without binding obligations. Through expressions such as “defending sovereignty”, “promote peace and stability”, “collaboration”, “support joint initiatives”, deliberately vague language enables each party to align with priorities and maintain strategic flexibility. Legal ambiguity offers procedural and operational freedom, while normative ambiguity intertwines shared values aimed at projecting consensus and unity.

Integrating theoretical insights with close textual analysis of the Charter confirms that ambiguity is a calculated strategy rather than a flaw; it demonstrates how deliberately employed indeterminacy achieves symbolic consensus and effectively promotes cooperation in complex, sensitive regional contexts. Understanding the interaction of linguistic, legal, and normative ambiguity provides insights into the instruments used by states to manage uncertainty in international relations, as well as contributes to broader understanding of diplomatic language.

REFERENCES

1. Strategic Partnership Charter between the Republic of Armenia and the United States of America // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Armenia. (2025). URL: <https://www.mfa.am/en/press-releases/2025/01/14/the/13032>
2. *Schelling T.* The strategy of conflict // “Harvard University Press”, 1960.
3. *Kurizaki S.* Efficient secrecy: Public versus private threats in crisis diplomacy // “American Political Science Review”, 101 (3), 2007. PP. 543–558.
4. *Jervis R.* Perception and misperception in international politics // “Princeton University Press”, 1976.

5. *Cohen R.* Negotiating across cultures: Communication obstacles in international diplomacy (2nd ed.) // “United States Institute of Peace Press”, 1997.
6. *Zartman I.* Negotiation and conflict management: Essays on theory and practice. Routledge, 2008.
7. *Fischhendler I.* When ambiguity in treaty design becomes destructive: A study of transboundary water // “Global Environmental Politics”, 8 (1), 2008. PP. 111–136.
8. *Hummel P.* Strategic ambiguity and military capacity with multiple adversaries // “Journal of Theoretical Politics”, 27 (2), 2015. PP. 288–300.
9. Ibid.
10. *Jervis R.* Perception and misperception in international politics // “Princeton University Press”, 1976.
11. *Zartman I.* Negotiation and conflict management: Essays on theory and practice. Routledge, 2008.
12. *Cohen R.* Negotiating across cultures: Communication obstacles in international diplomacy (2nd ed.) // “United States Institute of Peace Press”, 1997.
13. *Kurizaki S.* Efficient secrecy: Public versus private threats in crisis diplomacy // “American Political Science Review”, 101 (3), 2007. PP. 543–558.
14. *Munson R.* The way of words. Houghton Mifflin, 1976.
15. *Gillon B.S.* Ambiguity, generality, and indeterminacy: Tests and definitions // “Synthese”, 85, (1990). PP. 391–416.
16. *Kennedy C.* Ambiguity and vagueness // In C. Maienborn, K. von Heusinger, & P. Portner (Eds.), Semantics, 2011. PP. 507–535.
17. *Pehar D.* Use of ambiguities in peace agreements // In J. Kurbalija & H. Slavik (Eds.), Language and diplomacy. DiploFoundation, 2001. PP. 163–200.
18. *Munson R.* The way of words. Houghton Mifflin, 1976.
19. *Awwad M.* The ambiguous nature of language // “International Journal of Social Science and Education”, 7 (4), 2017. PP. 195–201.
20. *Schelling T.C.* The strategy of conflict // “Harvard University Press”, 1960.
21. *Kurizaki S.* Efficient secrecy: Public versus private threats in crisis diplomacy // “American Political Science Review”, 101 (3), 2007. PP. 543–558.
22. *Jervis R.* Perception and misperception in international politics // “Princeton University Press”, 1976.

23. *Cohen R.* Negotiating across cultures: Communication obstacles in international diplomacy (2nd ed.) // “United States Institute of Peace Press”, 1997.
24. *Zartman I.* Negotiation and conflict management: Essays on theory and practice. “Routledge”, 2008.
25. *Allan K., & Burridge K.* Forbidden words // “Cambridge University Press”, 2006.
26. *Fischhendler I.* When ambiguity in treaty design becomes destructive: A study of transboundary water // “Global Environmental Politics”, 8 (1), 2008. PP. 111–136.
27. *Pehar D.* Use of ambiguities in peace agreements // In J. Kurbalija & H. Slavik (Eds.), Language and diplomacy. DiploFoundation, 2001. PP. 163–200.
28. *Hummel P.* Strategic ambiguity and military capacity with multiple adversaries // “Journal of Theoretical Politics”, 27 (2), 2015. PP. 288–300.
29. *Lanius D.* Strategic indeterminacy in the law // “Oxford University Press”, 2019.
30. *Abbott K., Snidal D.* Hard and soft law in international governance // “International Organization”, 54 (3), 2000. PP. 421–456.
31. *Dunahoo K.* Avoiding inadvertent syntactic ambiguity in legal draftsmanship // “Drake Law Review”, 20 (1), 1970. PP. 137–158.
32. *Poscher R.* Ambiguity and vagueness in legal interpretation // The Oxford handbook of language and law // “Oxford University Press”, 2012. PP. 129–144.
33. *Lanius D.* Strategic indeterminacy in the law // “Oxford University Press”, 2019.
34. *Kartalova S.* Ambiguity in EU law: A linguistic and legal analysis. “Routledge”, 2023.
35. *Goh E.* Constructing the U.S. rapprochement with China, 1961–1974 // “Cambridge University Press”, 2005.
36. *Pehar D.* Use of ambiguities in peace agreements // In J. Kurbalija & H. Slavik (Eds.), Language and diplomacy. DiploFoundation, 2001. PP. 163–200.
37. *Fischhendler I.* When ambiguity in treaty design becomes destructive: A study of transboundary water // “Global Environmental Politics”, 8 (1), 2008. PP. 111–136.

38. *Zartman I.* Negotiation and conflict management: Essays on theory and practice. "Routledge", 2008.
39. *Kurizaki S.* Efficient secrecy: Public versus private threats in crisis diplomacy // "American Political Science Review", 101(3), 2007. PP. 543–558.
40. *Jervis R.* Perception and misperception in international politics // "Princeton University Press", 1976.
41. *Pehar D.* Use of ambiguities in peace agreements // In J. Kurbalija & H. Slavik (Eds.), Language and diplomacy. DiploFoundation, 2001. PP. 163–200.
42. *Zartman I.* Negotiation and conflict management: Essays on theory and practice. "Routledge", 2008.
43. *Jervis R.* Perception and misperception in international politics // "Princeton University Press", 1976.
44. *Schelling T.C.* The strategy of conflict // "Harvard University Press", 1960.
45. *Cohen R.* Negotiating across cultures: Communication obstacles in international diplomacy (2nd ed.) // "United States Institute of Peace Press", 1997.
46. *Zartman I.* Negotiation and conflict management: Essays on theory and practice. Routledge, 2008.
47. *Allan K., & Burridge K.* Forbidden words // "Cambridge University Press", 2006.
48. *Kurizaki S.* Efficient secrecy: Public versus private threats in crisis diplomacy // "American Political Science Review", 101(3), 2007. PP. 543–558.
49. *Zartman I.* Negotiation and conflict management: Essays on theory and practice. "Routledge", 2008.
50. *Schelling T.* The strategy of conflict // "Harvard University Press", 1960.
51. *Pehar D.* Use of ambiguities in peace agreements // In J. Kurbalija & H. Slavik (Eds.), Language and diplomacy, DiploFoundation, 2001. PP. 163–200.
52. *Jervis R.* Perception and misperception in international politics // "Princeton University Press", 1976.
53. *Cohen R.* Negotiating across cultures: Communication obstacles in international diplomacy (2nd ed.) // "United States Institute of Peace Press", 1997.
54. *Fischhendler I.* When ambiguity in treaty design becomes destructive: A study of transboundary water // "Global Environmental Politics", 8 (1), 2008. PP. 111–136.

55. *Pehar D.* Use of ambiguities in peace agreements // In J. Kurbalija & H. Slavik (Eds.), *Language and diplomacy*, DiploFoundation, 2001. PP. 163–200.
56. *Munson R.* The way of words. “Houghton Mifflin”, 1976.
57. *Awwad M.* The ambiguous nature of language // “International Journal of Social Science and Education”, 7(4), 2017. PP. 195–201.
58. *Zartman I.* Negotiation and conflict management: Essays on theory and practice. “Routledge”, 2008.
59. *Kurizaki S.* Efficient secrecy: Public versus private threats in crisis diplomacy // “American Political Science Review”, 101(3), 2007. PP. 543–558.
60. *Jervis R.* Perception and misperception in international politics // “Princeton University Press”, 1976.
61. *Cohen R.* Negotiating across cultures: Communication obstacles in international diplomacy (2nd ed.) // “United States Institute of Peace Press”, 1997.

**СТРАТЕГИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ
ХАРТИИ АРМЕНИЯ-США**

М.Г. Мкртчян, А.А. Мартirosян

Ереванский государственный университет

АННОТАЦИЯ

Язык в дипломатических текстах выполняет функцию не только средства передачи политических предпочтений, но и стратегического инструмента, посредством которого государства управляют неопределенностью, примиряют конкурирующие интересы и поддерживают сотрудничество. В статье исследуется роль стратегической двусмысленности в Хартии о стратегическом партнерстве между Республикой Армения и Соединенными Штатами Америки и обосновывается положение о том, что двусмысленность намеренно заложена в документ как функциональный дипломатический

инструмент, а не как коммуникативный недостаток. Опираясь на политическую лингвистику, теорию международных отношений и правоведение, исследование концептуализирует стратегическую двусмысленность в трех взаимосвязанных измерениях – лингвистическом, правовом и нормативном. Посредством качественного текстового анализа в статье демонстрируется, каким образом расплывчатые и открытые формулировки позволяют обеим сторонам сигнализировать о приверженности курсу, проецировать общие ценности и выражать готовность к сотрудничеству, избегая жестких обязательств или политически чувствительной конкретизации. Результаты исследования показывают, что двусмысленность одновременно выполняет функции заверения, сдерживания и сохранения стратегической гибкости, особенно в сферах безопасности, региональной стабильности, демократического управления и экономического сотрудничества. Фокусируясь на двустороннем соглашении между малым государством и великой державой, данное исследование вносит вклад в существующую научную литературу, иллюстрируя, как многослойные формы двусмысленности функционируют в рамках единого дипломатического текста.

Ключевые слова: стратегическая неопределенность, дипломатический дискурс, лингвистическая амбивалентность, правовая двусмысленность, нормативная двусмысленность.

COGNITIVE-PRAGMATIC INSIGHTS INTO LEXICAL DEVIATIONS IN AWL

M. Vardanyan

Russian-Armenian University

mariam_vardanyan19@alumni.aua.am

ORCID:0009-0001-6911-4271

ABSTRACT

In this study, lexical inaccuracies are analyzed through a cognitive-pragmatic lens with the support of Relevance Theory, underpinned by corpus-based error analysis. The proposed cognitive-pragmatic approach represents an emerging paradigm in modern linguistics, providing a systematic model for the taxonomy and analysis of lexical deviations. This research focuses on the detailed interpretation of lexical deviations in Second Language (L2) academic vocabulary, specifically within the Academic Word List (AWL). The data consist of a corpus of pre-printed academic articles written by authors whose native language is Armenian. Within this Error Analysis (EA) framework, the application of key principles from Relevance Theory, which illuminate the foundations of human communication and cognition, enhances our understanding of lexical deviations and demonstrates how this theory manifests in linguistic inaccuracies. The aim of employing a cognitive-pragmatic framework, informed by Relevance Theory, is to elucidate the cognitive mechanisms underlying lexical inaccuracy production and to provide a more comprehensive and theoretically grounded analysis of errors in alignment with cognitive models.

Keywords: cognitive-pragmatic approach, Relevance Theory, lexical deviations, Academic Wordlist, Error Analysis.

Introduction

Second Language (L2) vocabulary knowledge is indisputably different from the native speakers' and mastering L2 academic vocabulary is a pivotal aspect in academic discourse. Vocabulary acquisition model is a complex and psycholinguistic process, which constitutes the development and presentation of the mental lexicon. Jiang's vocabulary acquisition model helps us categorize the lexical deviations in the current research [1]. Lexical deviation in academic vocabulary (AWL) is not merely a compilation of errors, but rather valuable information and data about language systems. It is crucial to identify the error sources, which are L1 (interlanguage) and L2 (intralanguage) and the affecting force, i.e., cognitive processes that take place during academic vocabulary production. As for the so-called "cognitive processes or cognitive strategies", it is essential to elucidate exactly what constitute these processes. Relevance theory and the assistance of Error Analysis help us understand deeper the mental and cognitive-pragmatic mechanisms used by L2 language users and give insight into the mental models, primarily into mental lexicon in the current study [2], [3].

Relevance theory adheres to the idea that information processing, where deciphering of the utterance takes place, should be realized through the principles of cost and benefit effect. The addressor seeks apt contextual output and it includes the amendments on the basis of individual information with minimum of cognitive processing. The interpretation of the cases of deviations in an utterance, in our case AWL words, is distinct from other cases of inference. The addressor's intention to communicate information is guided by two principles: cognitive and communicative principles. As for the cognitive principle-it adheres to the fact that human beings are biologically inherent to process the most relevant information. Whereas communicative principle stands for analysis of utterance within pragmatic aspects, which is the main focus of our study. Current research focuses on the communicative principle, guided by the "optimal relevance" idea. It in its term is defined in the following way: 1) the ostensive stimulus

is relevant for the addresser to make an effort and process it (“ostensive” – which means make something obvious in communication and “stimulus” – verbal signal), 2) the ostensive stimulus is the most relevant for the communicator in comparison with other ostensive stimuli based on his individual choices. As mentioned in Brown’s research, the communicator cannot go against his or her preferences. There may be a relevant meaning of the word, that they are hesitant or incompetent to produce. In our study we try to prove by means of lexical deviation occurrences how a communicator or L2 language user is guided by the above-mentioned principles of Relevance Theory [4], [5], [6].

In this study, as mentioned above, for analyzing lexical inaccuracies, we implement a cognitive-pragmatic approach underpinned by Relevance Theory and corpus-aided analysis. Regarding taxonomy and classification of the lexical inaccuracies, we apply a vocabulary acquisition model based on Jiang’s psycholinguistic model of lexical representation. According to Jiang vocabulary acquisition, there is a clear-cut distinction between four lexical “compartments” or domains: syntax, semantics, morphology and forms (orthographic and phonological) [7].

Methodology

In this study, we focus on lexical deviations in semantics and syntax, which are represented as one of the domains in the mental lexicon. Jiang’s four domains mentioned above are in line with the lexical error taxonomy suggested by Dodigovic et al. [8]. In semantic types of deviations, contextual and collocational lexical errors were elicited and analyzed through the lenses of pragmatics and Relevance Theory. Moreover, syntactic errors (misuse of prepositions or words that require certain syntactic structures) were also analyzed using Relevance Theory and the cognitive-pragmatic approach to error analysis. For sequential data analysis, it was essential to follow up the steps of analyzing lexical deviations, referring to Gas and Selinker’s Error Analysis steps [9].

In advance of discussing the procedure of analysis of lexical deviations, tools and data source, the research goals of the current study should be outlined. First, what are the causes or affecting factors of lexical deviations in AWL based on cognitive-pragmatic perspectives? Second, how can Relevance theory help, boost Error Analysis procedure and explain the causes of lexical deviations in AWL? AWL (Academic Wordlist) contains 570 words families, which are crucial in both academic vocabulary acquisition and academic texts [10]. There have been a lot of studies on academic writing, and specifically on academic vocabulary error analysis. However, few studies implement a cognitive-pragmatic approach, taking into account Relevance Theory for in-depth analysis of lexical deviations in AWL. Moreover, for a deeper understanding of not only the sources of lexical deviations (L1 and L2), but the *affecting factors* of those errors, the given new strategy and analysis may shed light on Error Analysis. Besides, researchers can integrate a cognitive-pragmatic approach and apply this strategy in their further studies.

Current research aims to highlight the descriptive cognitive-pragmatic analysis and interpretation of lexical deviations in pre-printed articles written by Armenian authors, whose L1 is Armenian and English is their L2. The pre-printed articles were taken from arxiv.org. Furthermore, from Yerevan State University repository, pre-reviewed and early-stage preprints were also analyzed. The corpus consists of articles from different fields, such as Computer Science, History, Linguistics. The current corpus in total consists of 13635 tokens and 1123 AWL words, which cover most academic texts. As the articles were pre-printed, not peer-reviewed and were not official works published in journals, a number of errors in academic vocabulary were expected.

Data Analysis

In data analysis, it is important to outline the tools used for analyzing the corpus and the steps of data analysis. To analyze the data or corpus that was compiled, containing 13635 tokens (words), lextutor.ca site was used

to compile the corpus and analyze each retrieved article. To start with, the tool that was used from the site was Vocabprofile element. It was implemented with VP-classic section. This tool helped in highlighting AWL words in the context and understanding the total number of AWL words used in the context. Besides, the frequency of occurrence of types of AWL and AWL families were also detected for a full image of the frequency of AWL usage. For identifying the lexical deviations in AWL, Online Collocation Dictionary was used (which consists of 100 million words British National Corpus, where around 50.000 examples demonstrate how certain words collocate with each other in context and with register information). Corpus Concordancer tool with its British Academic Written English corpus of 6.5 million words (a record of proficient University level academic writings) assist in identifying the different contexts in BAWE corpus, where the chosen academic words may occur and whether they match with our corpus context. For extra reliability, Online Cambridge English and Merriam Webster dictionaries were used to check the definitions and different contexts where the chosen academic words may occur. Besides, identifying affecting factors of deviations, sources of misused AWL words were also detected (L1 and L2). Online Nayiri Armenian Dictionary helped to check the translation and understand the source of deviations. In addition, to ensure valid results and inter-rater reliability, Yerevan State University (YSU) professor double-checked and proof read the deviations in AWL and analysis of the data.

Data analysis steps and classifications

This part of the research presents clear step by step analysis, classification, and explanation of the data. The steps for data analysis were taken and adapted from Gass and Selinker's lexical error steps division. For analysis and reasoning of the lexical deviations in AWL, Brown, Nicolle and Włosowicz's possible pragmatic explanations were taken and integrated into the perspective of Relevance Theory. And finally, taking into account Dodigovic's lexical error taxonomy, which is based on word

knowledge depth, and Jiang's lexical model of vocabulary acquisition, lexical inaccuracies in AWL were classified and categorized [11], [12], [13], [14], [15].

Table 1.

Steps of analyzing lexical deviations in AWL

Numbers of steps	Steps	Step explanation	Instances
1	Compile a Corpus of pre-printed academic articles	Collect articles and submit them to lextutor.ca site.	Preprints taken from arxiv.org and YSU repository
2	Detecting and categorizing lexical deviations in AWL	Highlighted AWL words	Semantic, syntactic deviations
3	Calculate the lexical deviations in AWL	Identifying the total number of deviations in AWL and their sources – L1 and L2	Number of deviations in AWL in each category-L1 and L2
4	Analysis of the inaccuracies in AWL	Possible affecting factors of deviations (cognitive-pragmatic analysis)	Paying attention to the meaning of the word, but disregarding the prepositional rules

Note. This table is adapted from Wlosowicz and Gass & Selinker.

For data classification and analysis Jiang's mental lexicon model was taken and adapted, incorporating Dodigovic's lexical error taxonomy based on the breadth and depth of academic vocabulary knowledge.

Table 2.

Classification of lexical deviations in AWL

Criteria	Clarification	Instances	Remediation
Semantics	Contextual and collocational deviations	It helps <i>inter-data</i> exchange over the training process between small student models.	Electronic data interexchange
Syntax	Structural deviations	The article also touches on the <i>reasons of</i> emigration	touches on the reasons for emigration.

Note. This table is adapted from Jiang and Dodigovic.

Results and Discussion

The findings of the current research highlight semantic and syntactic lexical inaccuracies in AWL. Moreover, the types of semantic inaccuracies that occur in the current corpus are underscored and syntactic lexical deviations are also discussed. All types of lexical deviations are calculated and presented to cast light upon the most frequent ones. In addition, the sources of these deviations, whether they are L1 interference/ influence or L2, are demonstrated in the data. And finally, the causes or cognitive strategies that affect the L1 or L2 lexical deviations are also shown.

In Table 3, semantic deviations obviously surpass syntactic ones. It indicates that, in terms of pragmatics (contextual and collocation), words have not been fully internalized yet. Knowing a word means not only giving the full definition of the word, but also knowing how these words function in a context and how their meaning may vary depending on the context. From the Relevance Theory perspective, the addresser failed to reach adequate contextual effect.

Table 3.

Statistics of lexical deviations in AWL

Deviation Category	Frequency	%
Semantics	18	90 %
Syntax	2	10%
Total number of deviations in AWL	20	
Total number of tokens in AWL	1123	
Total number of tokens	13635	

According to Relevance Theory, the addresser seeks reasoning while trying to be relevant in their speech act. What causes L2 language users in this study to deviate in their attempts to be relevant in L2 context? One of the possible reasons is that the addresser tries to add new ideas that are already known or familiar to him/her. In other words, AWL implementation aligns with the pre-existing contextual knowledge of the addresser and reinforces what the addresser already thinks or knows [16], [17]. The cognitive processing seems to be less activated, as already familiar word knowledge doesn't require mental effort. Lexical deviations in AWL may also result in the fact that, while writing academic articles, the addressers do not pay much attention specifically to AWL words and don't seek to put more cognitive effort checking pre-existing knowledge. Researchers need to pay more attention, taking into account the aforementioned cognitive-pragmatic representation of Error Analysis, and consider that raising the level of contextual effect usually takes much effort and time [18].

The pie chart demonstrates the frequency of mistakes, which occur in different categories based on word knowledge depth. Contextual and collocation deviations fall under the category of semantics (taking into consideration Jiang's vocabulary acquisition model) and structure deviations align with syntactic information of the mental lexicon. It becomes obvious that the lack of pragmatic competence in academic vocabulary triggered the aforementioned deviations in the pie chart, as pragmatic competence incorporates the ability not only to comprehend the

meaning, but also convey the appropriate information with the context [19]. In other words, pragmatic competence requires a deep understanding of how words function in different communicative context, which aligns with Dodigovic’s productive vocabulary knowledge and word knowledge depth and breadth [20], [21].

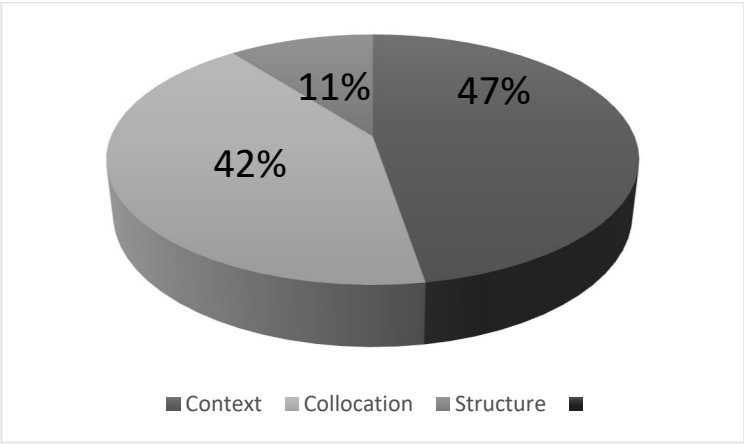

Figure 1: The frequency of the misused AWL words.

Table 4.

Number of deviations based on the source of occurrence

Category	Interlingual (L1)	Intralingual (L2)
Semantics	12	6
Syntax	2	0

In Table 4 L1 and L2 caused lexical deviations are illustrated. Most of the deviations are L1 influence and some of them are L2, which were expected as each lexical item has some degree of connection between L1 and L1 [22]. These findings align with Choi’s lexical domains. It shows that L2 lemma information (semantic and syntactic knowledge) is shared by the existing L1 system. It is also essential to highlight that the current study

supports the concept of differentiating the “sources of deviations”, which are solely L1 and L2. Under the term “affecting” or “influencing factors” we cover cognitive mechanisms and strategies implemented by the language users that influence the lexical deviations in AWL.

Lexical Inaccuracies in Semantics

The “affecting factors” encompass communication strategies, learning strategies and cognitive mechanisms of language production among others [23], [24], [25]. In the category of Semantics, we found the following affecting factors of lexical deviations: the communicative strategies (transfer, overgeneralization) and some of the cognitive strategies (analogy, paraphrase, assumed synonyms). Under the umbrella term “semantic”, we consider contextual and collocation deviations. As it was shown above, L1 source of errors is more dominant than L2. Here are some examples provided from the current corpus study that demonstrate the source of lexical inaccuracies and underlying factors or causes, supported by Relevance Theory explanation:

- Through all studies, the evaluations are done on the ScanNet V2 dataset, which is **concentrated** on indoor 3D scans. (focused centered on) L1
- It helps **inter-data exchange** over the training process between small student models (data exchange, information exchange, or interchange of data) L2
- Also, there are approaches when multiple teacher models train smaller student models, and student model loss is decided by cross-function with weights to distill knowledge from multiple teacher models, and **approximate information in students** (mimic, imitate teacher outputs in the student models) L1

- In Smaller3d, we use numerous classic, and a mix of classic methods, **to analyze** and get a better version of Knowledge Distillation (evaluate) L1
- Student model loss is decided by **cross-function** with weights to distill knowledge from multiple teacher models, and approximate information in students (cross-entropy function) L2

Firstly, the policy of Islamization of the local Armenian population was **conducted** for centuries (*implemented or pursued*). L1

Calling the mass deportation of Armenians voluntary and at the same time **refuting himself** (contradicting himself) L1

In the city population reduced to terrible **proportions** (is reduced to a terrible low level, or declined dramatically) L1

During the years of the Hamidian massacres, forced conversion had reached catastrophic **volumes** (catastrophic levels) L1

The problem became so important that **initiatives were started** (initiatives were undertaken) L1

It **enables to easy use of** state-of-the-art Knowledge (enables easy use of) L1

These two trends have sometimes run parallel, sometimes **dominated over** one another (dominated one another) L1
- **Activation of emigration** rates (increase or rise) L2
- Migration was **deemed to be** with families (involving families) L2
- Due to the lack of starvation and the lack of basic conditions to **sustain** existence (sustain life) L1

Speakers have necessarily become more **equality oriented** (oriented toward equality or egalitarian) L2
- The availability of option a rather than option will be an **emergent consequence** of constraints present in the intrapersonal and

interpersonal domains (will be a consequence emerging from constraints) L2

- The **availability** of option rather than option will be an emergent consequence of constraints (the choice of option) L1

The above-mentioned deviation *concentrated on indoor 3D scans (focused, centered on)* is not naturally used in this context. Usually, it refers to physical density according to the Cambridge Dictionary and concordance, mentioned earlier in this study. We implemented them to find the frequency of occurrence of this specific example. While describing the content or scope of data, it is more common to use “focused” and “centered”. This is obviously a communicative **transfer strategy**, as in Armenian **կենտրոնանալ** is used with a meaning focus, center, concentrate. In terms of cognitive strategies, the language user implemented an analogical word from Armenian. Hence, it falls under the category of **analogy**. It indicates that lemma information of L2 is shared with L1 mental lexicon. In the next examples, *to distill knowledge from multiple teacher models*, and ***approximate information in students*** (*mimic, imitate teacher outputs in the student models*), the language user mistakenly turned the verb *approximate* (to imitate) into a noun phrase *approximate information*. In the Armenian language, after the word *approximate*, usually follows a noun (**մոտավոր տեղեկություն**) and it could explain the reason for the semantic misuse in the English context. Another instances of deviations which can be described as **transfer strategy** and relying on **analogical** semantic meaning of the Armenian language are the following: population reduced to terrible *proportions* (low level). In this case “terrible proportion” is more likely taken from the L1 pattern “catastrophic size”. Conversion had reached catastrophic *volumes* (catastrophic levels) – in this case we observe another transfer from the mother tongue.

We have mentioned the cases of communicative transfer strategy with analogical semantic patterns taken from the mother tongue. There are also inaccuracies within the analogy category, but with L2 source of deviation. There is a systematic attempt by the author to convey meaning and try to

align with the target language rules, which have not been fully formed yet. Consequently, the deviation occurred because of the lack of knowledge in the target language. In the example *inter-data exchange*, the author borrowed the analogous word “interconnection” from the target language existing pattern. *Cross-function* example is an attempt to model familiar patterns such as “cross-functional” or “cross-cultural”, and because of the familiarity of the mathematical term, the author applies the closest concept. Thus, these deviations reflect the constraints in the lexical retrieval process, a lack of academic vocabulary knowledge, by using **analogy** [26], [27].

Another communicative strategy manifested in some of the examples is “**overgeneralization**”. Usually, overgeneralization in errors is regarded as L2 influence [28]. It is the implication of the lexical item or rules of the target language in an incorrect target language context [29]. However, in our study, the words *analyze* and *started* are influenced by mother tongue and used broadly in both contexts. Overgeneralization occurred as the word *analyze* – վերլուծել and *start* սկսվել, սկսել is used in broader contexts in Armenian than in English. Another instance of overgeneralization is *enables to easy use of* (թույլ է տալիս հեշտուրձամբ կատարել) instead of *enables easy use of*. It is an overgeneralization of the infinitive pattern with “to”. Another cognitive strategy applied in lexical deviations in the category of Semantics is **assumed synonyms**. Here are some of the following deviations: The policy of Islamization was *conducted* by (implemented), refuting himself (contradicting), The word “conducted” is assumed by the language user that it is the synonym of “carry out” or “implement” in the current context. The word doesn’t collocate with “policy”, although it overlaps with meaning. The word “refute” is synonymously related to the word “contradict” as they both incorporate the idea of opposition to a statement. According to Cambridge Dictionary “refute” means to say that a statement is wrong or false, while “contradict” means to say the opposite of what someone has said. Another inaccuracy is the *availability* of option (the choice of option). It is the result of wrong choice of synonyms too. Availability means “accessibility”, “the fact that something can be reached”. Choice means “the possibility of choosing

among alternatives”. Thus, “accessibility” and “the possibility of choosing” can be easily overlapped. Regarding error in the following expression-*sustain* existence (*sustain* life), the words “life” and “existence” are semantically related, but not appropriate in this context. All the aforementioned **assumed synonyms** are in line with works by Rababah and Carrio-Pastor [30],[31].

Some of the deviations of the L2 source in the current corpus are **paraphrased expressions**. According to Rababah, paraphrasing is trying to restate a phrase or word in different words. This is another cognitive strategy manifested in written production. *Equality oriented* (oriented toward equality or egalitarian), an *emergent consequence* of constraints (will be a consequence emerging from constraints). In these examples, because of the attempt to sound academically relevant, language users tried to implement more complex structures and words and it leads to errors [32].

From the Relevance theory perspective, we can conclude that all of the above-mentioned deviations are not just the indicators of language failures, but rather the evidence of the cognitive-linguistic manifestation, pragmatic efficiency, an attempt of the human brain to select potentially relevant linguistic elements due to the constant pursuit of the increase of efficiency and productivity. In Brown’s work, the mental activity of picking up the most relevant stimuli is a biologically rooted ability. It is not only external, but also internal representation of thoughts. Thus, selection of relevance is guided by the cognitive principle of relevance [33]. As mentioned earlier, in the current study, the focus is on the communicative principles applied by the language users, and it is one of the principles of relevance. From the deviations in the current corpus, it can be assumed that cognitive and communicative strategies that are applied in these deviations, such as overgeneralization, transfer and analogy, can be explained with the communicative principle of relevance. The language user attempts to be relevant, which matches his/her own preferences or interests and language users cannot go against familiar language structures.

Other cognitive strategies applied, like paraphrase “equality oriented”, “emergent consequence”, ad hoc (specific to that context only)

effect is manifested. It is an attempt to refer to an encyclopedic meaning of the word and highlight features that are salient in that exact context, which leads to pragmatic failure. On the other hand, language users not only construct meaning through ad hoc, but also sometimes confuse synonyms such as “conducted by”, “refuting himself”, through manipulating concepts. Thus, the failure to recognize the procedural meaning of the word means to implement different concepts incorrectly [34], [35], [36], [37].

Lexical inaccuracies in Syntax

Syntactical deviations in the current corpus occur with the erroneously used prepositions. Current research is in line with Harutyunyan study, where syntactical deviations were less with the prevailing amount of context and collocation. In contrast, the current study incorporates syntactical, particularly prepositional misuse of the academic lexical words, and the scope of the study is focused solely on academic vocabulary-AWL. Prepositional deviations occur not only in academic vocabulary, but also in different types of corpora [38]. Nonetheless, the goal of the current research is to focus on the number of occurrences of deviations within each mental model category and to underpin the importance of cognitive-pragmatic processes that take place within the context and demonstrate the Relevance Theory perspective on the deviations. In the following example, *the article also touches on the **reasons of** emigration* (the reasons for emigration), we can observe the prepositional complementation of the language user’s mental model. It is a **literal translation** cognitive strategy. From the perspective of Relevance Theory, referring to Nicole and Włosowicz’s works, the language user tries to find the correct contextual effect, based on the cost versus benefit principle. This principle is also called “optimal relevance”, where the language user tries to communicate to the intended audience through a verbal signal or stimulus. Hence, the communicator adheres to the existing or familiar L1 mental model *reason of*. It costs less cognitive effort, and the mental model is already stable and fixed. Switching from *reason of* to *reason for* requires reconsideration of the existing model.

As for another deviation taken from the corpus, *these two trends have sometimes run parallel, sometimes **dominated over** one another* (dominated one another), it is worth mentioning that this expression is the analogy taken from the Russian expression “доминировать над”. It proves that language user’s academic word knowledge is not only influenced by Armenian, which is their first language, but also by the Russian language [39], [40].

The analogy cognitive strategy implemented is the current corpus, which leads to erroneous patterns applied from L1. It demonstrates that human processing of information should seek for more additional pragmatic or contextual information in order to choose correct syntactical pattern. Based on Brown’s research, the aforementioned deviations illustrate that language users try to be relevant in communication, as the syntactic patterns show L1 Armenian language structure. Although relevance is correlated to the cognitive effect positively, the relevance in these particular instances is correlated negatively as non-native syntactic structures increase processing effort. Nonetheless, the intended meaning of the syntactic structure can be deduced, and a non-standard pattern, which increases cognitive effort, can normalize the pattern and adapt to L2 syntax [41], [42], [43].

Conclusion

The aforementioned results demonstrate how lexical deviations are manifested in AWL, referring to the cognitive-pragmatic perspective, incorporating Relevance Theory as a descriptive and explanatory framework. The outcome of the study reveals that lexical deviations are particularly contextual and collocational, which fall under the category of Semantics. Whereas syntactic inaccuracies occur comparatively less frequently in the current corpus. Thus, it indicates that pragmatic knowledge of AWL words is insufficient. The reliance on L1 mental lexicon shapes the lexical choice in academic discourse. In addition, the developmental inaccuracies (L2) in academic discourse, particularly in AWL, indicate analogy and paraphrase strategies implemented by language users. In response to the first research question, the affecting factors of AWL lexical

deviations from a cognitive-pragmatic perspective are overgeneralization, transfer, analogy, paraphrasing, assumed synonymy and literal translation. The implementation of familiar lexical patterns, which require less cognitive load, is one of the principles of Relevance Theory. The language users depend on the entrenched structures and existing mental models. This leads to the second research question, which says how Relevance Theory can reinforce Error Analysis of lexical inaccuracies in AWL. The descriptive nature of Relevance Theory helps to understand that a human brain is inclined to apply familiar patterns maximizing contextual or pragmatic effect. Overall, Relevance Theory deepens our understanding of cognitive mechanisms that lie behind mistakes and underscores the importance of the pragmatic competence in AWL.

REFERENCES

1. *Jiang N.* Lexical representation and development in a second language // “Applied Linguistics”, 21 (1), 2000. PP. 47–76.
2. *Choi W.* A Corpus-Based Error Analysis of Korean Learner English: From a Cognitive Linguistic Perspective to the L2 Mental Lexicon (published PhD thesis) Department of English Language and Linguistics College of Arts and Law, The University of Birmingham, 2019.
3. *Brown K.* Relevance Theory. Francisco Yus Encyclopedia of Language and Linguistics (2). Amsterdam: “Elsevier”, 2006.
4. *Ibid.*
5. *Coxhead A.* A New Academic Word List. TESOL Quarterly, 34(2), Sum, 2000. PP. 213–238.
6. *Włosowicz T.* A Cognitive-Pragmatic Approach to Error Analysis. Questions and Answers in Linguistics. 2 (1), Poland: Center for General and Comparative Linguistics, University of Wrocław, 2015. PP.11–40.
7. *Jiang N.* Lexical representation and development in a second language // “Applied Linguistics”, 21 (1), 2000. PP. 47–76.
8. *Dodigovic M., Li H. Chen, Y. & Guo D.* The Use of Academic English Vocabulary in the Writing of Chinese Students // “English Teaching in China”, 5, 2014. PP. 13–20.

9. *Gass S. M., Selinker L.* Second Language Acquisition. New York: "Routledge", 2008.
10. *Coxhead A.* A New Academic Word List. TESOL Quarterly, 34(2), Sum, 2000. PP. 213–238.
11. *Brown K.* Relevance Theory. Francisco YusEncyclopedia of Language and Linguistics (2). Amsterdam: "Elsevier", 2006.
12. *Dodigovic M., Li H. Chen, Y. & Guo D.* The Use of Academic English Vocabulary in the Writing of Chinese Students // "English Teaching in China", 5, 2014. PP. 13–20.
13. *Gass S. M., Selinker L.* Second Language Acquisition. New York: "Routledge", 2008.
14. *Nicolle S.* Mental Models Theory and Relevance Theory in Quantificational Reasoning. Pragmatics and Cognition 11(2), John Benjamin's Publishing Company. SIL International, Kenya, 2003. PP. 345–378.
15. *Włosowicz T.* A Cognitive-Pragmatic Approach to Error Analysis. Questions and Answers in Linguistics. 2 (1), Poland: Center for General and Comparative Linguistics, University of Wrocław, 2015. PP.11–40.
16. *Dodigovic M., Li H. Chen, Y. & Guo D.* The Use of Academic English Vocabulary in the Writing of Chinese Students. English Teaching in China, 5, 2014. PP. 13–20.
17. *Nicolle S.* Mental Models Theory and Relevance Theory in Quantificational Reasoning. Pragmatics and Cognition 11(2), John Benjamin's Publishing Company. SIL International, Kenya, 2003. PP. 345–378.
18. *Nicolle S.* Mental Models Theory and Relevance Theory in Quantificational Reasoning. Pragmatics and Cognition 11(2), John Benjamin's Publishing Company. SIL International, Kenya, 2003. PP. 345–378.
19. *Deda N.* The Role of Pragmatics in English Language Teaching. Pragmatic Competence. Academic Journal of Interdisciplinary Studies, 2 (4), 2013. PP. 63–70.
20. Ibid.
21. *Dodigovic M., Li H. Chen, Y. & Guo D.* The Use of Academic English Vocabulary in the Writing of Chinese Students. English Teaching in China, 5, 2014. PP. 13–20.
22. *Choi W.* A Corpus-Based Error Analysis of Korean Learner English: From a Cognitive Linguistic Perspective to the L2 Mental Lexicon (published PhD

- thesis) Department of English Language and Linguistics College of Arts and Law, The University of Birmingham, 2019.
23. *Carrio-Pastor M., Mestre-Mestre E.* Lexical errors in second language scientific writing: Some conceptual implications // “International Journal of English Studies”, 14(1), 2013. PP. 97–108.
 24. *Shalaby N. A., Yahya N. & El-Komi M.* Analysis of Lexical Errors in Saudi College Students’ Compositions. cAyn // “Journal of the Saudi Association of Languages and Translation”, 2 (3), Jan, 2009. PP. 65–93.
 25. *Tarone E., Cohen A. & Dumas G.* A Closer Look at Some Interlanguage Terminology: A Framework for Communication Strategies. Working papers on Bilingualism, (9). Toronto, Canada, 1976.
 26. *Harutyunyan N.* Lexical Errors in the Writing of EFL Students in the Armenian Context (master’s thesis). American University of Armenian, 2018.
 27. *Rababah A.* Cognitive Strategies Employed in Tackling Lexical Problems in Second Language Learning: A Psycholinguistic Study // “Journal of Language Teaching and Research”, 13 (3), May, 2022. PP. 638–644.
 28. *Harutyunyan N.* Lexical Errors in the Writing of EFL Students in the Armenian Context (master’s thesis). American University of Armenian, 2018.
 29. *Tarone E., Cohen A.D. & Dumas G.* A Closer Look at Some Interlanguage Terminology: A Framework for Communication Strategies // “Working papers on Bilingualism”, (9). Toronto, Canada, 1976.
 30. *Carrio-Pastor M., Mestre-Mestre E.* Lexical errors in second language scientific writing: Some conceptual implications // “International Journal of English Studies”, 14 (1), 2013. PP. 97–108.
 31. *Rababah A.* Cognitive Strategies Employed in Tackling Lexical Problems in Second Language Learning: A Psycholinguistic Study // “Journal of Language Teaching and Research”, 13 (3), May, 2022. PP. 638–644.
 32. *Harutyunyan N.* Lexical Errors in the Writing of EFL Students in the Armenian Context (master’s thesis). American University of Armenian, 2018.
 33. *Brown K.* Relevance Theory. Francisco YusEncyclopedia of Language and Linguistics (2). Amsterdam: Elsevier, 2006.
 34. Ibid.
 35. *Carrio-Pastor M.L., Mestre-Mestre E.M.* Lexical errors in second language scientific writing: Some conceptual implications // “International Journal of English Studies”, 14 (1), 2013. PP. 97–108.

36. *Rababah A.G.* Cognitive Strategies Employed in Tackling Lexical Problems in Second Language Learning: A Psycholinguistic Study // “Journal of Language Teaching and Research”, 13(3), May, 2022. PP. 638–644.
37. *Tarone E., Cohen A.D. & Dumas G.* A Closer Look at Some Interlanguage Terminology: A Framework for Communication Strategies. Working papers on Bilingualism, (9). Toronto, Canada, 1976.
38. *Harutyunyan N.* Lexical Errors in the Writing of EFL Students in the Armenian Context (master’s thesis). American University of Armenia, 2018.
39. *Karjikian M.* Creating a Multilingual Armenia: Adding English Language to Armenia’s Education System and Society. (published bachelor’s thesis). American University of Armenia, 2017.
40. *Nicolle S.* Mental Models Theory and Relevance Theory in Quantificational Reasoning. Pragmatics and Cognition 11 (2), John Benjamin’s Publishing Company. SIL International, Kenya, 2003. PP. 345–378.
41. *Brown K.* Relevance Theory. Francisco YusEncyclopedia of Language and Linguistics (2). Amsterdam: Elsevier, 2006.
42. *Nicolle S.* Mental Models Theory and Relevance Theory in Quantificational Reasoning. Pragmatics and Cognition 11 (2), John Benjamin’s Publishing Company. SIL International, Kenya, 2003. PP. 345–378.
43. *Rababah A.G.* Cognitive Strategies Employed in Tackling Lexical Problems in Second Language Learning: A Psycholinguistic Study // “Journal of Language Teaching and Research”, 13 (3), May, 2022. PP. 638–644.

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОТКЛОНЕНИЙ В АКАДЕМИЧЕСКОМ СПИСКЕ СЛОВ

М.А. Варданян

Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

В данном исследовании лексические ошибки анализируются с когнитивно-прагматической точки зрения, опираясь на теорию релевантности и корпусного анализа ошибок. Предлагаемый когнитивно-прагматический подход выступает как формирующаяся парадигма в современной лингвистике и

обеспечивает системную модель классификации и анализа лексических отклонений. Данное исследование нацелено на детальную интерпретацию лексических отклонений в академической лексике второго языка, в частности в Академическом списке слов. Материал исследования является корпус предварительно опубликованных академических статей, авторами которых являются носители армянского языка. В рамках данного анализа ошибок применение ключевых принципов теории релевантности, раскрывающих основы человеческой коммуникации и познания, расширяет понимание сути лексических отклонений и демонстрирует проявление теории релевантности в языковых ошибках. Цель использования когнитивно-прагматического подхода, основанного на теории релевантности, заключается в выявлении когнитивных механизмов, лежащих в основе возникновения лексических отклонений, а также в предоставлении более всестороннего и теоретически обоснованного анализа ошибок в соответствии с когнитивными моделями.

Ключевые слова: когнитивно-прагматический подход, теория релевантности, лексические отклонения, Академический список слов, анализ ошибок.

ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В. ТЕРЬЯНА В СВЕТЕ МАНИФЕСТА СИМВОЛИЗМА В. БРЮСОВА

М.С. Фарамазян

*Ереванский государственный университет
marinefaramazyan01@gmail.com
ORCID: 0009-0003-4563-7494*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается вопрос принадлежности творчества В. Терьяна к направлению символизма под призмой манифеста, предложенного В. Брюсовым. *Актуальность* темы обусловлена сомнением в данном вопросе, выраженном в сфере армянского литературоведения во второй половине XX века. В ходе работы применялись методы анализа, синтеза, а также сравнения оригинальных текстов В. Терьяна с заданными В. Брюсовым критериями, а именно: стремлением к *мистицизму* и обращением к мифологическим образам, недорисованностью и недосказанностью, соответствию критерию *поэзии намеков*, а также *музыкальностью* поэтического текста. В результате было, в целом, выявлено соответствие текстов В. Терьяна предложенной В. Брюсовым шкале классификации, хотя степень соответствия отдельным критериям оказалась различной. *Цель* данного исследования – доказать универсальность и эмпирическую применимость предложенной В.Я. Брюсовым системы оценки в деле характеристики художественных текстов.

Ключевые слова: Брюсов, Терьян, символизм, символ, манифест.

Введение

Сложно переоценить значение деятельности В.Я. Брюсова не только в вопросе освещения и популяризации армянского поэтического наследия, но и в оказании значительного влияния на формирование направления символизма в армянской поэзии. Свой манифест данного течения В. Брюсов изложил в форме *письма к незнакомке*. Цель данной статьи – выявить присущие символизму элементы в творчестве армянского поэта В.С. Терьяна путем сопоставления его поэтических текстов с основными постулатами символизма по Брюсову. Значительное влияние символизма на дальнейшее развитие армянской литературы определяет *актуальность* данной темы. Действенность брюсовского манифеста в деле дифференциации характера литературного текста подтвердилась в процессе работы над данной статьей, выведенные же В.Я. Брюсовым постулаты оказались универсальны и применимы по сей день. Они, безусловно, могут и в дальнейшем быть использованы в качестве полезных инструментов в процессе понимания алгоритмов развития современного армянского литературного процесса. «Казалось бы, тема “Брюсов и Армения” изучена досконально. Что же заставляет сегодня снова к ней возвращаться?» [1]. Да и вопрос творческих взаимоотношений В. Брюсова и В. Терьяна рассматривался в ряде некоторых исследований современных авторов. Так, Л.Г. Ларионова рассказывает о влиянии творчества В. Брюсова на В. Терьяна с самого раннего возраста [2]. Тема разносодержательных связей В. Терьяна с поэтами-символистами исследована в труде Н. Гончар [3]. В диссертационной же работе Н. Степанян освещается круг вопросов, связанных с творческим диалогом В. Терьяна с рядом русских символистов [4]. Однако ни в одном из этих трудов не была применена предложенная непосредственно самим В.Я. Брюсовым в его манифесте категоризация признаков символизма в отношении творчества В. Терьяна. Исследуя литературное наследие В. Терьяна, мы прибегли именно к предложенной В. Брюсовым категоризации, применив методы сравнения, анализа и синтеза.

Манифест символизма В.Я. Брюсова

На вопрос «Что же такое символизм и как его дифференцировать?» прекрасно ответил его родоначальник в русской литературе: В.Я. Брюсов. Сделал он это в форме письма к недоумевающей, даже более того, возмущающейся читательнице, которая писала ему в письме: «не сходятся ли отдельные поэты только в желании написать что-нибудь постранные и непонятные? Пусть кто-нибудь просто ответит на вопрос в чем сущность символизма – я уверена, это ему не удастся!» [5]. В числе основных признаков символизма Брюсов обозначает: *стремление к мистицизму, обращение к мифологическим образам*. Надо сказать, что брюсовское восприятие мифа играло особую роль в его творчестве. В «Учителях учителей» он принимает эвгемерическое и аллегорическое толкование мифов о Дедале, Икаре, Минотавре, Пасифае, Тесее, Ариадне, Миносе и др. Брюсов пишет: «Во всех этих мифах можно открыть зерна исторической правды». На всех этапах своего творчества он неизменно обращается к названным мифам [6]. Также Брюсов отмечает, что в произведениях этого течения чувствуется *недорисованность* и *недосказанность*, эту поэзию можно назвать *поэзией намеков*. «<...> поэтический образ досоздается – каждым; образная речь плодит образы; каждый человек становится немного художником, слыша живое слово» [7]. Прямому отображению реальности символисты предпочитают завуалированные смыслы, тайные образы. Для символистов окружающий мир – лишь оболочка, скрывающая подлинные глубинные смыслы. Можно сказать, что отличие символизма от реализма заключается в том, что для символизма приоритетен не сюжет, а настроение и художественное впечатление, остающиеся после прочтения произведением. И наконец в произведениях данного направления происходит *сближение поэзии с музыкой*. «В звуке соприкасаются пространство и время, и потому-то звук есть корень всякой причинности <...>» [8]. Брюсов формулировал роль музыки в символизме, во многом опираясь на лозунг французского поэта-символиста Поля Верлена «Музыка – прежде всего» [9]. Цель символизма

– системой сопоставленных образов как бы загипнотизировать читателя, вызвать у него определенное настроение. Брюсов предлагал проследить за собой, когда вы мечтаете, и таким образом вы получите прообраз произведения в направлении символизма. Из этого следует, что не только поэт, но и его читатель должны обладать чуткой и восприимчивой душой. «<...> литература есть сон, сон направляемый и обдуманый, но в основе своей сон <...>» [10]. В произведение символизма надо вчитываться, возвращаться к нему несколько раз. Брюсов был глубоко убежден, что искусство есть только там, где художник пытается объяснить самому себе свои темные, тайные стороны – где нет этой попытки – нет художественного творчества. Для кого все в мире просто и понятно, тот не может быть художником. Искусство только там, где есть смелость зайти за грань, за пределы познаваемого. Однако, возвращаясь к теме данной статьи, непосредственно касающейся преемственности способа художественного выражения между двумя поэтами-символистами, находим необходимым отметить тот факт, что под влиянием творчества В.Я. Брюсова В. Терьян находился с юного возраста. Еще в 1902г., будучи учеником пятого класса Лазаревского института, он отправился «в гости к поэту» и был удостоен похвалы своего кумира. «Автор этих стихов обладает тонкой и поэтической душой, форма его стихов почти безупречна» [11]. Позднее Брюсов назовет Терьяна на страницах знаменитой антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней в переводе русских поэтов» (Москва, 1916) «учеником символистов» и «наиболее видным деятелем среди молодых поэтов “русской Армении”». [12] В свою очередь, Терьян посвятил Брюсову стихотворение. «Я был еще юношей, когда полюбил... твою речь», – признается он отцу русского символизма [13]. Терьян не просто высоко ценил его творчество, но и стремился донести его до армянского читателя посредством переводов его произведений. Сам Брюсов называл эти переводы «превосходными» [14]. Влияние творчества В. Брюсова, безусловно, отразилось на эстетических воззрениях В. Терьяна, на используемых им литературных приемах. В своем очерке о творческих взаимоотношениях двух поэтов

профессор Т.С. Ахумян пишет о том, что традиционно «<...> творчество замечательного армянского лирика Ваана Теряна рассматривается нашей литературной критикой как творчество поэта-символиста», при этом замечая, что «в последние годы в утверждении этой концепции как будто нет уже прежней безоговорочности: появились какие-то несмелые признания, что символизм В. Теряна, дескать, сугубо формального характера» [15]. Целью своей ставим оценку состоятельности подобных утверждений посредством применения к поэзии В. Теряна критериев, предложенных В. Брюсовым в его манифесте символизма.

Мистицизм и мифология в творчестве В. Теряна

Первым критерием отнесения произведения к жанру символизма Брюсов обозначает обращение автора к мифологическим образам и стремление к мистицизму. Поэтический цикл «Երկիր Նաիրի» («Страна Наири») В. Теряна открывается стихотворением, в котором он сравнивает себя со странствующим Одиссеем – одним из наиболее сложных и противоречивых образов древнегреческой мифологии. «Որպես Լալերտի որդին, որպես/ Ուխտ մի, թողած և՛ հող, և՛ տուն, / Անցա ծովեր ու ցամաքներ ես՝ / Ամեն տեղ օտար և անխնայ» [16]. («Как сын Лалерта, мудрый Одиссей, Оставивший когда-то край родимый, прошел я дали суши и морей, Всею чужой, угрюмый, нелюдимый...») [17]. В одном из стихотворений цикла «Էքսպրոմտ» («Экспромт») поэт закликает ангела позаботиться о беспризорном ребенке. «Հրեշտակ՝ մարդր, լուսաթև, / Իջի՛ր երկնից հեռավոր / Երգով անուշ ու թերևս, / Նվազներով մեղմորոք:» («О ангел чистый, светлкрылый, / С небес спускайся к нам скорей / Ты сладкой песней, чтоб парила / Над нами нежностью своей, // Малютке моему, прошу я, / Что заблудился в мире злом, / Ты радость принеси живую / И осени его крылом.»//). Хотя образ ангела и можно отнести к религиозно-мифологическим, основной пафос стихотворения все-таки нравственно-гуманистический, местами схожий с патетикой лермонтовской «Молитвы». В поэтическом цикле

«Город» («Քաղաք») теологическая тематика выражается в мотиве благовещения. «Ես ձեզ բերի բարի լուր, / Ի՛մ եղբայրներ, արթնացե՛ք. / Լո՛ւյս է, լո՛ւյս է ամենուր, / Մեռած-քնած վե՛ր կացե՛ք...//» («Я принес вам весть побед, / Братья, спящие, очнитесь! / Всюду солнце, всюду свет, / Братья, спящие, проснитесь! //»). Наряду с целомудренным образом светлокрылого ангела и призывом к духовному пробуждению в творчестве Терьяна, присутствуют и образы-антиподы, как, скажем, сладострастная губительная «Медуза». «Խենթ հիացունով արբեցի նրա տանջող զգվանքում, / Եվ գիրկը նրա թվաց ինձ եղեմ, մեղքը – արրազան... / Օ՛, դառը գիշեր, տանջանք ու թախիծ. – իր արնոտ գրկում / Փայփայում էր ինձ և հեկեկում էր երկդեմ Մեղուկան://» («Ее я назвал желанной судьбой, святой возомня / Греховную страсть средь радостных мук в затмение ума... / О, горечь и боль! Забывшись в крови, вперила в меня / Ужасный свой лик, вясь и хрипя, Медуза сама.//»). В «Триолетах» Терьяна («Տրիոլետներ»), вслед за В.Я. Брюсовым, мелькает и свой образ огненного ангела. «Հուր ես հագել հրեղենդ, / Ալվարդդ՝ կարմիր կրակ, / Նազում ես այնպես բարակ, / Հուր ես հագել հրեղենդ://» («Вся сотканная будто из огня, / Ты – роза алая, ты – свет, ты – пламя... / Нежна ты – озаренная лучами, / Вся сотканная будто из огня. //») или же «Նետում ես ոսկի նետերդ / Հուրերդ – որպես արև, / Ես դեմդ — դողդոջ տերև, / Նետում ես ոսկի նետերդ. / Դու բոց ես, ես խենթ թիթեռ եմ / Դու վառ ես, դու հրաթև, / Նետում ես ոսկի նետերդ, / Հուրերդ՝ որպես արև://» («Ты выпускаешь золотые стрелы, / И солнца горячей твои огни. / Я пред тобой – дрожащий лист в тени... / Ты выпускаешь золотые стрелы. / Ты – искорка, я – мотылек несмелый... / Ты – крылья солнца: как горят они! / Ты выпускаешь золотые стрелы, / И солнца горячей твои огни. //»). Несмотря на, в целом, мифическую суть приведенных в качестве примеров образов, справедливости ради следует отметить, что встречаются образы мистического толка в творчестве Терьяна весьма нечасто и важны не сами по себе, а скорее, для выполнения вспомогательных ролей и функций при постулировании иных идей. С этой точки зрения, один из основных критериев дифференциации символизма по Брюсову, а именно: обращение к *мифологи-*

ческим образам и мистицизму, не является доминирующим в творчестве Терьяна.

Поэзия намеков

Французский поэт-символист Стефан Малларме большую роль в поэтическом процессе отводил суггестивности (от лат. *suggestion* – «внушение»): понятию, предполагающему вовлечение субъекта, воспринимающего произведение искусства, в процесс его познания посредством «намеков». Он утверждал, что «Назвать предмет – значит уничтожить на три четверти наслаждение от стихотворения, которое состоит в самом процессе постепенного и неспешного угадывания; подсказать с помощью намека – вот цель, вот идеал. Совершенное владение этим таинством как раз и создаёт символ; задача в том, чтобы, исподволь вызывая предмет в воображении, передать состояние души или, наоборот, выбрать тот или иной предмет и путем его медленного разгадывания раскрыть состояние души» [18]. В этом смысле субъект, постигающий смысл произведения, должен тоже быть «искусственным» – уметь видеть, слышать и чувствовать. Интересные мысли на эту тему высказала философ и писательница Сьюзен Сонтаг. В ее критическом эссе «Против интерпретации» [19] она выступала против попыток «душить» произведение, загоняя его в рамки интерпретации формы. Сонтаг называла подобные попытки «мстью интеллекта искусству». «Интерпретация, – говорила она, – обедняет, лишает всех граней восприятия, низводя произведения искусства лишь до содержания». Более того, она утверждала, что интерпретации – это подсознательное *неприятие* произведения искусства, желание заменить его чем-нибудь иным, более понятным. Однако она не считала, что интерпретация должна отсутствовать, как таковая; вопрос в ином – каким образом мы должны осуществлять анализ. По Сонтаг, больше внимания следует уделять форме и эстетическому восприятию; необходимо тренировать умение видеть, слышать и чувствовать. Что касается искусства «намеков», то следует упомянуть, что идея *суггестивности* была одной из основопо-

лагающих на рубеже XIX и XX веков не только в литературе, но и в других видах искусства. Так, художники-символисты той эпохи стремились выразить свои чувства и эмоции посредством цвета и необычной композиции. Достаточно вспомнить «Крик» Э. Мунка или знаменитую картину М. Врубеля «Демон». В музыке родоначальником символизма считается Рихард Вагнер (столь часто обращавшийся в своем творчестве к мифологическим образам и мотивам); русский же композитор А. Скрябин разработал целую теорию цветомузыки, в которой каждый цвет ассоциировался с определенным эмоциональным состоянием. При этом кульминация и наибольший накал приходились на белый цвет. В свою очередь, В. Брюсов не только разделял концепцию *суггестивности*, но и вывел ее в отдельный критерий соответствия жанру символизма в своем манифесте. Своего рода гимном *суггестивности* художественного процесса можно смело обозначить брюсовское стихотворение «Творчество». Тут и «Тень несозданных созданий/ Колыхается во сне» и «лазорева луна», при которой всходит «месяц обнаженный» [20].

Соответствие поэзии В. Терьяна категории *суггестивности* абсолютно явственно. Поскольку понятие *суггестивности* – понятие многозначное, широкое, применяемое не только в литературе, но и в других областях – таких, как психология, педагогика, лингвистика или реклама, находим более уместным в рамках данного исследования использовать слово «намеки», обозначенное самим В.Я. Брюсовым. «Слово или выражение, в котором не полностью высказанная мысль может быть понята только по догадке» [21], «знак, словом или делом» [22] – таковы определения, данные понятию «намеки» в толковых словарях. Недосказанность и аллегоричность, подразумевающие глубинную семантику «намек», присутствуют практически в каждом стихотворении Терьяна. Остается только догадываться, о ком рассказывает автор в поэтическом цикле «Грезы сумерек»: имеет ли данное видение реальный прототип или же это столь излюбленный поэтами-символистами образ Прекрасной Дамы, мелькнувший, например, в стихотворении «Грусть» («Տխրութիւն»)?: «Ստիպուի քայլերով, անհնար՝ որպէս

քնրն՝ լ մութի թև,/ Մի ըստվեր անցավ՝ ծաղիկ ու կանաչ մեղմիկ
շոյելով./ Իրիկնաժամին, թփերն օրորող հովի պես թերթև/ Մի ուրու
անցավ, մի գունատ աղջիկ՝ ներմակ շորերով...//» («Скользящей сто-
пой, словно нежным крылом шелестя/ темноты, / Прошла чья-то тень,
облекая во мгле трав белеющий/ цвет;/ Вечерней порой, – легковею-
щий вздох, что ласкает/ кусты, / – Виденье прошло, женский призрак
мелькнул, белым/ флером одет. //»). Еще один излюбленный поэтами
прием, обращение к природе для передачи внутренних состояний и
философских идей. Чувство щемящей грусти передает автор в стихо-
творении «Осень» («Աշուն»): «Դալուկ դաշտեր, մերկ անտառ.../ –
Մահացողի տխր՝ կյանք.../ Անձրև, քամի, սև կամար.../ – Սրտա-
կտուր հեկեկանք://» («Поля мертвы, мрачен лес, / Тосклива близость
конца.../ Сквозь дождь, сквозь сумрак небес/ Стон, леденящий серд-
ца...»//). В цикле «Терновый венец» Терьян использует пейзаж для со-
здания психологического параллелизма, сопоставляя (вслед за Брюсо-
вым) городской пейзаж и человеческое чувство. «Ձեր շքեղ շենքերի
ծանրությունը արտնաշուկ,/ Ձեր ահեղ բերդերի համրությամբ վեր-
ամրարձ,/ Քաղաքներ, ձեր մեջ կա դժոխքի մի շշուկ,/ Քաղաքներ, ձեր
բանտից արդյոք կա՞ վերադարձ://» («Под томительным гнетом двор-
цовых громад,/ Под спесивым безмолвием стен крепостных,/ – Города!
– всюду вход в ваш застенек и ад. / Города! Кто укажет нам выход из
них? //»). Сложно охватить в рамках одной статьи все многообразие
примеров, подтверждающих семантическую нагруженность терья-
новского текста. Да, это, безусловно, *поэзия намеков*.

Музыкальность поэтического текста

В связи с отличиями между армянским и русским языками, сти-
ховедческий анализ оригинальных текстов Терьяна не совпадает с ана-
лизом соответствующих русских переводов. В армянском языке уда-
рение фиксированное – стихотворения почти всегда пишутся в силла-
бической системе; многие же русские переводы написаны в силлабо-
тонической системе, так как ударение в русском языке подвижно. В

связи с этим основной акцент анализа следует сосредоточить на звукописи, которую, дабы придать своим текстам музыкальность, Терьян часто использовал. К примеру, возьмем единственный акростих автора, посвященный другому символисту, русскому поэту Вячеславу Иванову: «Վարդավառի վարդերը վառ / Երգող երգչիդ երդումն եմ ես. / Չկար երկրիս նման Կարսեզ — / Եվ նա ավեր, չարին ավա՛ր...» («Яркие розы Вардавара / Клянусь я певцу вашему / Не было в моей стране подобного сада / Что сокрушен сейчас» (*перевод – наши*)). В данном отрывке текста использована аллитерация (звуки v/t, в меньшей степени d/g), что служит задаче формирования музыкальности и тем самым подтверждает причастность этого текста к символизму. Кроме приемов звукописи, Терьян также использовал различные лексические повторы. К примеру, в стихотворении «Элегия» Терьян использует лексическую анафору: «Ես կանգնած եմ լուռ, անչար է հոգիս, / Թախիծս՝ խաղաղ անուրջի նման. / Էլ չեմ անիծում ցավերը կյանքիս, / Էլ չեմ տրտնջում վիճակիցս ունայն...» / «Я стою молча, мой дух безлобен / Моя грусть как мирная мечта / И я не кляню более страдания жизни / И я не сетую больше на бытие» (*перевод – наши*). Подобные приемы Терьян использует, чтобы сформировать уникальную ритмическую композицию во многих своих произведениях (рефрен в «Մենք մութ աշխարհում շահ ենք, / Մենք տանջված երկրին՝ դրոշ, / Թող զա՛ն, / Թող զա՛ն, / Թող զա՛ն...» / «Светильник мы в темном мире, / Мы знамя прискорбному миру / Идут пусть! / Идут пусть! / Идут!»). В связи с использованием Терьяном многих подобных приемов можно утверждать, что его произведения соответствуют представлению музыкальности.

Заключение

Резюмируя данные, полученные в процессе написания статьи в соответствии со шкалой, предложенной в манифесте В.Я. Брюсова, можно уверенно заключить, что поэтическое наследие В. Терьяна, безусловно, относится к литературному направлению символизма (не-

смотря на несколько менее выраженное присутствие мифологем в его текстах) и всякие споры и прения на данную тему считаем голословными и несостоятельными. Хотя временами круг вопросов, к которому он обращается в своем творчестве и тяготеет к, скажем, социальной («Սիրում եմ ես նրանց, որոնք խենթ են ու անտուն, / Նրանց, որոնք կայան չունեն և չունեն խնդում: //» – «Տրիոլետներ» շարքից // «Люблю я тех, бездумных и бездомных / Что лишены пристанища, услад» – из цикла «Триолеты» (*перевод – наши*)) или к патриотической тематике («Ար թշնամին բերում է «տանկեր» – «Փշե ցիափ» գրքից // «Враг наш бросает танки в атаку» – из цикла «Терновый венец» (*перевод – наши*)), и это, конечно, может создать ложное ощущение сугубо гражданского характера его лирики; тем не менее, поэзия В. Терьяна от этого никак не становится менее символичной. К тому же, следует отметить, что в символизме начала XX века социальные темы часто переплетались с мистическими исканиями и поиском тайных смыслов. Социальные катаклизмы зачастую воспринимались поэтами как апокалиптические знамения, противостояние света и тьмы, духовных принципов. Достаточно вспомнить поэму А. Блока «Двенадцать». В заключение отметим, что в процессе работы над данной статьей у нас была удачная возможность убедиться в универсальности и эмпирической применимости предложенной В.Я. Брюсовым системы в деле характеристики художественных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джанполадян М. Критические оценки В Брюсова армянской поэзии: век спустя // «Вестник Ереванского университета. Русская филология», № 3 (6). 2016, СС. 3–17.
2. Ларионова Л.Г. Известные инскрипты В.Я. Брюсова в фондах ГПИ // «Литературный факт». № 1 (11). 2019, С. 461.
3. Гончар Н. В. Терьян в диалоге с Федором Сологубом» // “Bulletin of Yerevan University H: Russian Philology”, 2019.
4. Степанян Н.С. Русский символизм и В. Терьян (мастерство стихотворного перевода): специальность [10.01.03] «Русская литература»: дис.

- канд. фил. наук. Институт литературы им. М. Абегамян НАН РА. Ер., 2010, 158с.
5. *Брюсов В.* Русские символисты. М.: Изд-во «Лит.Рес», 2016. СС. 3–10.
 6. *Аришакян Э.* Мифология и мифотворчество в поэзии В. Брюсова // «Вестник Ереванского университета. Русская филология». № 2, 2021. СС. 38–51.
 7. *Белый А.* Символизм как миропонимание. С-Пб.: Изд-во «Азбука-Аттикус», 2023. С. 189.
 8. Там же. С. 186.
 9. *Верлен П.* Стихотворения. Изд. «Харвест», М.: 2001, 176с. СС. 134.
 10. *Борхес Х.Л.* «Зеркало загадок». СПб.: «Азбука», 2022. С. 222.
 11. *Ларионова Л.Г.* «Неизвестные инскрипты В.Я. Брюсова в фондах Государственной публичной исторической библиотеки». С. 461.
 12. Там же. С. 462.
 13. *Ахумян Т.С.* Валерий Брюсов и Ваан Терян (к вопросу об их творческих взаимоотношениях) // Брюсовские чтения 1966г. Ереванский государственный педагогический институт им. В.Я. Брюсова. Ер.: Изд-во «Айастан», 1968.
 14. Там же. С. 111.
 15. Там же. С. 116.
 16. *Տերյանի Վ. Ստեղծագործությունների ժողովածու*. Եր., «Էդիթ Պրինտ», 2011: Էջ 216:
 17. *Терьян В.* Стихотворения. Ер.: Изд-во «Советский писатель», 1980, 272с.
 18. Поэзия французского символизма. М., 1993. С. 425.
 19. *Sontag S.* Against interpretation and other essays. USA: “Picador”. 2001, 336p.
 20. *Брюсов В.* Стихотворения. М.: Изд-во «Детская литература», 1971. С. 16.
 21. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Изд-во «Русский язык», 1978. С. 350.
 22. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка». Т. II. М.: Изд-во «Русский язык», 1979. С. 438.

REFERENCES

1. *Dzhanpoladyan M. V.* Bryusov's Critical Assessments of Armenian Poetry: A Century Later. “Bulletin of Yerevan University. Russian Philology”, № 3 (6), 2016. PP. 3–17.

2. *Larionova L.* Unknown V.Y. Bryusov's transcripts in the funds of the State public library. "Literary Fact", № 1 (11), 2019. P. 461.
3. *Gonchar N. V.* Teryan in dialogue with Fyodor Sologub // "Bulletin of Yerevan University H: Russian Philology", 2019.
4. *Stepanyan N.* Symbolism and V. Teryan (The Craft of literary translation): speciality [10.01.03] "Russian literature". Dissertation for the degree of Candidate of philological sciences. M. Abegyan Institute of Literature. National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. Yer., 2010, 158p.
5. *Bryusov V.* Russian Symbolists // "Lit. Res Publishing House", 2016. PP. 3–10.
6. *Arshakyan E.* Mythology and Myth-Making in V. Bryusov's Poetry // "Bulletin of Yerevan University. Russian Philology". № 2, 2021. PP. 38–51.
7. *Bely A.* Symbolism as a Worldview. St. Petersburg: "Azbuka-Atticus Publishing House", 2023. P. 189.
8. Ibid. P. 186.
9. *Verlaine P.* Poems. M.: "Harvest Publishing House", 2001. PP. 134–176.
10. *Borges H.* The Mirror of Riddles. St. Petersburg: "Azbuka Publishing House", 2022. P. 222.
11. *Larionova L.* Unknown Inscriptions by V.Ya. Bryusov in the Collections of the State Public Historical Library. P. 461.
12. Ibid. P. 462.
13. *Akhumyan T.* Valery Bryusov and Vahan Teryan (on the Question of Their Creative Relationships). The Bryusov Readings of 1966. Yerevan State Pedagogical Institute named after V.Ya. Bryusov. Yer.: "Hayastan Publishing House", 1968.
14. Ibid. P. 111.
15. Ibid. P. 116.
16. *Teryan V.* Poetry, Ed. Yer.: "Edit print" 2011. P. 216.
17. *Teryan V.* Poems. Ed. Yer.: "Soviet writer". 1980, 272p.
18. Poetry of French symbolism. Moscow, 1993. P. 425.
19. *Sontag S.* "Against interpretation and other essays". USA: "Picador", 2001, 336p.
20. *Bryusov V.* Poems. Ed. Moscow: "Children's Literature". 1971. P. 16.
21. *Ozhegov S.* Dictionary of the Russian Language. Moscow: "Russkiy Yazyk Publishing House", 1978. P. 350.

22. *Dal V.* Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. II. Russian Language Moskow: "Publishing House", 1979. P. 438.

V. TERYAN'S POETIC HERITAGE IN THE LIGHT OF V. BRYUSOV'S SYMBOLISM MANIFESTO

M. Faramazyan

Yerevan State University

ABSTRACT

The article examines the question of compliance of V. Teryan's poetry to the Symbolist movement, based on the manifesto proposed by V. Bryusov. The relevance of the study is conditioned by the doubts expressed in Armenian literary studies in the second half of the 20th century. During the work, were used methods of analysis, synthesis, as well as comparison of V. Teryan's original texts with the criteria set by V. Bryusov, namely: the pursuit for *mysticism* and appeal to *mythological images*, *vagueness* and *innuendos*, alignment with the criterion of *poetry of hints*, as well as the *musicality* of the poetic text. As a result of the work, it was revealed that V. Teryan's texts generally corresponded to the classification scale proposed by V. Bryusov, although the degree of compliance varied. The purpose of this study is to prove the universality and empirical applicability of the evaluation system proposed by V. Ya. Bryusov in the analysis of literary texts.

Keywords: Brusov, Teryan, symbolism, symbol, manifesto.

ЖУРНАЛИСТИКА

DOI 10.24412/1829-0485-2026-2-295-311
УДК 070.1+25

Поступила: 23.01.2026г.
Сдана на рецензию: 25.01.2026г.
Подписана к печати: 13.03.2026г.

ПАСТЫРСКАЯ МЕДИАРИТОРИКА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ TELEGRAM-КАНАЛА ИЕРЕЯ ПАВЛА ОСТРОВСКОГО)

М.В. Алекян¹, М.А. Тяпин²

¹Российско-Армянский университет

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

marina.alekryan@rau.am, alitair55@mail.ru

ORCID¹: 0000-0001-6517-4448; ORCID²: 0009-0007-6042-2917

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу пастырской медиариторики иерея Павла Островского в цифровом пространстве на материале публикаций его Telegram-канала за первое полугодие 2025 года. Эмпирическую базу составил корпус из 949 сообщений. В ходе качественного и количественного анализа рассмотрены особенности тона, жанрового разнообразия и цитатной структуры медиатекстов, выявлено соотношение между духовным и повседневным уровнями речи. Показано, что пастырская медиариторика формируется в качестве новой модели религиозной публичности, в которой богословское содержание сочетается с языком диалога и элементами культурной

рефлексии. Сделан вывод о трансформации традиционного пастырского слова в условиях медиакультуры XXI века, где духовное наставление становится частью сетевой коммуникации.

Ключевые слова: пастырская медиариторика, церковь, цифровая религиозная коммуникация, Telegram-дискурс, Павел Островский, православная публицистика.

Введение

В последние годы наблюдается активная трансформация религиозного дискурса под воздействием цифровых технологий и медиатизации общественной коммуникации. Церковное слово, традиционно воспринимавшееся как элемент литургического или проповеднического пространства, постепенно осваивает новые форматы публичного присутствия. Мессенджеры становятся не только площадками для миссионерской деятельности, но и средой, где происходит переосмысление формы пастырского высказывания, его интонации, адресности и жанровых границ.

Одним из ярких примеров этого процесса является деятельность иерея Павла Островского – настоятеля Георгиевского храма в поселке Нахабино Московской области, чья медийная активность позволяет рассматривать его коммуникацию как феномен новой пастырской медиариторики. Канал священника в Telegram имеет более 240 тысяч подписчиков [1], при этом средний показатель реакций на публикацию достигает более 2500, а средний объем публикации – около 545 знаков с пробелами.

Особенность его дискурса заключается в том, что он соединяет богословскую аргументацию с современными речевыми и культурными кодами, вне рамок приходского пространства обращаясь к широкой аудитории. В этом проявляется тенденция к «демонополизации» церковного нарратива: пастырь становится участником публичного общения, где духовная тема соседствует с социально-политической и культурной.

Теоретическую основу работы составляют исследования российских и зарубежных авторов, посвященные трансформации форм и функций церковного дискурса. Так, М.А. Афанасьева отмечает, что цифровизация религиозного сознания приводит к смещению акцента с институциональных форм веры на персонализированные практики, в рамках которых медиапространство становится самостоятельным пространством религиозного опыта [2]. В свою очередь, Э.А. Нимяев рассматривает цифровую среду как «пространство для сообщества», подчеркивая двойственную природу онлайн-религиозных практик: с одной стороны, они способствуют консолидации верующих, с другой – формируют феномен цифрового религиозного суррогата, в котором духовное содержание подменяется коммуникационной активностью [3]. Эти наблюдения позволяют рассматривать медиакоммуникацию духовенства не только как миссионерский инструмент, но и как фактор изменения религиозной идентичности.

Стилистические и дискурсивные особенности православной медиаречи анализируются в работах, посвященных языку церковной публицистики и медиа. Т. Ицкович обращает внимание на формирование гибридного стиля православных СМИ, сочетающего элементы традиционного церковного языка и светской журналистики, что способствует расширению аудитории и трансформирует риторические нормы [4]. А.С. Макарова отмечает, что современный православный публицистический дискурс характеризуется усилением диалогичности и ориентацией на актуальную социальную проблематику, что сближает его с общественно-политической публицистикой [5].

Дополняя эти выводы, Е.А. Козлова и М.В. Гремицкая подчеркивают, что медиасреда влияет на переосмысление ключевых религиозных концептов, в том числе концепта веры, который в цифровом дискурсе приобретает более индивидуализированное и эмоционально окрашенное звучание [6]. Значимый вклад в понимание процессов адаптации традиционного проповеднического жанра к интернет-среде внесла работа Е.А. Островской [7], в которой акцентируется внимание на формировании новой риторики православного медийного контента.

Исследователь подчеркивает, что медиадискурс православных Telegram-каналов сосредоточен на формировании альтернативных внутрицерковных коммуникаций и интерпретаций тем, связанных с современными религиозными практиками, а также выстраивании новых типов взаимоотношений с учетом цифрового пространства, где мессенджер функционирует как площадка для обсуждения вопросов либерализации церковных структур. В качестве основания для анализа мы взяли именно эту формулировку, добавив такой важный аспект как влияние коммуникативных фигураций и фреймов релевантности на отбор и конструирование смыслов в медиадискурсе. В совокупности эти исследования формируют теоретическую рамку для анализа пастырской медиариторики как особой формы религиозной публичности в условиях цифровой культуры.

Изучение подобных форм религиозной коммуникации приобретает особую значимость в контексте современной медиакультуры, поскольку позволяет проследить, каким образом традиционные модели церковного наставления адаптируются к сетевым форматам общения, не утрачивая духовного содержания. Анализ пастырской медиариторики в цифровом пространстве открывает возможность осмыслить механизмы сохранения богословской глубины в условиях кратких, визуально насыщенных и динамичных коммуникационных практик. Цель исследования – выявить, каким образом в медиатекстах священника реализуется соотношение между духовным и повседневным уровнями речи, как традиционные элементы церковного стиля преломляются в сетевом контексте и какие новые формы взаимодействия с аудиторией формируются в результате этого процесса.

Материал и методы

Настоящее исследование основывается на дискурсивном качественно-количественном анализе контента Telegram-канала иерея Павла Островского за первое полугодие 2025 года (с 1 января по 30 июня 2025 года). Такой корпус текстов позволяет рассматривать высказы-

ния священника как единое поле, в котором проявляются новые формы церковной публичности и миссионерского языка. Особое внимание уделяется лексическому диапазону высказываний, жанровым формам, риторическому использованию цитат из Священного Писания и святоотеческой традиции, позволяющим интегрировать религиозный дискурс в медиапространство без утраты его духовной идентичности.

Такой подход делает возможным рассматривать тексты Павла Островского не просто как частную медиапрактику священника, но как пример становления новой модели пастырской коммуникации в цифровую эпоху, обладающую элементами публицистического жанра: выраженным авторским стилем, оценочностью высказываний, аргументированной интерпретацией актуальных социальных и культурных явлений, а также ориентацией на диалог с широкой аудиторией. В этой модели традиционные формы церковного наставления переосмысляются в логике сетевого взаимодействия: проповедь превращается в диалог, духовное размышление – в медийный пост, а религиозное свидетельство – в формат публичного присутствия, сочетающий богословие, публицистику и элементы культурной критики.

Результаты

Результаты частотного анализа лексем представлены в Табл. 1, где выделены наиболее значимые с точки зрения смыслового и риторического наполнения слова (Табл. 1). Слова «человек», «друг», «время», «храм» и «Христос» формируют концептуальные оси авторской медиариторики, определяя тематическое ядро и интонационную направленность пастырского высказывания.

Таблица 1.

Частота встречаемости лексем в постах о семейных ценностях

Слово	Частота встречаемости
Человек	385
Друг	191

Время	188
Храм	184
Христос	182

Лексема «время» задает философско-богословский пласт дискурса. Она часто употребляется в связке с мотивами быстротечности, ответственности и соотнесенности земного и вечного: «Именно время, невероятно ускоряющееся с каждым годом, не позволяет многим даже что-либо начать» (пост от 11.02.2025). Слово выполняет в текстах Островского не только номинативную, но и метафизическую функцию – обозначает пространство человеческого действия и одновременно границу бытия, обращающую мысль к вечности.

Лексема «храм» воплощает центр координат авторского мировоззрения. Оно появляется как в прямом значении (место служения), так и в переносном – как символ духовного пространства, где человек встречается с Богом. Повторяемость этого слова особенно важна в медиасреде: «храм» становится антиподом «мира» и «шума сети», знаком устойчивости и тишины в цифровом потоке. Священник часто призывает не забывать ходить в храм: «Чтобы сегодня все в храмы вечером пошли!» (пост от 04.04.2025).

Лексема «Христос» задает высший уровень смысловой иерархии. Ее регулярное присутствие показывает, что даже в контексте актуальных, часто ироничных или публицистических сообщений центр высказывания остается неизменным – личность Христа как источник любви, смысла и ориентира. В структурном отношении слово служит не только богословской доминантой, но и семантическим якорем, удерживающим медиаречь в пределах пастырской традиции: «Если вдруг мы узнаем, что Христос еще раз явился в мир, то обрадуемся ли?» (пост от 06.01.2025).

Лексема «человек» выступает центральным элементом антропоцентрической модели мира, свойственной современной православной публицистике. У Павла Островского она обозначает не просто объект духовного воздействия, но и субъект свободного выбора, ответствен-

ности и внутреннего поиска. Контексты, в которых встречается это слово, варьируются от назидательных («...если человек нарушит первую клятву, то кто потом будет верить второй?» – пост от 08.01.2025) до эмпатических («...к любому человеку следует проявлять уважение...» – пост от 31.03.2025), что создает образ священника, обращающегося не к «пастве» как массе, а к индивиду как личности.

Слово «друг» выполняет функцию риторического маркера доверительного общения. Оно используется не только буквально, но и как средство установления горизонтальной коммуникации между пастырем и аудиторией: «С Новым годом и скорым Рождеством, друзья!» (пост от 01.01.2025), «Спасибо, друзья, за оценку трудов!» (пост от 28.03.2025). Лексема становится лексическим инструментом демаркирования традиционной церковной дистанции и превращает проповедь в форму диалога. Повторяемость этого слова свидетельствует о сознательном использовании стратегии дружеской интонации как части миссионерского стиля.

В комментариях подписчики демонстрируют выраженную вовлеченность и поддержку, используя молитвенные обращения и лексику религиозной солидарности. Реплики носят преимущественно краткий, экспрессивный характер («Благословите, батюшка», «Храни вас Господь», «Здоровья, отец!»), сопровождаются эмодзи, выполняющими функцию эмоционального усиления и невербального согласия. Коммуникация выстраивается в форме доверительного диалога, в котором адресаты воспринимают священника не только как медиаперсону, но и как пастыря, к которому допустимо личное обращение, выражение заботы и взаимной поддержки.

Таким образом, повторяемость указанных лексем отражает целостную риторическую стратегию, которая заключается в соединении личного и духовно-ценностного. Через эти слова Павел Островский выстраивает дискурс, в котором медиапространство становится продолжением церковного общения, а лексическая структура текста – выражением его миссионерской задачи.

Для более глубокой реконструкции смысловой структуры дискурса был проведен анализ устойчивых словосочетаний, представленных в виде лемматизированных биграмм (Табл. 2). Сочетания приведены в нормализованной форме с учетом контекста их функционирования.

Таблица 2.

Частотные лексические словосочетания

Лексическое словосочетание	Частота встречаемости
Павел Островский	52
Бесплатное поминовение	43
Апостол Павел	37
Прямой эфир	36
Великий пост	31

Анализ показал, что в медиариторике священника устойчиво воспроизводятся смысловые связки, объединяющие личностный, богословский, литургический и медиакоммуникативный уровни высказывания. Наиболее репрезентативной является биграмма «Павел Островский», функционирующая как маркер авторской идентичности. Постоянное присутствие этой лексемы в тексте создает эффект узнаваемости и доверия, усиливает персональное измерение проповеди, переводя ее из безличного церковного формата в сферу индивидуального общения. В этом проявляется феномен медиаперсоны священника, где личное имя становится риторическим инструментом свидетельства.

Не менее показательно сочетание «апостол Павел», задающее богословскую перспективу и интертекстуальную глубину медиадискурса («Об этом давно еще писал апостол Павел...» – пост от 23.03.2025). Совпадение имени неслучайно усиливает ассоциативную связь между автором канала и святым, создавая линию преемства между апостольским словом и современным пастырским служением.

Через обращения к апостолу Павлу священник актуализирует миссионерский идеал проповеди вне храма, в пространстве «площадей» и «домов» – сегодня соответствующих цифровым площадкам.

Другие частотные биграммы отражают конкретные тематические и институциональные контексты его высказывания. «Великий пост» репрезентирует литургическую ось дискурса, фиксируя привязку медиатекстов к церковному календарю и напоминая о духовном ритме, который цифровое пространство не отменяет, а поддерживает («Великий пост – это прекрасная возможность для семейных людей поухаживать друг за другом, чтобы в семью пришла весна» – пост от 04.03.2025).

«Бесплатное поминовение» демонстрирует попытку демифологизации церковной экономики: акцент на бесплатности молитвы за усопших превращается в риторический жест социальной открытости и пастырской заботы. Биграмма «прямой эфир» указывает на стратегию интерактивного присутствия, через которую медиапроповедь становится формой живого общения, а не трансляцией назиданий («Заодно мы сможем теперь и вас подключать к этому обсуждению с помощью звонков в прямом эфире и прочтения комментариев, которые будете оставлять» – пост от 26.04.2025).

Анализ комментариев к публикациям, содержащим словосочетание «бесплатное поминовение», показал отсутствие активного обсуждения финансового аспекта непосредственно в основном Telegram-канале священника. Это обусловлено спецификой коммуникативной организации: автор размещает ссылку на отдельный приходской канал, предназначенный исключительно для подачи поминовений. Реакция аудитории смещается из пространства комментариев в зону практического действия – перехода по ссылке и включения в литургическую практику. Высокая вовлеченность подписчиков фиксируется уже в рамках связанного канала, где под соответствующими публикациями размещаются тысячи комментариев с именами для поминовения, что свидетельствует о востребованности данной формы пастырской коммуникации и доверии аудитории к заявленному принципу бесплатности.

Совокупность этих сочетаний раскрывает ключевой принцип медиастилия Павла Островского – соединение духовной традиции с языком современной публичности, в которой пастырское слово сохраняет миссионерскую силу, адаптируясь к новым форматам коммуникации.

Одной из наиболее заметных характеристик постов иерея является его активная социальная вовлеченность, выражающаяся в постоянном отклике на актуальные события и общественные явления (блокировки сервисов, аборт, измены в браке, меры повышения рождаемости). В отличие от многих представителей духовенства, склонных к дистанцированию от текущей повестки, Павел Островский последовательно выстраивает образ священника, присутствующего в медиареальности и вовлеченного в дискуссии о том, что волнует современного человека. Его публикации включают размышления о семье, браке, воспитании, использовании социальных сетей, феномене агрессии и потребительства, культурных трендах и даже массовом кинематографе.

При этом священник сознательно отстраняется от политической риторики – его оценки формулируются в нравственно-богословской плоскости. Так, обсуждая аборт, Павел Островский переносит фокус с публичного осуждения на пастырскую заботу о женщинах, которые пошли на такой шаг: «Таким людям всегда надо протягивать руку помощи и доброго участия в их скорби, чтобы они не были побеждены демоническим отчаянием, а мужественно жили дальше, сами стараясь помогать другим» (пост от 10.01.2025). Священник осуждает грех, но проявляет сочувствие к человеку, тем самым актуализируя пастырскую антропологию милосердия, в которой покаяние рассматривается как процесс внутреннего исцеления, а не как публичное наказание.

Социальная вовлеченность иерея опирается на принцип диалогичности, который делает его высказывания не монологом проповедника, а диалогом с обществом. Он отвечает на комментарии, ссылается на вопросы подписчиков, цитирует их сомнения, а также обращается к аудитории в тоне доверительного собеседника («Пишите свои варианты в комментариях» – пост от 05.02.2025). Такое коммуникативное поведение отражает трансформацию современного священнического

дискурса – переход от вертикальной модели «проповеди сверху» к горизонтальной модели публичной пастырской коммуникации, ориентированной на общение, совместное размышление и взаимное понимание.

Священник активно использует приемы, характерные для современного блогерства, включая прямые обращения к аудитории, побуждение к реакциям и комментированию. Применение подобных стратегий свидетельствует о включенности пастырской медиакоммуникации в актуальную цифровую культуру и демонстрирует, что данные практики не воспринимаются как чуждые представителю института с тысячелетней традицией. Напротив, они выступают инструментами адаптации церковного слова к медиасреде, позволяя преодолеть представление о Церкви как об изначально архаичной и трудно модернизируемой структуре.

Существенной особенностью медиакоммуникации священника является специфическая работа с обратной связью аудитории. В ряде случаев реакция на обращения подписчиков переносится в прямые эфиры на радио “Sputnik”, где выступает Павел Островский. Вопросы, оставленные в комментариях или озвученные по телефону, получают развернутые ответы. Такая стратегия свидетельствует о перераспределении коммуникационных уровней: комментарии выполняют функцию сбора запросов аудитории, тогда как ответ реализуется в форме публичного устного высказывания, сохраняющего пастырский и диалогический характер.

Показательной является и реакция священника на негативные или провокационные комментарии. Вместо вступления в конфликтную дискуссию он использует иронично-дистанцированную риторику, сочетающую элементы мягкой самоиронии и нравственного наставления («Господа хейтеры и завистники, обнимаю вас нежно...» – пост от 22.03.2025). Подобные высказывания не направлены на эскалацию спора, а переводят потенциально конфликтную ситуацию в регистр моральной рефлексии. Тем самым пространство комментариев не превращается в арену полемики, а сохраняется как часть пастыр-

ской медиасреды, где даже критика осмысливается через призму ценностей ненасильственного общения.

В текстах Островского также прослеживается стремление морально интерпретировать общественные процессы, сохраняя при этом уважение к границам светского пространства. Его комментарии к социальным и культурным явлениям не носят характера идеологической полемики, а направлены на выявление духовных смыслов повседневности. Так, рассуждая об оскароносном фильме «Анора», (2024, режиссер Шон Бейкер) он не ограничивается эстетической оценкой, а показывает, как массовое искусство становится инструментом трансляции моральных норм, указывая на политическую «повестку» и предполагаемые искажения в изображении России и традиционных ценностей («Анора – это хороший пример, как нужно вкладывать деньги в отработку нужной тебе повестки» – пост от 16.01.2025).

Нередко Павел Островский демонстрирует характерную для его риторики переориентацию общественно-церковной проблематики из институционального уровня в персоналистский. Так, в одной из публикаций поводом для размышления служит дискуссия о «молчащей Церкви» – метафоре, часто используемой в публичных дебатах о недостаточной активности духовенства в общественной сфере. Священник, однако, сознательно смещает фокус: он утверждает, что подлинное свидетельство Церкви не в медийных продуктах и публичных выступлениях, а в живом пастырском общении, в «простом добром отношении приходского священника к даже случайно зашедшему в храм человеку» (пост от 13.03.2025). Этот поворот к конкретному опыту общения отражает пастырскую антропологию автора, где христианство мыслится не как идеологическая программа, а как форма личного присутствия и соучастия. Тем самым он противопоставляет технологизацию веры («множество медиапроектов») подлинной церковной коммуникации, происходящей в непосредственном человеческом контакте.

Иерей, сам являясь активным медиадеятелем, не отрицает ценность цифровой миссии, но подчеркивает ее вторичный характер: любой «зритель проекта» неизбежно оказывается перед лицом реального

священнослужителя, и именно личное взаимодействие становится решающим для его церковной идентичности. Павел Островский формулирует этический предел медиатизации религии: цифровая проповедь не может заменить пастырской эмпатии. Священник должен напрямую участвовать в конкретной человеческой судьбе.

Автор часто использует и метафоры. Он сравнивает современную динамику жизни с высокоскоростным поездом «Сапсан» (пост от 14.03.2025). Павел Островский показывает, что человек утратил способность к рефлексии: движение стало самоцелью, а остановка – эквивалентом смерти. В этой формуле угадывается критика техногенной цивилизации, для которой утрата духовного равновесия маскируется под прогресс. Примечателен риторический сдвиг: священник не противопоставляет «цивилизованный мир» и «верующих» в моралистическом ключе, а иронизирует над восприятием христианства как архаики. Он выявляет парадокс современности: вера, предупреждающая об опасностях утраты смысла, оказывается в позиции маргинального голоса, хотя именно она несет потенциал замедления и возвращения к смыслу.

Финальная реплика этого поста («Мою публикацию вы тоже забудете через 3... 2... 1») выступает как саморефлексивный жест. Автор демонстрирует осознание эфемерности собственного медиаслова в цифровом потоке. Это редкий для церковного дискурса элемент иронического самоуничижения, превращающий текст в критику не только внешнего мира, но и самого формата, в котором он существует. Тем самым иерей ставит под вопрос возможность подлинной проповеди в условиях динамичной коммуникации: если послание растворяется в потоке, то единственный способ «остановить Сапсан» – внутреннее усилие читателя. По мнению священника, спасение возможно через остановку, то есть через духовное сосредоточение и молитвенное молчание.

Часто Павел Островский использует ироническое разоблачение религиозных суррогатов, маскирующихся под духовность. Он приводит статистику роста рынка гадательных практик и лаконично завершает

публикацию фразой «Святая Русь, говорите?», превращая сухие цифры в сатирический диагноз современному обществу (пост от 30.03.2025). Здесь прослеживается сочетание журналистской фактологичности и библейского пророческого тона. Люди активно верят в суеверия, а массовое увлечение гаданием становится симптомом духовного вакуума, заменяющего веру ритуальной магией. Ирония в данном контексте становится инструментом демистификации: она выполняет функцию пророческого обличения, где за внешней легкостью реплики скрывается глубокий богословский подтекст – критика идолопоклонства в постхристианском обществе.

Проведенный анализ позволил выявить ключевые черты пастырской медиариторики Павла Островского в цифровом пространстве. Материал Telegram-публикаций продемонстрировал, что современная форма церковного слова способна сохранять духовную глубину, переходя в среду кратких, визуально насыщенных и динамичных коммуникационных практик. Священник использует сетевое пространство не как замену храмовой проповеди, а как расширение пастырского присутствия, где личное обращение и доверительный тон становятся частью миссионерской стратегии.

Выделенные частотные лексемы и устойчивые биграммы отражают тематические и смысловые доминанты медиариторики автора. Они демонстрируют соединение антропоцентрического, богословского и коммуникативного измерений, где внимание к личности, эмпатия и культурная адаптация речи выступают инструментами духовного наставления.

Социальная вовлеченность в текстах Павла Островского имеет миссионерско-наставнический характер. Через обсуждение общественных тем он конструирует пространство, в котором христианское мировоззрение соотносится с современной культурой, не вступая с ней в открытую вражду, а предлагая нравственную альтернативу. Его тексты интегрируют православный взгляд в публичную сферу без утраты внутренней идентичности, что делает феномен священника примером современного миссионерства, соединяющего традицию и социальную рефлексию.

Таким образом, медиариторика иерея Павла Островского представляет собой пример адаптации пастырского слова к условиям медиакультуры XXI века. Сохраняя богословскую традицию и проповеднический пафос, автор использует язык, понятный современной аудитории, создавая новую форму христианской публичности – открытую, диалогичную и культурно чувствительную.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телеграм-канал «Павел Островский». URL: <https://t.me/pavelostrovski>
2. *Афанасьева М.А.* Цифровизация религиозного сознания: проблемы и перспективы // «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки», № 4, 2023. DOI: 10.37482/2687-1505-V276
3. *Нимяев Э.А.* Место религии в системе цифровых коммуникаций: «пространство для сообщества» и цифровой религиозный суррогат // «Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина», № 3, 2023. DOI: 10.35231/18186653_2023_3_171
4. *Ицкович Т.* Язык и стиль современных православных СМИ (на материале СМИ Екатеринбургской епархии) // Меди@льманах. 2011. №4 (45).
5. *Макарова А.С.* Православный публицистический дискурс в современной гуманитарной парадигме: отличительные черты // «Вестник ННГУ», № 4, 2019.
6. *Козлова Е.А., Гречицкая М.В.* Концепт ВЕРА и религиозный дискурс: влияние медиа // «Филологические науки. Вопросы теории и практики», № 1, 2023. DOI: 10.30853/phil20230011
7. *Островская Е.А.* Альтернативный медиадискурс об РПЦ: православные Telegram-каналы // «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», № 2 (168), 2022. DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.2046

REFERENCES

1. Telegram channel “Pavel Ostrovsky”. URL: <https://t.me/pavelostrovski>
2. *Afanasyeva M.* Digitalization of Religious Consciousness: Problems and Prospects // “Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series:

- Humanities and Social Sciences”, No. 4, 2023. DOI: 10.37482/2687-1505-V276
3. *Nimyaev E.* Locating Religion in the Digital Communications System: “Space for the Community” and a Digital Religious Surrogate // “Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin”, No. 3, 2023. DOI: 10.35231/18186653_2023_3_171
 4. *Itskovich T.* Language and style of modern orthodox media (based on the media of the Yekaterinburg Diocese) // “Medi@lmanakh”, No. 4 (45), 2011.
 5. *Makarova A.S.* The Orthodox journalistic discourse in the modern humanitarian paradigm: distinctive features // “Bulletin of UNN”, No. 4, 2019.
 6. *Kozlova E., Gremitskaya M.* The FAITH Concept and Religious discourse: media influence// “Philological sciences. Theoretical and Practical Issues”, No. 1, 2023. DOI: 10.30853/phil20230011
 7. *Ostrovskaya E.* Alternative media discourse about the ROC: Orthodox Telegram channels // “Monitoring of Public opinion: economic and social changes”, No. 2 (168), 2022. DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.2046

**PASTORAL MEDIA RHETORIC IN THE DIGITAL SPACE:
A CASE STUDY OF PRIEST PAVEL OSTROVSKY’S
TELEGRAM PUBLICATIONS**

M. Alekryan¹, M. Tyapin²

¹*Russian-Armenian University*

²*Moscow State University*

ABSTRACT

The article analyzes the pastoral media rhetoric of Priest Pavel Ostrovsky in the digital environment, based on publications from his official Telegram channel during the first half of 2025. The empirical corpus comprises about nine hundred messages, mostly textual, often accompanied by visual elements. Through qualitative and quantitative analysis, the study examines the tone, genre diversity,

and use of quotations, as well as the balance between sacred and everyday registers of speech. It demonstrates that pastoral media rhetoric represents a new model of religious public communication, where theological discourse is integrated with a conversational tone and elements of cultural reflection. The study concludes that traditional pastoral discourse is being transformed in the context of 21st-century media culture, where spiritual guidance becomes part of digital interaction.

Keywords: pastoral media rhetoric; digital religious communication; Telegram discourse; Pavel Ostrovsky; religious media image.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Айрапетян А.К.** к.ю.н., доцент Кафедры международного и европейского права Российско-Армянского университета (РАУ)
- Айрапетян В.Л** к.э.н., доцент Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского университета (РАУ)
- Алекян М.В.** к.филол.н доцент, заведующая Кафедрой журналистики Российско-Армянского университета (РАУ)
- Аругюнян М.Л.** старший преподаватель Кафедры политологии им. К.А. Мирумяна Российско-Армянского университета (РАУ)
- Берберян А.С.** д.психол.н., профессор, заведующая Кафедрой психологии Российско-Армянского университета (РАУ)
- Варданян М.А.** соискатель Кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского университета (РАУ)
- Галстян А.Г.** к.э.н., доцент Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского университета (РАУ)
- Гегамян Э.К.** соискатель Кафедры психологии и политологии Академии государственного управления Республики Армения
- Есаян А.В.** преподаватель Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского университета (РАУ)
- Карапетян Р.К.** д.и.н., профессор Кафедры мировой политики и международных отношений Российско-Армянского университета (РАУ), старший научный сотрудник Отдела всеобщей истории Института истории НАН РА
- Мартиросян А.А.** преподаватель Кафедры дипломатической службы и коммуникации Ереванского государственного университета (ЕГУ)

Матвеева Н.В.	соискатель Кафедры психологии Российско-Армянского университета (РАУ)
Мкртчян М.Г.	преподаватель Кафедры дипломатической службы и коммуникации Ереванского государственного университета (ЕГУ)
Назаретян Р.В.	студент 4-ого курса по направлению «Юриспруденция» Российско-Армянского университета (РАУ)
Сантросян Э.Г.	магистрант МОП «Поведенческая экономика» Российско-Армянского университета (РАУ)
Саркисян О.Л.	к.филос.н., доцент, заведующий Кафедрой политологии им. К.А. Мирумяна Российско-Армянского университета (РАУ)
Симонян А.А.	д.филол.н., профессор, заведующая Кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского университета (РАУ)
Тер-Варданян А.А.	соискатель Кафедры политологии им. К.А. Мирумяна Российско-Армянского университета (РАУ)
Тяпин М.А.	аспирант Кафедры литературно-художественной критики и публицистики Факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ)
Фарамазян М.С.	аспирант Кафедры русской литературы Ереванского государственного университета (ЕГУ)
Хагагортян И.А.	магистрант МОП «Международная экономика» Российско-Армянского университета (РАУ)
Хачатурян С.О.	преподаватель Кафедры политологии им. К.А. Мирумяна Российско-Армянского университета (РАУ)
Шахназарян О.С.	преподаватель Кафедры гражданского права и гражданско-процессуального права Российско-Армянского университета (РАУ), судья Апелляционного антикоррупционного суда, председатель Комиссии по вопросам этики и дисциплины Общего собрания судей Армении

**Вестник Российско-Армянского университета.
Серия: гуманитарные и общественные науки, № 2 (57), 2026**

**Vestnik of Russian-Armenian University
Series: Humanities and Social Sciences, № 2 (57), 2026**

Главный редактор РНИ – М.Э. Авакян
Редакторы – А.С. Есаян, Н.Б. Бадалян
Компьютерная верстка – А.Г. Антонян

Editor-in-Chief of the RNI – M. Avakyan
Editors – A. Yesayan, N. Badalyan
Computer layout – A. Antonyan

*Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского университета:
0051, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123
тел./факс: (+374 12) 77-57-75 (внутр. 392)
e-mail maria.avakian@rau.am*

*Address of the Editorial Board
of Scientific Publications of
the Russian-Armenian University:
0051, Yerevan, st. Hovsep Emin, 123
tel./fax: (+374 12) 77-57-75 (ext. 392)
e-mail: maria.avakian@rau.am*

Заказ № 12
Подписано к печати 24.07.2026
Формат 70x100^{1/16}. Бумага офсетная № 1.
Объем 19,5 усл. п.л.
Тираж 110 экз.

Order № 12
Signed for publication on 24.07.2026
Format 70x100^{1/16}. Offset paper No. 1.
Volume 19,5 conv. p.
Circulation 110 copies